
ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 7 НОЯБРЯ 1969 ГОДА.
ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУДЯЩИХСЯ СТОЛИЦЫ.

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

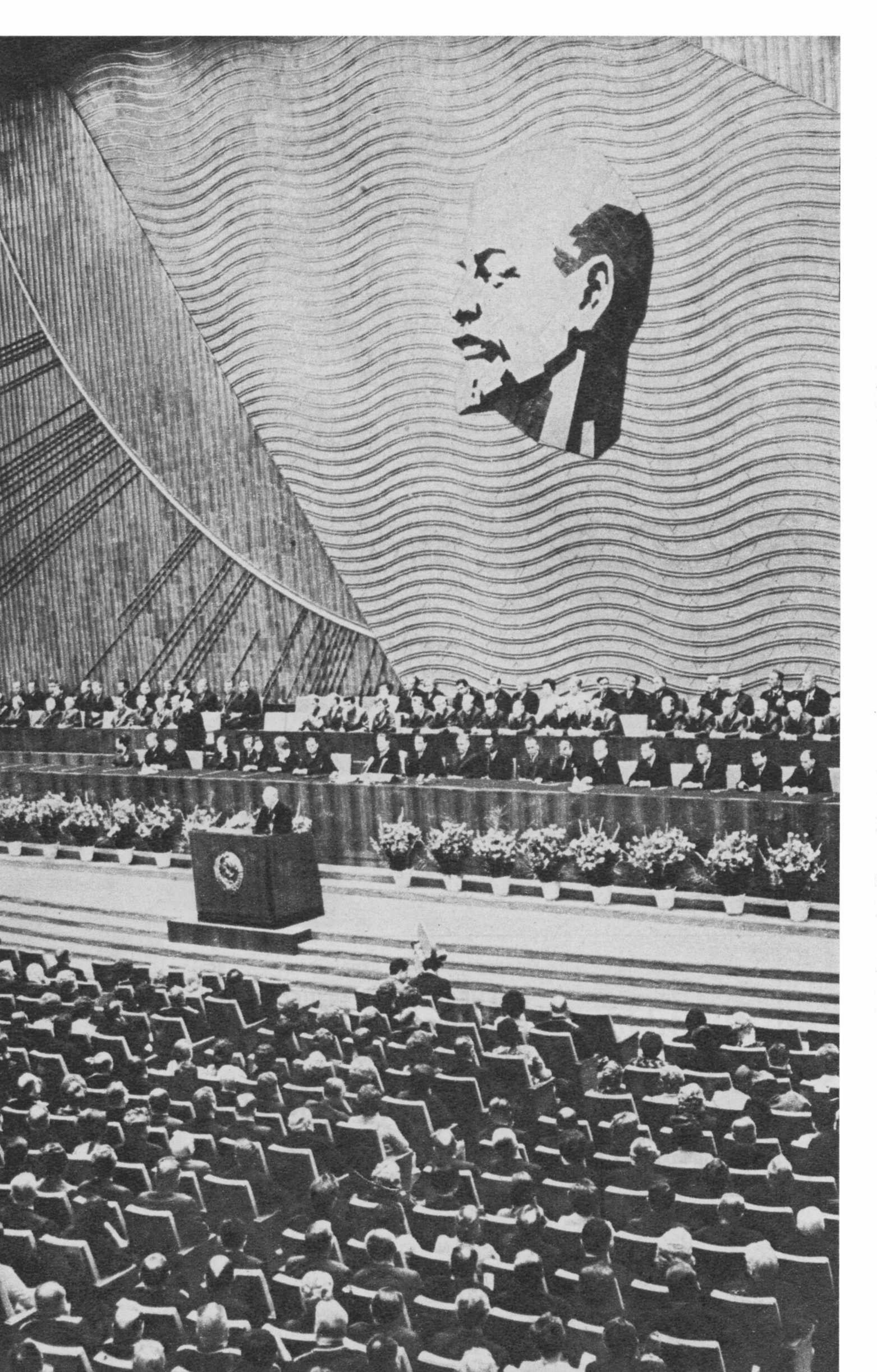
№ 46 (2211)

Основан 1 апреля 1923 года

15 НОЯБРЯ 1969

ПРАЗДНИК ВЕЛИКО

Торжественно и радостно весь советский народ отметил 52-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

6 ноября в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное заседание, посвященное 52-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Зал дворца заполнили рабочие столичных предприятий, инженеры, ученые, деятели культуры, воины Советской Армии, труженики подмосковных колхозов и совхозов.

Присутствовали зарубежные гости, иностранные дипломаты.

Собравшиеся горячими аплодисментами встретили появление в президиуме торжественного заседания товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

В президиуме были также находящиеся в нашей стране с официальным визитом Председатель Президиума Центрального Комитета Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Председатель Консультативного совета Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам доктор Нгуен Хыу Тхо, Председатель Революционного совета, Премьер-Министр и главнокомандующий вооруженными силами Демократической Республики Судан генерал-майор Джафар Мохаммед эль-Нимейри.

Заседание открыл председатель исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся В. Ф. Промыслов.

С докладом «Под знаменем Ленина к новым победам коммунистического строительства» выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Седьмого ноября в Москве, на Красной площади, состоялись военный парад войск Московского гарнизона и демонстрация представителей трудящихся столицы.

Москва. Кремлевский Дворец съездов. 6 ноября 1969 года.

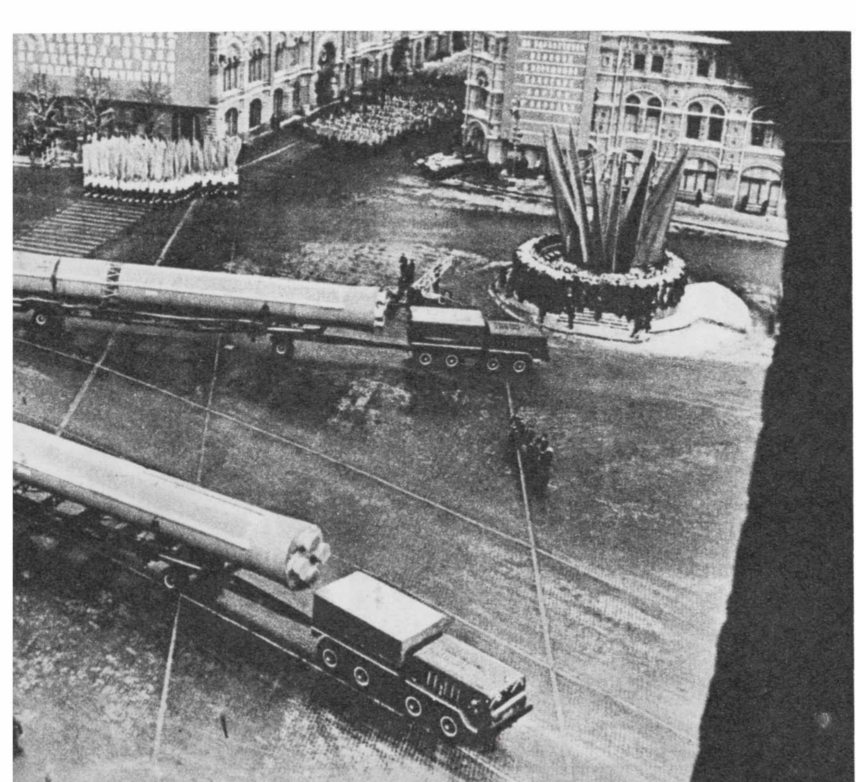

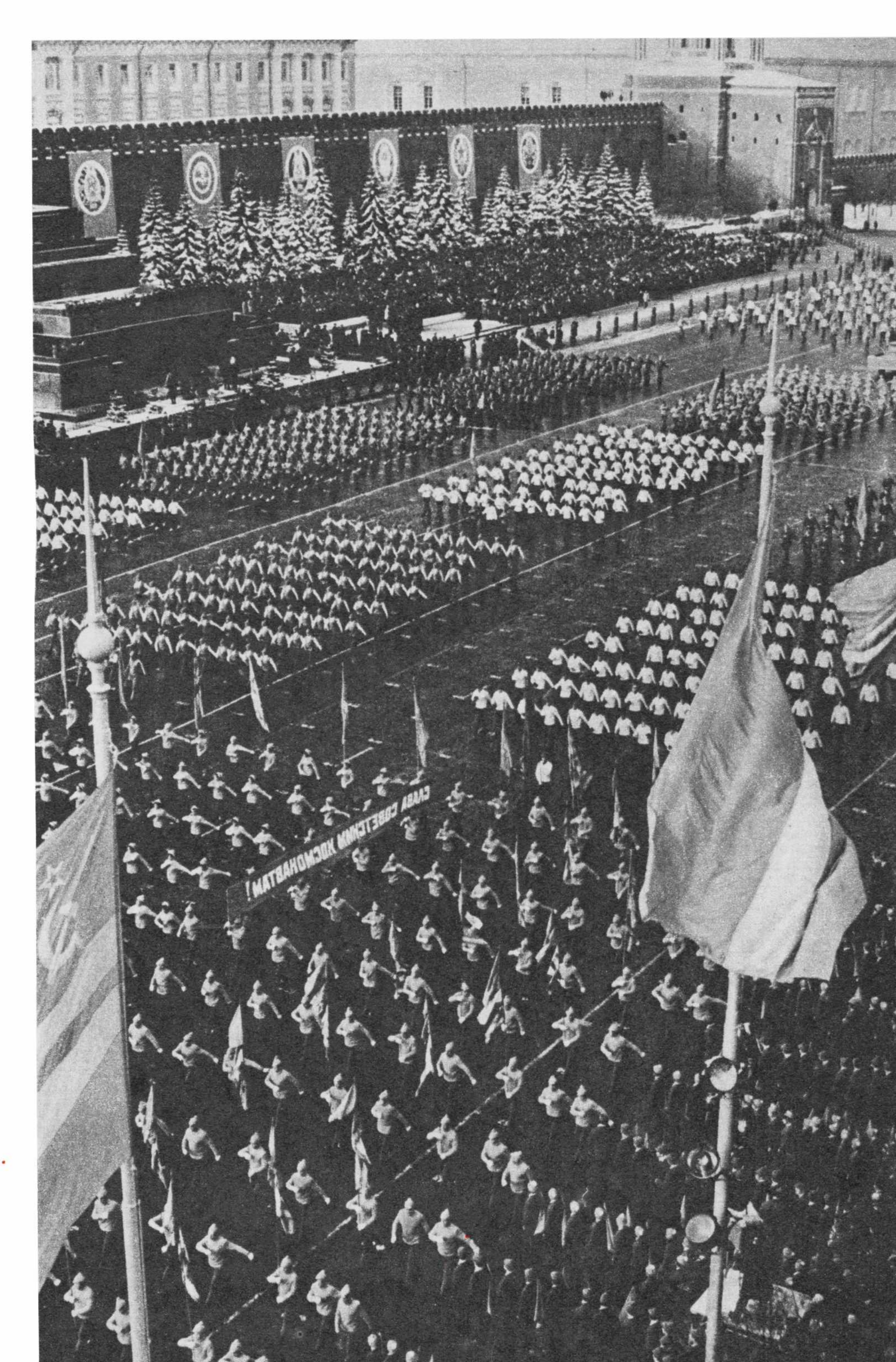
ГО ОКТЯБРЯ

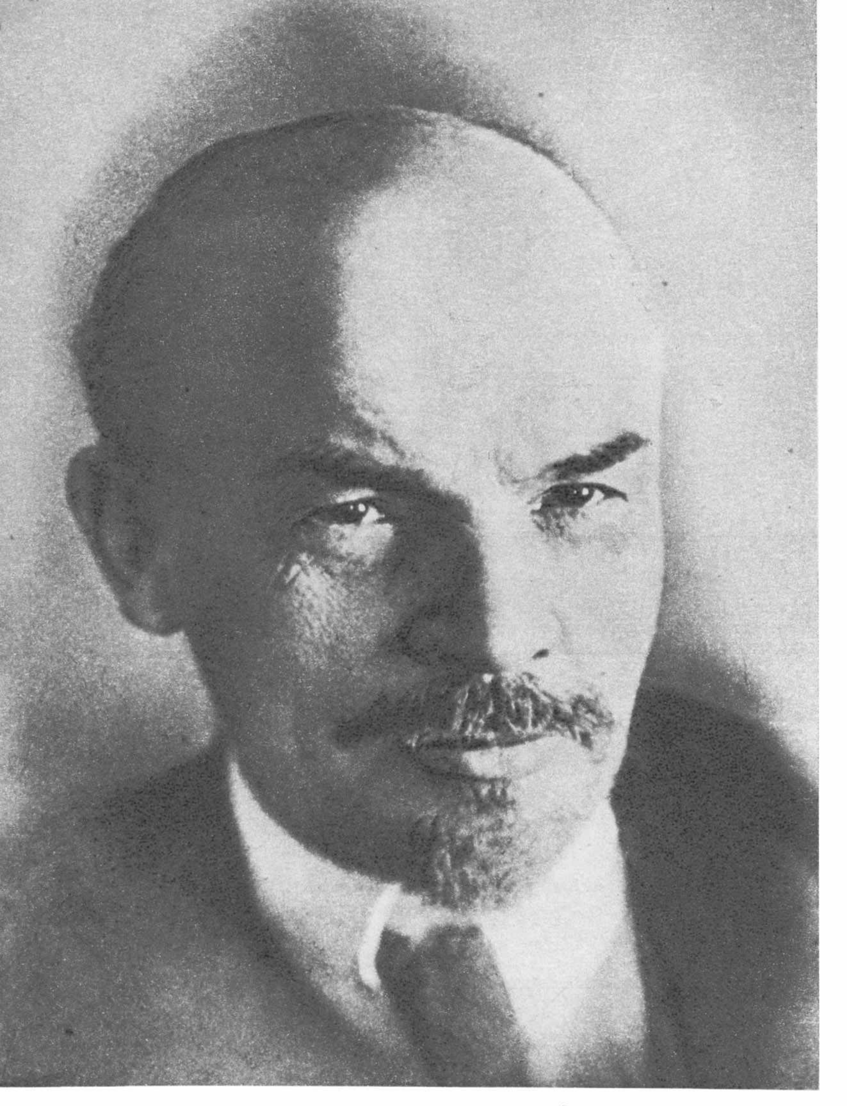
Москва.
Красная площадь.
7 ноября 1969 года

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, М. Савина, Д. Ухтомского.

В. И. Ленин. 1918 год.

Фото М. Наппельбаума.

Большая восьмиметровая фотография занимает всю стену громадного зала. Этот портрет Владимира Ильича знает весь мир. Но не многие знают, что это — первая фотография Ленина, сделанная после Октябрьской революции: в январе 1918 года в Смольном известный фотограф-художник М. Наппельбаум снимал вождя революции и создателя Советского государства.

Посетители выставки подолгу задерживаются у портрета.

Владимир Ильич на фотографии улыбается, и кажется, что его чуть-чуть прищуренные глаза смотрят на тебя. Необычайно сильно эмоциональное воздействие фотографического образа.

В Центральном выставочном зале в Москве в канун праздника открылась Международная выставка художественной и документальной фотографии, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Фотожурналисты, мастера художественной фотографии, фотолюбители Советского Союза и шестидесяти стран мира показывают здесь свои работы — их около двух тысяч.

Впервые вижу так много фотографий, посвященных жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Посетители выставки внимательно рассматривают снимки, рассказывающие о том, как уверенно шла наша страна по ленинскому пути. Индустриализация, электрификация, коллективизация, Великая Отечественная война — далеко не полный перечень тем, воплощенных в фотографических художественных образах.

...Партия коммунистов, соратники вождя революции, руководители партии и правительства — этим фотографиям посвящен один из разделов выставки.

Организаторы выставки — Союз журналистов СССР, ВЦСПС, Министерство культуры СССР и Комитет по печати при Совете Министров СССР — сделали многое, чтобы выставка вызвала большой интерес у советских людей. На этих страницах мы печатаем несколько фотографий из Ленинианы.

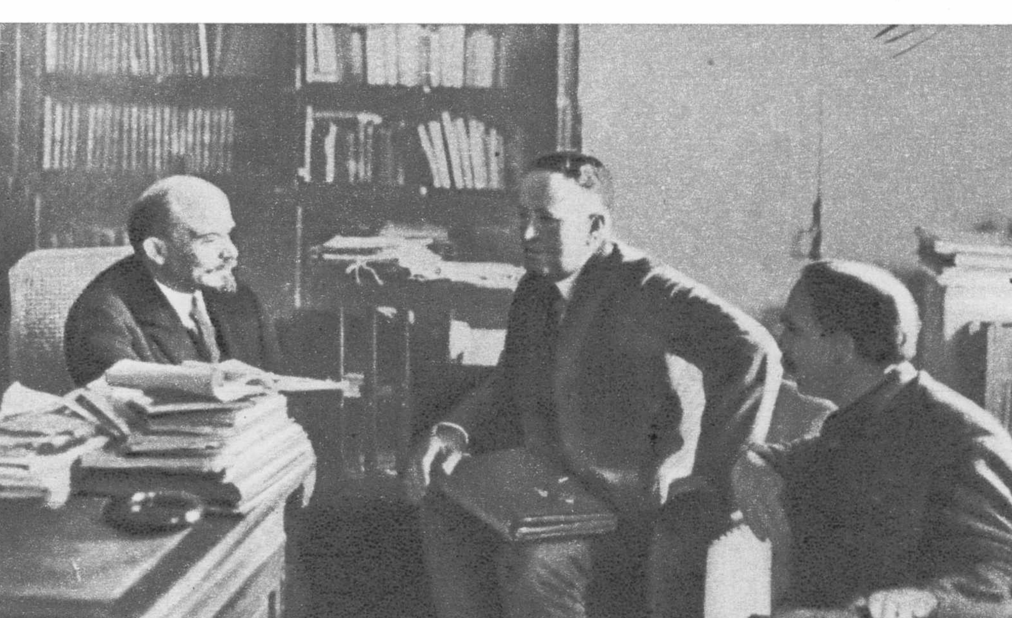
Дмитрий БАЛЬТЕРМАНЦ

В. И. Ленин на закладке памятника К. Марксу. Москва, 1 мая 1920 года.

Фото А. Савельева.

В. И. Ленин в своем кабинете в Кремле беседует с американским экономистом Христенсеном. Москва, 28 ноября 1921 года.

Фото А. Левицкого.

В. И. Ленин на испытании первого советского электроплуга. Москва, 22 октября 1921 года.
Фото Зубкова.

В. И. Ленин и М. И. Калинин в Доме союзов во время работы I Всероссийского съезда трудовых казаков. Москва, 1 марта 1920 года.
Фото ВЦИК.

ЛЕНИНУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ

Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о Юбилейной медали в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Эта медаль учреждается двух наименований: «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»; «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

СУДАНСКИЕ ГОСТИ В МОСКВЕ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Москву прибыл Председатель Революционного совета, Премьер-Министр и главнокомандующий вооруженными силами Демократической Республики Судан генерал-майор Джафар Мохаммед эль-Нимейри. Вместе с ним прибыли члены суданского правительства и другие государственные деятели.

Во время пребывания в Советском Союзе высокий суданский гость нанес визиты в Кремле Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину.

Между главами правительств обеих стран состоялись переговоры, которые проходили в обстановке дружбы и взаимопонимания. В ходе встречи состоялся обмен мнениями по вопросам советско-суданских отношений, а также по ряду актуальных международных проблем.

На снимке: на переговорах в Кремле.

Фото В. Будана (ТАСС).

СЛОВО ОБЩЕСТВЕННОМУ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДЕЯТЕЛЮ ИНДИИ

СОВЕТОВАТЬСЯ С ЛЕНИНЫМ

Профессор Хирен МУКЕРДЖИ

Не было более великого события в истории, чем Октябрьская социалистическая революция в России. Она ликвидировала классовую эксплуатацию, эту злокачественную опухоль на теле общества, лишающую человека его сути и являющуюся главной причиной всех зол.

Выдающимся вождем этой революции был Владимир Ильич Ленин. Он навсегда останется светочем, философом и другом для всех, кому дорога свобода и лучшие чаяния Человека.

Наш народ высоко чтит внимание Ленина к Индии, его прозорливые высказывания о поднимающемся на борьбу индийском пролетариате и той роли, которую он должен сыграть в национально-освободительном движении, в избавлении от колониализма.

Индия услышала залпы «Авроры». Революционные ветры Октября перешагнули Гималаи, перешагнули британские колониальные кордоны. Ни английская полиция, ни индийская реакция не смогли бороться с освободительными идеями Октября, которые овладели лучшими умами Индии.

Третий, Коммунистический Интернационал, созданный Лениным, пробудил наш народ и вселил в нас надежду. Мы внимательно прислушивались к высказываниям Ленина о том, что «движение идет вперед, и массы трудящихся, крестьяне колониальных стран, несмотря на то, что они сейчас еще отсталы, сыграют очень большую революционную роль...»

Свои взгляды на характер национально-освободительных революций Ленин основывал на глубоком понимании исторических изменений в мире, вызванных Октябрьской революцией, которая свела воедино борьбу пролетариата и других революционных сил за социализм с борьбой угнетенных народов за национальную независимость.

С первых дней Октябрьской революции в Индии росла тяга к Стране Советов, к ее опыту. В 1947 году Индия обрела независимость, а в 1950 году в нашей стране была провозглашена республика. Перед моей родиной встала важная историческая задача — залечить раны, оставленные колониализмом. Страной, которая протянула нам руку братской помощи, был Советский Союз. В этом нашел свое проявление пролетарский интернационализм первого в мире социалистического государства.

Я мог бы привести много ярких примеров того, как цементировалась дружба наших народов в послевоенные годы, какое огромное влияние оказала ваша страна на пути развития моей родины. Еще в годы колониализма мы читали произведения Ленина на английском языке, а сегодня тысячи молодых индийцев читают его в подлиннике — на русском языке.

Наш покойный премьер-министр Джавахарлал Неру еще в одной из своих книг, «Открытие Индии», дал объективную оценку Октябрьской революции. «Я не сомневался,— писал он,— что советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

И сегодня мы видим, какие перемены произошли во всем мире, каких огромных высот достиг не только Советский Союз, а все великое содружество социалистических государств. Недавно я был участником ленинского международного симпозиума в Алма-Ате. Люди из десятков стран всех континентов отдавали должное всепобеждающему учению марксизма-ленинизма, которое овладело ныне умами всего прогрессивного человечества. Мир отдает величайшую дань уважения Ленину в канун его приближающегося столетия.

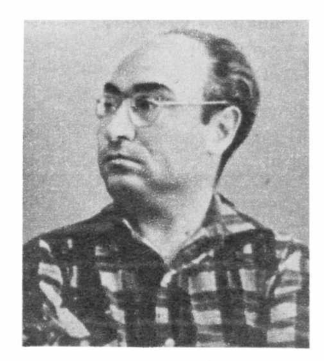
Мы в Индии чтим его как подлинного друга, советуемся и будем советоваться с ним.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ!

В день праздника Великого Октября опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1969 года в области науки и техники и в области литературы, искусства и архитектуры. Новыми лауреатами стала большая группа ученых и техников, а также работников литературы, искусства и архитектуры.

Андрей МАЛЫШКО. За цикл стихов «Дорога под яворами».

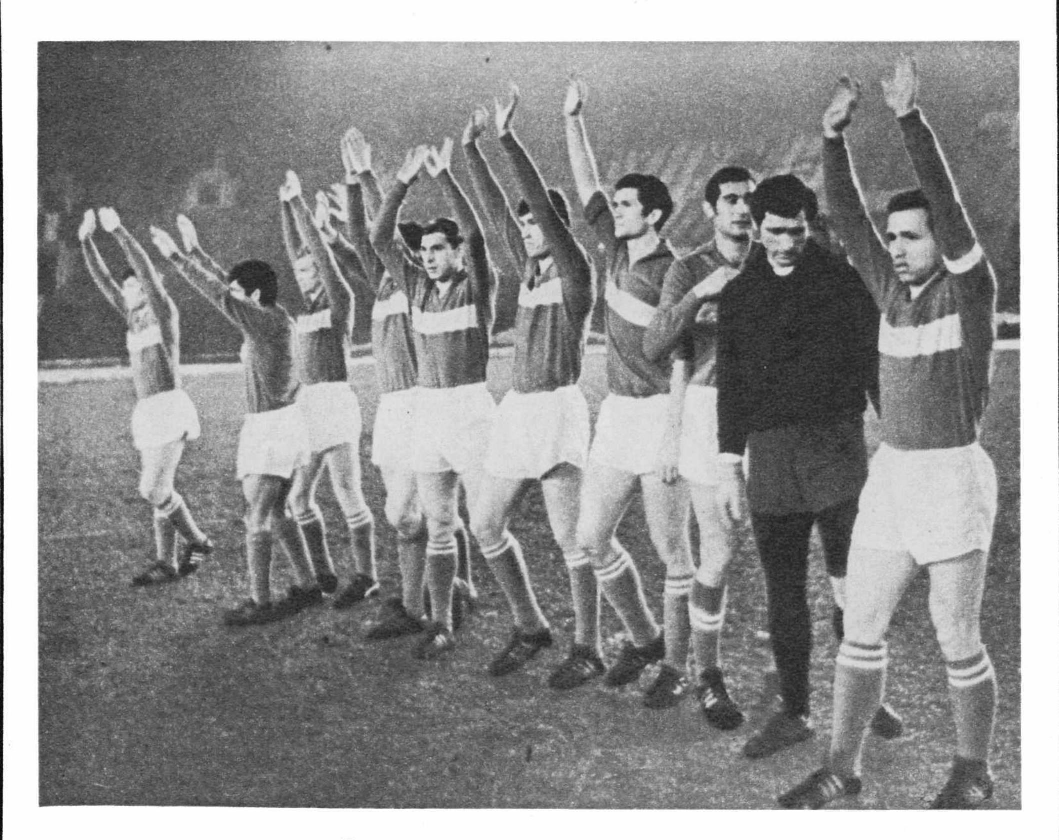
Григор ХАНДЖЯН. За иллюстрации и оформление книги П. Севака «Несмолкающая колокольня».

Олег ЕФРЕМОВ. За актерские и режиссерские работы последних лет в московском театре «Современник».

Михаил ЦАРЕВ. За исполнение ролей Вожака в спектакле «Оптимистическая трагедия» и Старика в спектакле «Старик» в Государственном академическом Малом театре.

Вот они — новые чемпионы.

«СПАРТАК»—ЧЕМПИОН

Крупный успех в спорте никогда не приходит случайно. Победа московского «Спартака» в футбольном чемпионате страны готовилась задолго до того, как на поле в Лужниках прозвучал 10 ноября финальный сигнал судьи.

Надо отдать должное армейским футболистам столицы: они в обоих матчах со «Спартаком», решивших, по существу, судьбу первенства 1969 года, показали лучшую свою игру. Но «Спартак» был сильнее. Заслуженным мастерам советского футбола Николаю Петровичу Старостину и Никите Павловичу Симоняну удалось создать отличный сплав молодости и опыта, команду прогрессивную в своих исканиях.

Победа «Спартака» закономерна в этом сезоне. На всем протяжении долгого и трудного чемпионата команда была лидером. Это лидерство в упорнейшей борьбе с классным и закаленным коллективом динамовцев Киева «Спартак» сумел сохранить до последнего тура соревнований.

Игра нового чемпиона, волевая и мастерская, радует тем более, что в ней черты зрелости и новаторства нашего футбола.

М. АЛЕКСАНДРОВ

У ворот армейцев...

Фото А. Бочинина.

Н. БЕРЗЕГОВ
Первый секретарь Адыгейского обкома КПСС

Фото К. КАСПИЕВА.

СЧАСТЬЕ АДЫГОВ

Всякий раз, когда думаешь о дороге борьбы и революции, на какую решительно и смело вставали народы по зову великого Ленина, в памяти невольно воскресают волнующие строки из ленинской работы «Что делать?». Помните, как пишет там Владимир Ильич: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем».

Не жалея жизни, боролись адыги-большевики, адыги-труженики за Советскую власть с белогвардейцами на Кубани, отстаивали Царицын, служили в войсках Буденного и Кочубея... И много славных имен героев бережет с тех пор народ Адыгеи в своем сердце.

Летом 1922 года произошло образование Адыгейской автономной области. Поздней осенью того же 1922 года в ауле Габукай состоялся торжественный митинг по случаю празднования пятой годовщины Октября. Тогда в Габукае собралось более двух тысяч человек. Это был первый большой митинг трудящихся Адыгеи, многим запомнившийся как важнейшее событие в жизни. Тем более прочно запечатлелся этот митинг в памяти всех его участников, людей, всем сердцем потянувшихся навстречу новому, что они приняли тогда единодушное решение: послать письмо Владимиру Ильичу, самому близкому и дорогому человеку на земле; высказать вождю чувства любви и признательности; заверить Ленина в непоколебимой преданности, в горячем патриотизме...

В искреннем и взволнованном письме адыгов говорилось: «...шлем Вам, дорогой Владимир Ильич, сердечный привет и поздравление от имени всего черкесского народа. В лице Вашем мы приветствуем Советскую власть и Коммунистическую партию, давшую на деле самоопределение всем народам. Черкесы твердо и непоколебимо будут стоять на страже завоеваний, которые дала Октябрьская революция. Интересы пролетариата всего мира будут отныне интересами черкесского народа... Мы стремимся идти по указанию Советской власти и компартии через тяжелый путь экономического развития к социальному, и мы уверены, что нам поможет и облегчит этот путь русский пролетариат».

Трудящиеся Адыгеи дали слово Ленину; еще раз подтвердили непреклонное решение: оставаться плечом к плечу с Советской Россией, с Коммунистической партией, вместе строить новую жизнь, быть рядом и в мирном труде, а если понадобится, то и на полях сражений.

Все это и впрямь было впереди! Были впереди и нелегкий труд и упорные кровопролитные бои с фашистскими захватчиками, поднявшими руку на Советский Союз, а значит, и на свободу Адыгеи, на общие великие завоевания народов, строивших социалистическое общество.

Но теперь, перед лицом многих серьезных испытаний, Адыгея уже не была одинока. Она была в братском содружестве народов многонациональной социалистической Родины, руководимых партией великого Ленина. Она чувствовала локоть своего старшего брата — русского народа, опиралась на него.

В долгой истории адыгейцев есть такая славная дата — 1557 год. Именно тогда адыгейский народ, теснимый чужеземными захватчиками, добровольно присоединился к России. В лице русского народа адыги более четырех веков назад обрели верного и надежного друга, хотя, конечно, этот давний исторический акт не мог разрешить «внутренних» социальных проблем. Это впоследствии оказалось под силу Великой Октябрьской социалистической революции.

Царизм же оставался жестоким врагом трудового народа. В прошлом у адыгейцев от неурожаев, голода и эпидемий, от нищеты и беспощадной эксплуатации вымирали целые семьи и даже аулы... А помощи ждать было не от кого. Обреченные, по сути дела, на уничтожение в условиях беспощадного военно-колониального режима, адыги были полностью бесправны. У них не было ни защитников, ни советчиков, да и откуда им было взяться: нищие, малолюдные аулы не знали ни школ, ни больниц. Из двенадцати учителей-адыгейцев, которые имелись в области до Великой Октябрьской социалистической революции, ни у одного не было высшего образования.

Царское правительство не позволяло адыгам учиться: чем невежественней был народ, тем легче было грабить и эксплуатировать его царским колонизаторам. Вплоть до советского времени адыгейцы не имели ни своей письменности, ни литературы. Народный ашуг, замечательный певец Цуг Теучеж, которому довелось на себе испытать тяжелую дореволюционную жизнь, с горечью говорил, что не может записать свои любимые песни, чтобы оставить их народу.

Однако, несмотря на бесправие, адыги сумели сохранить свои лучшие обычаи, свою древнюю культуру, свой внутренний мир, свои народные традиции.

Жизнь адыгов нуждалась в изменениях, неотложных и радикальных. Они были необходимы, как необходим дождь потрескавшейся, иссушенной, отказывающейся родить земле. Нужна была полная свобода. Нужна была земля. Народу требовались образование и культура, уверенность в завтрашнем дне, чувство хозяина своей земли, чувство гражданина.

Все это адыги сполна получили из рук Советской власти. Из рук великого Ленина.

Дары эти бесценны! Веками народ мечтал о них, слагая свои прекрасные песни... О свободе адыги пели даже тогда, когда, казалось, из груди человеческой мог вырваться только стон...

К слову сказать, как раз о такой мечте народа — мечте о счастье, говорится в одной из старинных песен, которые бережно, как драгоценные жемчужины, собирает и поет Гошнау Самогова, наша замечательная актриса.

«Сармаф» — называется песня рабов. Горестно заклинает судьбу в этой песне женщина далекого прошлого; она обездолена и несчастна, дети ее закабалены, богачи издеваются и насильничают над ними. Прекрасные девушки-адыгейки превращены в наложниц: их вывозят, как товар, на берег Черного моря и продают на чужбину...

— Жестокость богачей безгранична. Так пусть же у них вовсе не рождаются дети! Пусть сейчас мы несчастны, пусть мы не знаем, как избавиться от нашего страшного горя, но мы знаем, мы верим: те поколения, которые придут после нас и вслед за нами — наши потомки, получат свободу, значит, они будут счастливы...

Счастье к ленивому не приходит, гласит народная мудрость. Счастье зарабатывают трудом, общими усилиями, борьбой.

Завоевывая счастье, нам прежде всего надо было покончить с вековой нищетой и бескультурьем, создать основу для всестороннего подъема жизни, подъема экономики.

Задача эта казалась на первый взгляд просто нереальной. В 1917 году бедняки составляли почти половину населения; в некоторых аулах на душу приходилось менее полутора десятин земли и то лишь в том случае, если эта «душа» была мужская. Зато, например, султан Адиль Гирей владел 13 000 десятин земли; огромные поместья имели царские чиновники, князья и духовенство, помогавшие царизму держать адыгейцев в кабале.

Бедняков не надо было уговаривать идти в колхозы! Всем сердцем восприняли они политику родной партии, и сами объединялись, с первых же дней коллективизации охотно создавая общее хозяйство. Но ведь и тут жизнь выдвигала свои сложности. Как надо хозяйничать? С чего лучше начать? Как управиться с невиданным богатством — огромными площадями пахотной земли — адыгам, привыкшим буркой накрывать свои нищенские наделы?

На помощь приходили присущий людям здравый смысл, многолетний опыт, врожденная народная сметка и находчивость — те бесчисленные таланты, которых в народе, по выражению В. И. Ленина, непочатый родник.

В ауле Кошехабль (которому, кстати, уже исполнилось 100 лет, а самое слово «Кошехабль» означает «кочующий аул») живет на покое и в полном достатке, получая от колхоза хорошую пенсию, Харун Умарович Костоков. Пожалуй, ничем особенным от других жителей аула он не отличается: всю жизнь работал. Всю войну воевал. Он один из первых наших колхозных организаторов. Первый колхозный бригадир.

Давайте спросим у Костокова, как же начинал он свою колхозную жизнь.

— Страшно даже вспомнить,— говорит Харун Умарович.— В бригаде всего-то был один плуг на четыреста человек, а землищи — сила! Плуг ведешь, ведешь да вместе с конем и спотыкаться начнешь. Наши дети об этом уж забывать стали, а про внуков и говорить нечего: на работу как на свадьбу ходят, нарядные. Хорошая жизнь в аулы пришла!..

Эффективность сельскохозяйственного производства растет высокими темпами, особенно за последнее время, за счет повышения куль-

Растут в Адыгее молодые кадры культуры. В ауле Лакшукай успешно работает завклубом двадцатилетняя комсомолка Марзиет Ереджибок.

Агитбригада Дома культуры Теучежского района приехала с концертом к строителям Кубанского моря. На дне будущего моря и выступают танцоры.

В Майкопе Тасю Потуренко знают не только как библиотекаря. Она активный участник самодеятельности.

При Адыгейском областном Доме народного творчества созданы постоянно действующие курсы клубных работников. Идут занятия хореографического отделения.

Харун Умарович Костоков — один из первых зачинателей новой колхозной жизни. И сейчас еще он полон сил.

Замечательные песни талантливой Гошнау Самоговой, заслуженной артистки РСФСР,— живая история страны и народа. Выступления Г. Самоговой всегда имеют огромный успех; услышать ее — большая радость...

Вот так выглядит богатый Дворец культуры, только что построенный колхозом «Заря» в селе Натырбово.

туры земледелия, внедрения в производство современной техники, достижений науки и передового опыта. Колхозники получают большие, часто даже очень большие урожаи. И не только тех культур, с которыми они знакомы, что называется, сызмала,— как, скажем, пшеница, подсолнечник, кукуруза... Выгодной новинкой для Адыгеи стал рис. Где раньше лежали непроходимые болота, топи, сейчас бежит вода по каналам, разделяющим густые рисовые плантации на неоглядные ярко-зеленые квадраты. И даже в исключительно сложных климатических условиях нынешнего года рис удался на славу. Это еще раз убедило нас в том, что судьбу урожаев все во многом решает вода. Уже совсем скоро разольется на нашей земле огромное Кубанское море. В жизнь области принесет оно свои добрые перемены, свои новшества, появятся рыбоводные хозяйства, новые предприятия... Многие аулы будут переселяться в новый красивый поселок Адыгейск,— уже сейчас он строится на берегу будущего моря.

Хотя теперь и в старых аулах не найдешь прежних лачужек с подслеповатыми оконцами под соломенной или камышовой крышей. Новые дома строят из кирпича, с замысловатыми узорами, в 4—5 просторных комнат, с террасой, с большими и светлыми окнами. И всякий раз строительство нового дома превращается в праздник для всего аула. На стройку являются чуть ли не все жители—от старого до малого, чтобы как-то да помочь соседям поскорее войти в новый дом! Работа идет весело, с песнями, а к вечеру, глядишь, уже и танцы и музыка начались. Своеобразный праздник так и называется по-адыгейски: «Шихаф», что значит «Работай сообща».

У колхозов и колхозников достатки сейчас так возросли, что позволяют им щедрой рукой, не скупясь, тратить деньги на ту графу бюджета, которую раньше еще многие, что греха таить, старались по возможности урезывать. В этой графе числится содержание клубов и домов культуры, стипендии, выплачиваемые будущим специалистам, которых колхозы направляют в город на учебу. Тут же и зарплата — не только самих специалистов сельского хозяйства, но и учителей, воспитателей детских садов, библиотекарей, заведующих клубами...

В Адыгее 170 клубов и домов культуры. Казалось бы, хорошая цифра, есть чему радоваться! Но старый клуб перестает устраивать людей. И начинают заново строить дома культуры. Строят богато, соответственно потребностям.

Не скрывая гордости, говорит об успехах своего хозяйства председатель колхоза «Заря» в селе Натырбово В. С. Селезнев. Все показатели «Зари» теперь характеризуются только многозначными цифрами, и натырбовцы построили у себя не только замечательный Дворец культуры, но еще и большую школу городского типа; заканчивают оборудование больницы и пекарни. В общей сложности на эти стройки колхоз затратил почти три с половиной миллиона рублей. И, что самое радостное, люди не жалеют таких денег, а с удовольствием говорят: «Так ведь ради этого мы работаем и живем!..»

В колхозе имени Ленина, Теучежского района, семь клубов. Тут есть интересные, самобытные танцевальные и хоровые ансамбли, свой оркестр. На базе музыкальной школы создано несколько детских творческих коллективов. Особенно же дорого для нас то, что в строительстве культуры принимают участие люди многих и многих национальностей.

Представители четырнадцати национальностей нашли в колхозе имени Ленина свой родной дом! Живут и работают они среди друзей, уверенные в их радушном, приветливом отношении, глубоко привязанные к земле адыгов, на которой трудятся старательно и честно.

— Я просто не мыслю себе жизни где-то в ином месте,— от души говорит молодой агроном колхоза имени Ленина Анна Васильевна Сидоренко, она же заместитель секретаря парткома. Ее здесь все знают: она здесь родилась и выросла. Здесь же всю свою жизнь провела и мать Анны Васильевны, замечательная русская женщина-коммунистка Екатерина Филипповна Ледовская. Была она и председателем колхоза, и председателем сельсовета, и парторгом; все силы своей богатой, отзывчивой души вкладывала в труд. Мы считаем: в том, что колхоз выдержал экзамен на подлинный интернационализм, на крепкую дружбу народов, на высокую социалистическую гуманность отношений между людьми, немалая заслуга принадлежит коммунистке Ледовской, так же, как теперь и ее дочери.

Если захочешь поговорить с Анной Васильевной, искать ее надо либо на току, либо на табачной плантации, либо на животноводческой ферме — там, где кипит труд. Везде она успевает. И характерно, что колхозники-адыги — даже самые пожилые — зовут коммунистку Анну Сидоренко ласково, по отчеству: «Васильевна». Так же приветливо называют они «Филипповной» и мать Анны Васильевны, выражая тем самым свое уважение к ним.

Искусство, культура, народное творчество,— на эту важнейшую сторону жизни мы обращаем очень большое внимание!

В нынешние дни в аулах уже не ощущается больше та острая нужда в специалистах сельского хозяйства, которую еще несколько лет назад испытывала Адыгея. В том же колхозе имени Ленина тридцать специалистов с высшим и средним образованием. А в народном хозяйстве всей области насчитывается около двадцати тысяч работников, получивших высшее и среднее специальное образование. Но вот что касается работников культуры, то их нам все еще не хватает. И тут большую помощь аулам оказывает наш областной Дом народного творчества. Выпуская хорошо подготовленные кадры клубных работников, Дом народного творчества набирает слушателей среди молодежи, окончившей десятилетки, предпочтение же при наборе оказывают тем, кто имеет направление от колхоза, кто успел уже хорошо проявить себя в самодеятельности.

Окончив курсы клубных работников, вернулась, например, в аул Лакшукай, Теучежского района, двадцатилетняя Марзиет Ереджибок. Всего год она заведует колхозным клубом, а как много удалось ей сделать за этот небольшой срок! Комсомолка Ереджибок создала сильный драматический коллектив. Мы считаем, что он имеет все шансы получить звание Народного театра. Недавно здесь с успехом показали премьеру «История одной семьи» по пьесе адыгейского писателя Юсуфа Тлюстена — спектакль о современности, о колхозной жизни. Интерес к постановке в ауле был очень велик. А сейчас актеров ждут в гости и соседние клубы!

У Марзиет Ереджибок большие планы на будущее: она собирается поставить «Тополек мой в красной косынке» Чингиза Айтматова, «Машеньку» Афиногенова, а в дальних ее замыслах даже «Дядя Ваня» Чехова!.. Во всех творческих начинаниях комсомолку всегда поддерживает партийная организация колхоза. Главные ее помощники — педагоги.

Конечно, очень активно участвует колхозная молодежь в работе всех наших сельских клубов.

В агитбригаду той же Марзиет Ереджибок входят певцы, танцоры, чтецы-декламаторы... Им всегда бывают рады на полевом стане, на стройке, на ферме. Их всегда ждут!..

...Когда встречаешь такие вот «кусочки» живой, неприкрашенной, сегодняшней жизни адыгейского аула — жизни вроде бы самой обычной, повседневной,— то невольно задумываешься над ней. Воспринимаешь ее как малую каплю большого народного моря. Но ведь в каждой такой капле обычно видишь ощутимо и ярко бессмертие идей великого Ленина...

Народная мудрость гласит: «Сила птицы в крыльях, сила человека — в дружбе». В знак крепкой и нерушимой дружбы благодарный адыгейский народ в живописном уголке областного центра, воздвиг монумент Дружбы. Золотыми буквами на нем высечены слова: «Навеки с Россией».

Майкоп.

МАЛЬЧИШКИ УХОДЯТ В КАПИТАНЫ...

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Последний прыжок через Черный порог — и Сума-река уже спокойно, будто отдыхая от бешеной скачки по камням и теснинам, несет свои воды к Белому морю. А по высоким берегам ее, у самого подножия порога, раскинулся Сумский посад — знаменитое поморское село. Немного найдется в Карелии и Поморье сел, которые могли бы похвалиться такой древней и знатной родословной.

С давних времен известен поморский край своими богатствами: строевым лесом, пушниной, жемчугом, солью, рыбой, слюдой. И кто только на него не зарился — и немцы и шведы. Чтобы преградить иноземным захватчикам путь в глубь страны, и встал на Белом море Сумский посад с острогом и крепостью.

Поморское это село всегда славилось своими мореходами и лоцманами. Отсюда уходили поморы на промысел в Студеное окиян-море, на утлых шняках и елах добираясь не только до Мурмана, но даже до Груманта, как звался в те времена Шпицберген. В петровских хрониках упоминается сумский лоцман Вязбин, спасший суда Петра от бури. Большую помощь оказали поморы и в строительстве знаменитой «Осударевой дороги», волока из Белого моря в Онежское озеро, по которому Петр I протащил свои суда, чтобы вывести их затем в Финский залив и на море — дать бой шведскому флоту. До сих пор в Сумпосаде бережно хранится на одной из скал Черного порога старинный ботик, который народная молва считает подарком царя за помощь в прокладке волока...

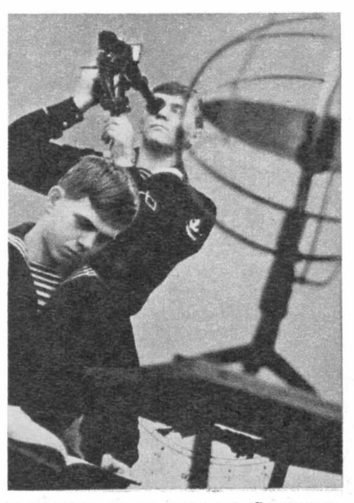
И в наше время не потускнела слава Сумпосада, давшего стране много знаменитых капитанов и мореходов. Здесь родился и вырос прославленный полярный капитан В. И. Воронин. Сын потомственного рыбака-помора, он, как и пятеро его братьев, пошел дорогой отца. Его брат Н. И. Воронин в 1920 году повел судно «Преподобный Трифон Печенегский» из Мурманска в Норвегию с советской делегацией на борту. В пути судно получило новое имя — «Субботник». Это был первый заграничный рейс советского корабля под красным флагом.

Свыше ста лоцманов и капитанов дал Сумпосад флоту за годы Советской власти. Немало интересного может рассказать об этом его старожил Григорий Парфентьевич Проккуев, за плечами которого семьдесят лет и суровая жизненная школа.

Труден моряцкий хлеб. Но в Сумпосаде от моря никуда не уйдешь. Вот и сына Проккуева Константина Григорьевича властно позвало оно. Капитан-наставник Беломорско-Онежского пароходства, он не раз бывал в далеких заграничных плаваниях. Пошел по их стопам и внук Проккуева — Михаил Петров, ныне курсант Петрозаводского речного училища.

Сейчас, пожалуй, и не скажешь, сколько юношей из Сумпосада учится на моряков в Петрозаводске, Беломорске, Мурманске. Иным стал путь в капитаны, иным стало Поморье. Пришли сюда мощные суда и совершенные снасти. Но море, Белое море осталось прежним — крутым, несговорчивым, студеным. И по-прежнему мальчишки уходят из Сумпосада в капитаны...

Вал. СМИРНОВ

Будущие капитаны из Сумпосада, курсанты Петрозаводского речного училища Саша Архипов и Миша Петров.

Фото В. Семина.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

ЛЕНИНГРАД

ХРАНИ КАК ЗЕНИЦУ ОКА

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пополнился еще одним ленинским документом — запиской Владимира Ильича комиссару Николаевской железной дороги. Передала ее в архив жительница Ленинграда Мария Ивановна Махонина. В 1917—1921 годах она работала телеграфисткой в Смольном, неоднократно видела Ленина. История записки такова.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ
Петроградъ
22 XII 1917 г.
№

Комиссару

Прошу выдать вне очереди билет подательнице Махониной до станции „Дно".

Предсовнарк.
Ульянов (Ленин)

Мария получила письмо: «Серьезно больна мать, срочно выезжай». Но надежды увидеться с матерью у Марии не было. Время-то уж очень тревожное: декабрь 1917 года. Билет на поезд достать невозможно. Петроградские вокзалы напоминали потревоженный улей. Подножки, крыши вагонов были сплошь облеплены возвращающимися домой солдатами, матросами, крестьянами.

...В кабинет Ленина неслышно вошла секретарша. Владимир Ильич, оторвавшись от занятий, вопросительно приподнял голову.

— Владимир Ильич, у нашей телеграфистки мать тяжело заболела, она живет на станции Дно. А добраться туда сейчас немыслимо. Сидит, бедняга, горько плачет...

Владимир Ильич тут же написал записку: «Комиссару Николаевского вокзала.

Прошу выдать вне очереди билет подательнице Махониной до станции «Дно».

...Через день больная Евдокия Дементьевна уже обнимала склонившуюся над ее постелью Марию. Затем радость сменилась удивлением. Каким образом удалось дочери добраться сюда из Петрограда, какое чудо ее принесло? Мария рассказала, как все было.

— Спасибо Ленину,— сказала больная,— смотри, Маша, не потеряй эту записку. Храни ее как зеницу ока...

Вскоре мать выздоровела.

Ленинскую записку Мария Ивановна бережно хранила всю жизнь.

Марат ЦЕБОЕВ

ТУРКМЕНИЯ

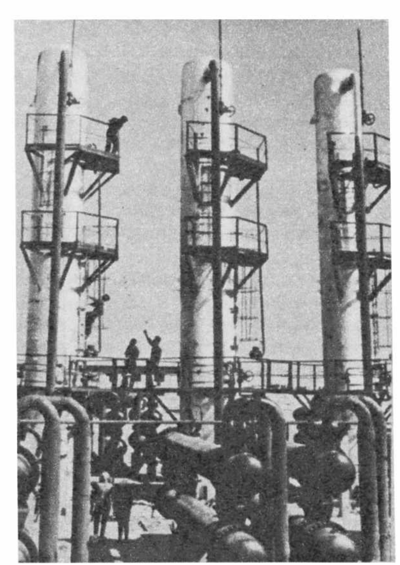
КЛАДОВАЯ ТУРКМЕНСКОГО ГАЗА

Каракумы, жгучие пески, пустыня... Здесь природа словно маскировала энергетическую мощь, накопившуюся за миллиарды лет. И сейчас разительным контрастом выглядят на фоне мертвенной желтизны песков снежно-серебристые колонны абсорберов головного сооружения Ачакского газового промысла. Это еще одна гигантская кладовая, откуда туркменский газ направляется в магистральный газопровод Средняя Азия — Центр.

Строители и монтажники треста «Среднеазнефтестрой» обязались к ленинскому юбилею ввести в строй первые два технологических блока мощностью 25 миллионов кубометров газа в сутки.

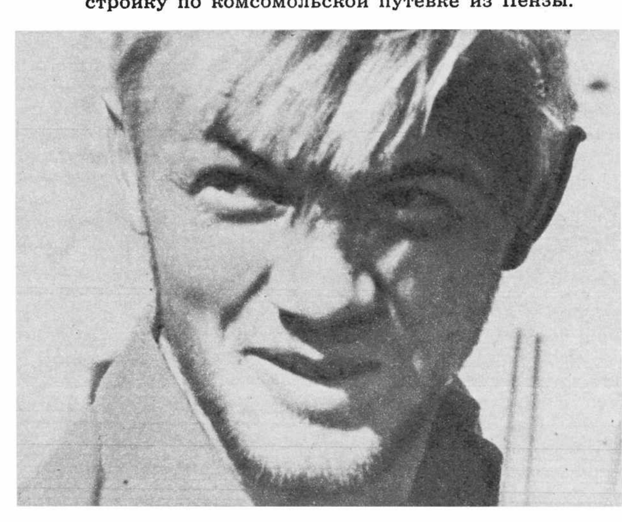
В. АФАНАСЬЕВ

Фото Н. Ключнева.

Абсорберы Ачакского газового промысла.

Бетонщик комсомолец Владимир Новожилов, приехавший на стройку по комсомольской путевке из Пензы.

КАЗАХСТАН

ИДУ НА РЕКОРД!

Бесконечная пепельно-серая полупустыня. Прикаспийская впадина. Казахстан.

— А вот и рекордсменка...

Я всматриваюсь в приближающуюся буровую. Обычная, стандартная установка производства Уралмашзавода. Такие я видел почти во всех нефтяных районах страны.

— Какая сейчас глубина? — интересуюсь я.

— 6 806 метров!

Когда в 1964 году грозненские нефтяники пробурили на такой же установке скважину «Галюгаевскую-1» глубиной 5 503 метра, специалисты считали, что большего из нее выжать нельзя. Пока ученые и конструкторы работали над созданием установки для бурения на глубину 7 тысяч метров, разведчики недр решили добраться до этого рубежа с помощью серийной установки «Уралмаш-3Д». Так была заложена знаменитая Аралсорская сверхглубокая скважина.

Мне приходилось бывать на всех сверхглубоких скважинах, и я невольно вспомнил монументальные установки на Шиховой Косе, Бинкжале. Это настоящие экспериментальные заводы. Одни только вышки высотой с 25-этажный дом уже невольно вызывают уважение. Здесь же все очень обычно.

Сверхглубокое бурение позволяет разведчикам заглянуть в недра и решить многие проблемы поисков и эксплуатации глубокозалегающих нефтяных и газовых месторождений. Аралсорская скважина внесла поправки в установившиеся понятия. Она побила рекорд глубин в Европе, который принадлежал французской скважине «Лонс-1» глубиной 6 160 метров.

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Вахта бурильщика Муслима Кавказова (крайний справа). Фото автора.

УЗБЕКИСТАН

ВСТРЕТИМСЯ У САМАРКАНДСКИХ ВОРОТ

К юбилею Самарканда Ташкент решил обзавестись частицей Самарканда. Об этом древнем и вечно юном городе будут напоминать столице Узбекистана Самаркандские ворота — Самарканд-Дарбаза. Так зодчие назвали мемориальную чайхану, которую решено воздвигнуть к 2500-летию Самарканда — древней Согдианы. Здесь все будет пронизано самаркандскими мотивами, начиная с места, выбранного для чайханы: на улице, которая так и называется — Самарканд-Дарбаза. По нынешним временам она узка. А несколько веков назад это была одна из главных магистралей Ташкента и вела от самого сердца города к воротам, за которыми открывалась дорога на Самарканд. И не удивительно, что здесь, на выезде, стояла чайхана... Последняя пиала чая перед дальним переходом.

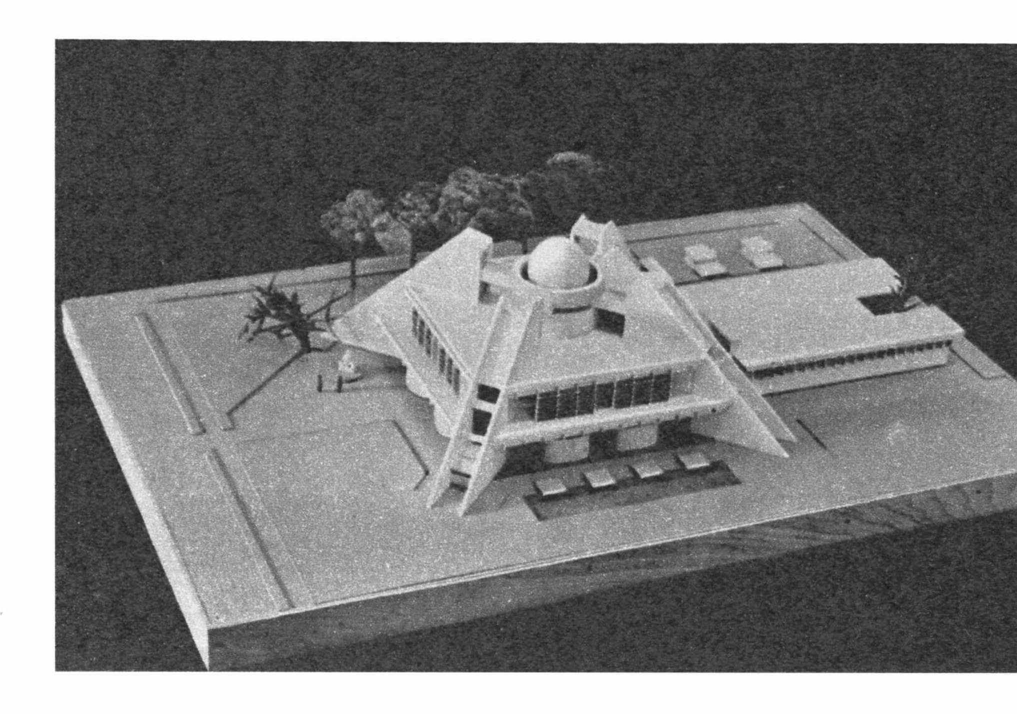
Теперь это место, оказавшееся в центре Ташкента, ничем не напоминает въезд в город. Но до сих пор стоит тут чайхана, много раз перестроенная. Ее перестроят еще раз. И встанет здесь чудесное здание: мрамор, кирпич, стекло, глазурь, глина. Архитектор «Узгоспроекта» Серго Сутягин, инженеры Александр Браславский и Владимир Тен сумели соединить воедино самаркандские мотивы с современными формами и материалами.

Представим себе: на пологом холме — мраморный дворец, увенчанный голубым куполом. Между пилонами, обращенными к улице Самарканд-Дарбаза,— вход. Стелется под ноги впитавший прохладу, плоский камень — как в палатах древнего Регистана. Белые узкие лестницы, на которые сверху льется свет, схожи с секстаном обсерватории Улугбека, глазурный купол — с шапкой Гур-Эмира.

Здесь будет всё, чем издавна привлекает хорошая чайхана: и трапеза, и отдых, и беседа, и свежая газета, и партия в шахматы. И, конечно, радостное напоминание о Самарканде.

Вяч. КОСТЫРЯ, собкор «Огонька»

Фото Р. Шамсутдинова.

ЭСТОНИЯ

ЗНАЕТЕ ТАКОЙ СЫР?

Была я недавно в городе Выру, на молочном заводе. Правда, молока здесь мы не видели: из холодильных установок оно невидимкой льется прямо в трубы перерабатывающей линии. Все, что происходит с молочной рекой — все ее встряски, обогревы, охлаждения, сепарация, пастеризация, вибрация и прочие молоковороты и молокопады,— все заключено в нержавеющие, постоянно промывающиеся специальными растворами аппараты.

Самая главная и самая вкусная продукция Выруского завода — сыр «Российский». Готовят его по рецепту сотрудника Всесоюзного научно-исследовательского института маслосыродельной промышленности А. М. Николаева. Автор сам недавно был здесь, познакомился с производственным процессом, ну, и попробовал сыр. Автор, говорят, остался доволен его вкусом.

Тысячи кругов популярного в стране сыра «Российский» выдерживаются на специальных стеллажах. Семьдесят два дня должны они пролежать здесь! А потом сыр отправляется в магазины республики. И в Москву! А оттуда даже и на экспорт... Знаете вы такой сыр?

Н. ХРАБРОВА, собкор «Огонька»

На снимке: Лийя Юриас, работница сыроваренного цеха.

Фото В. Горбунова.

КУРСК

ПО СЛЕДАМ ТАЙНЫ ДВЕНАДЦАТИ

О славном сыне болгарского народа Илье Живкове, пропавшем без вести под Курском, я рассказывал в «Огоньке» № 10 за этот год.

А недавно произошло трогательное событие. Сестра Ильи, Роза Ивановна Живкова, приехала из Болгарии, чтобы почтить память брата, о судьбе которого стало известно только теперь, четверть века спустя. Привезла она посылку от матери — Димитры Живковой. Это пакетик земли, взятой со двора его родного дома в селе Меляне, Михайловградского округа. По этой земле он ходил, за нее воевал. Мать наказывала посыпать этой землей могилу, где похоронены двенадцать неизвестных воинов, не пожалевших своей жизни во имя победы над ненавистным фашизмом.

Роза Ивановна возложила к подножию памятника большой букет гладиолусов. И сказала: «К весне мы пришлем двенадцать кустиков болгарских роз». Колхозники обещали посадить эти розы на могиле, любовно ухаживать за ними...

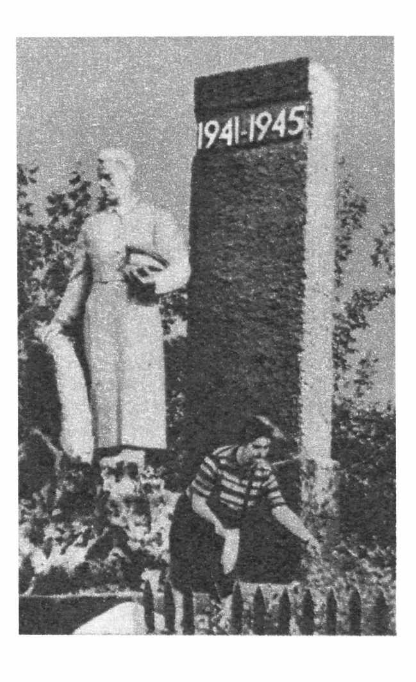
В эти же дни был обнаружен школьный дневник Ильи Живкова.

Вот несколько строк из этого дневника: «...Сентябрь 1941 года. Каждый класс стал взводом. Назначены командиры и политруки. Я руковожу комсомольской организацией в своем 10-м классе. Теперь еще большая обязанность — я политрук взвода... Пришел домой поздно — было важное совещание руководителей взводов... Произошла неприятная история. Вчера на уроке военного дела была строевая подготовка, я оступился, и из-за нестерпимой боли пришлось оставить колонну. А сегодня меня вызвали в канцелярию. «Ну,— думаю,— пропал!» Но вышло не то, чего я боялся. Завуч говорил со мной о подготовке к военному походу Степановка — Васильевка».

С. МАСЛЕНИКОВ

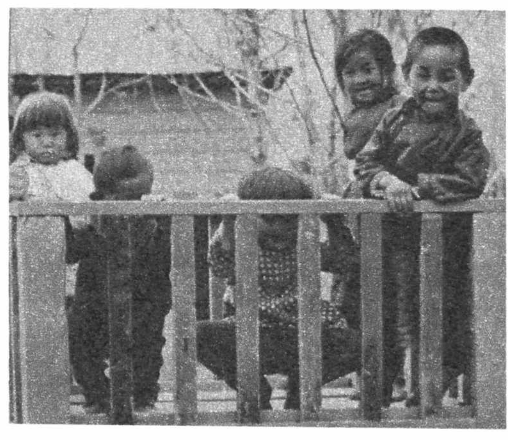
На снимке: Р. И. Живкова у могилы брата.

Фото Л. Шеховцова.

ТУВА

УЛЯ ИЗ ЭРГИ-БАРЛЫКА

Уля в центре внимания!
Фото Л. Шерстенникова.

Ох, уж эта Уля! Смышленый ребенок из детского сада колхоза «Большевик». Живет она за лесами и горами Тувы, добраться до Эрги-Барлыка очень нелегко. А уж когда доберетесь, то увидите в долине, у подножия зеленых гор, прекрасный поселок колхоза «Большевик». Почему поселок, а не деревня, не село? Да потому, что тувинцы веками кочевали, а вот уже четверть века ведут оседлый образ жизни, кочуют только чабаны. Поселок Эрги-Барлык построили недавно и продолжают строить. Здесь поднялся прекрасный Дом культуры. А рядом детский сад, тот самый, где живет озорная Уля Саая. В детском саду триста ребятишек, чьи родители пасут отары, водят комбайны и колхозные грузовики, работают в школе и в поселковом универмаге, например, мама Ули — продавщица и папа — продавец.

Б. НИКОЛАЕВ

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

1921 год. Группа участников боев за Кронштадт — делегатов X съезда. В центре — В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов. Рядом с Лениным (слева) комиссар 11-й кавдивизии Первой Конной М. Л. Белоцкий.

50 — ПЕРВОЙ

19 ноября исполняется пятьдесят лет со дня рождения созданной по указанию В. И. Ленина прославленной Первой Конной армии, которая в боях и походах прошла огромный боевой путь по дорогам гражданской войны.

Но и после того, как отгремели бои на Царицынском, Деникинском, Белопольском, Врангелевском фронтах, после того как были разгромлены армии белогвардейцев, интервентов, банды Махно и басмачей, Первая Конная осталась в строю.

Ее кавалерийские дивизии развертывали свои пробитые пулями и осколками, увенчанные наградами Родины боевые знамена на фронтах Отечественной войны.

Бывшие конармейцы стали прославленными полководцами, которые вели советские полки в боях с гитлеровскими захватчиками под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, под Яссами и Веной, Будапештом и Варшавой, вели полки, которые освобождали Прагу и штурмовали Берлин.

Конармейцы и поныне высоко держат знамя выпестовавшей их Первой Конной...

1920 год. Траурный митинг на похоронах героев-конармейцев, павших смертью храбрых на Чонгарском полуострове. Справа налево: С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин, О. И. Городовиков (Врангелевский фронт).

КОННОЙ!

БЫТЬ ДОСТОЙНЫМИ ПОДВИГОВ ОТЦОВ

А. А. ГРЕЧКО,
министр обороны СССР,
Маршал Советского Союза

Вопрос. При каких обстоятельствах, товарищ маршал, вы вступили в ряды Первой Конной армии?

Ответ. Произошло это в декабре 1919 года, когда Конармия гнала полчища Деникина к Ростову. Мимо нашего села Голодаевки отступали белые части Улагая и Шкуро, а за ними вслед двигались бойцы славной 11-й кавдивизии.

По наряду я, будучи мальчишкой, согласился подвозить боеприпасы.

Так стал я конармейцем.

Дивизия вела тяжелые бои под Ростовом, в районе Батайска, Сальских степей. Много белогвардейских частей было разгромлено в этих боях. Немалые потери понесли конармейцы.

Вопрос. На каких эпизодах вы бы пожелали остановиться более подробно?

Ответ. Мне особенно запомнились бои за Ростов. В целом битва за Донбасс и Ростов является операцией на окружение и уничтожение деникинской армии. Операция была проведена стремительно, смело и внезапно. Две дивизии Конармии — 4-я и 6-я — во взаимодействии со стрелковыми частями на плечах разгромленного врага ворвались в Ростов. Наша 11-я кавдивизия наступала с юга, завершив окружение. Бои против белых продолжались несколько дней. Мы потеряли многих героев-конармейцев. И поныне об этом напоминает мемориальная доска у входа на завод «Ростсельмаш» с высеченной надписью: «Земля завода «Ростсельмаш» полита кровью героев 1-й Конной армии, которые в январе 1920 года наголову разбили деникинские полчища и освободили Ростов».

Вопрос. Что дала вам, товарищ маршал, служба в Первой Конной армии?

Ответ. Любовь и уважение к нашей героической Красной Армии, желание посвятить себя и всю жизнь военной службе в Советской Армии. Собственно, с Первой Конной армии началась моя служба в Вооруженных Силах.

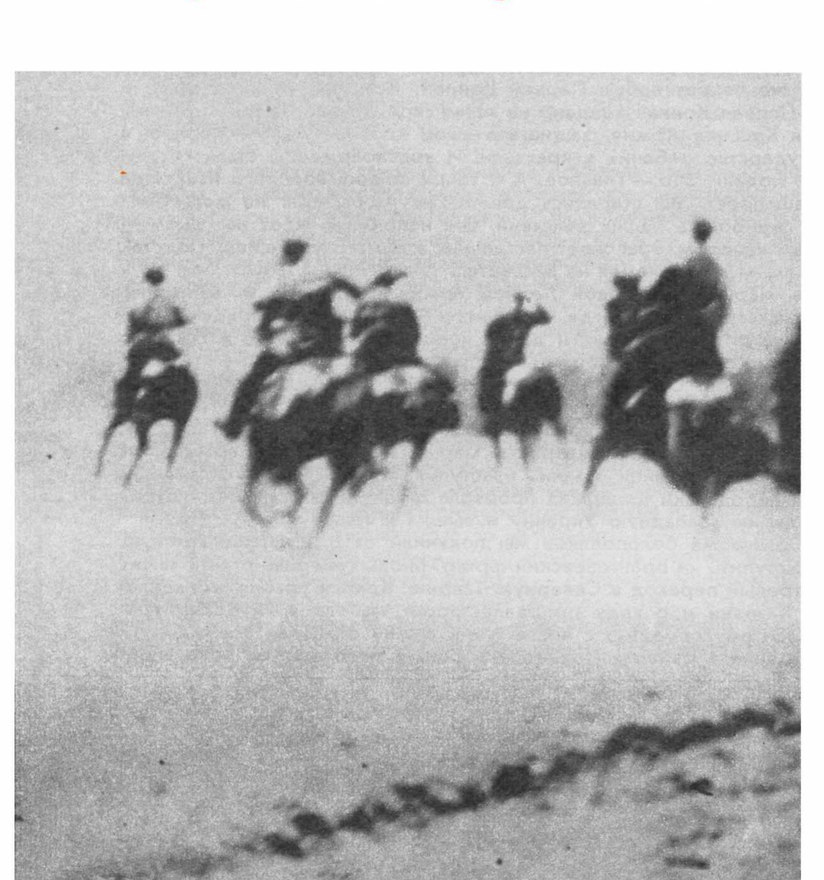
Вопрос. Пригодился ли вам опыт, приобретенный в Первой Конной армии, в вашей последующей боевой деятельности?

Ответ. Безусловно. И после гражданской войны мне довелось командовать кавалерийскими частями. В начале Великой Отечественной войны я командовал кавалерийской дивизией, затем 5-м кавалерийским корпусом. Опыт боевых действий Первой Конной армии нами изучался еще до войны в кавалерийском училище, а затем и в академии. С годами этот опыт обогащался с учетом новых требований ведения боя и применялся в ходе сражений с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне.

Вопрос. Что бы вы хотели передать своим соратникам — ветеранам Первой Конной армии? Читателям «Огонька»?

Ответ. В день пятидесятилетия 1-й Конной армии прошу передать моим однополчанам — ветеранам Первой Конной, бойцам, командирам и политработникам горячий привет. От души желаю им долгих лет жизни, счастья и успехов в труде на благо Родины.

Воинам Советских Вооруженных Сил, советской молодежи желаю приумножать славные героические традиции отцов и дедов и быть достойными их подвигов во имя Отчизны.

◀ Август 1920 года. В эту атаку бойцов ведет Буденный.

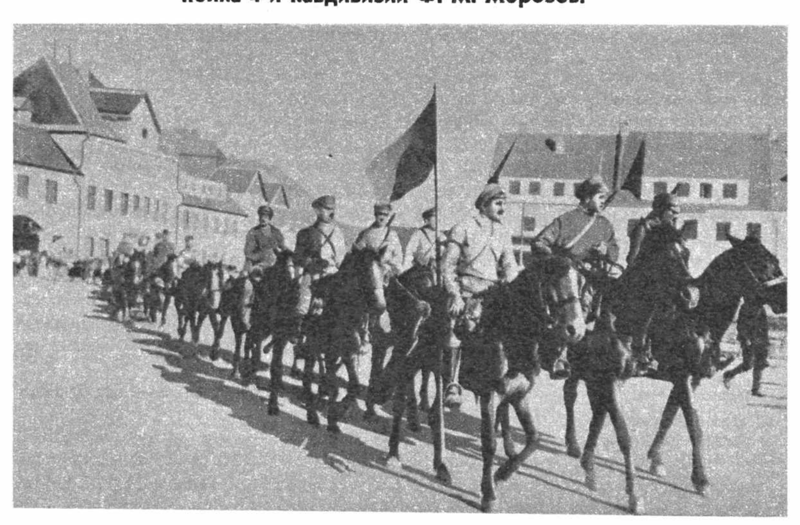
1920 год. М. И. Калинин, С. М. Буденный, С. И. Гусев среди крестьян накануне боев с Врангелем.

Март. 1920 год. Парад в Ростове-на-Дону. Перед отправкой 1-й Конной армии на Белопольский фронт. На снимке (справа налево): С. М. Буденный, М. Н. Тухачевский, Г. К. Орджоникидзе, Н. П. Колесов, К. Е. Ворошилов, А. Я. Пархоменко, В. И. Книга и другие.

25 мая 1920 года. М. И. Калинин на митинге перед вручением знамен. У тачанки стоят (слева направо): командир 1-й кавбригады 6-й кавдивизии В. И. Книга, С. М. Буденный, командир 21-го кавполка 4-й кавдивизии Ф. М. Литунов, К. Е. Ворошилов, командир 22-го кавполка 4-й кавдивизии Ф. М. Морозов.

Июль. 1920 год. Передовые части Конармии вступают в Ровно.

С. М. Буденный в годы первой мировой войны.

На этих страницах, дорогие читатели, вы видите редкие фотографии времен гражданской войны и выступления прославленных полководцев нашей страны, к которым по поручению «Огонька» бывший конармеец полковник в отставке С. М. Клавдиев обратился с одним вопросом: «КАКУЮ РОЛЬ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ СЫГРАЛА ПЕРВАЯ КОННАЯ АРМИЯ?»

СПАСИБО ЗА СЛУЖБУ!

С. М. БУДЕННЫЙ,
член Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза, трижды Герой Советского Союза

В моей личной жизни немаловажную роль сыграла служба в рядах царской армии. Вам придет на помощь фотография тех времен. На ней я в форме старшего унтер-офицера Приморского драгунского полка с четырьмя георгиевскими крестами и столькими же медалями. Как в старину говорили, у меня был полный георгиевский бант (см. фото внизу).

Кресты и георгиевские медали — награда царская, на них отчеканен девиз «За веру, царя и Отечество». Но и я и большинство моих товарищей — солдат георгиевских кавалеров — не воевали ни за веру, ни за царя. А воевали мы за Отечество, за родную Россию, за народ. И как только грянула Октябрьская социалистическая революция, я немедленно стал ее солдатом. Однополчане еще в феврале избрали меня председателем полкового, а впоследствии и дивизионного солдатского комитета. В те дни в Минске я познакомился с Михаилом Васильевичем Фрунзе, который сыграл в моей жизни очень большую роль.

Действительную службу в армии я начинал с «фундамента», как любил говорить генералиссимус Суворов. Начал рядовым, потом стал ефрейтором, младшим унтер-офицером, унтер-офицером. Наконец, не перескочив ни одной ступеньки, дошел до солдатского «потолка» — до чина старшего унтер-офицера. Большего на царской службе я добиться не мог. Опыт, который я приобрел, поднимаясь по этой лестнице, весьма пригодился мне во всей моей жизни.

В первые же два года службы в родной Красной Армии я, начав с отделения, эскадрона, стал командовать Первой Конной армией. Октябрьская революция, Коммунистическая партия широко раскрыли для нас, людей из народа, пути к вершинам воинского армейского управления, и мы это высокое доверие старались оправдать.

Нам, новым командирам и политработникам молодой Красной Армии, приходилось несравненно труднее, чем бывшим царским офицерам и генералам. Ведь мало кто из нас имел необходимое военное образование.

Белогвардейская же армия собрала под свои знамена офицеров и генералов со средним и высшим академическим образованием, с большим командным опытом, приобретенным за четыре года империалистической войны. Однако и белых генералов, и офицеров, и белую контрреволюционную армию мы били. Неизменно били. Первая Конная за свою историю не имела ни одного поражения.

В чем же секрет побед Первой Конной? Конечно, прежде всего в том, что Первая Конная создана на ленинской основе. В том, что она, как и вся Красная Армия, защищала свое кровное дело — первое в мире государство рабочих и крестьян. И красноармейцы были готовы на любой подвиг. Это — главное. А с точки зрения военного искусства секрет наш прост. Мы старались делать так, чтобы враг не мог предвидеть и парировать наших действий. Он, например, ждет нас днем — мы атакуем вечером. Враг ждет нас ночью, а мы атакуем днем. Подстерегает днем — мы являемся на рассвете...

Боевые маршруты Первой Конной армии пролегли от Сальских степей, от Ставропольщины до нынешнего Волгограда — Царицына. Потом потянулись к Воронежу и далее через весь Донбасс к Ростову.

От Ростова с тяжелыми боями мы прошли через Сальские степи на Кубань, в Майкоп. Отдельные бригады, полки Конармии добрались и до Туапсе, Красной Поляны и Сочи.

От отрогов Кавказского хребта снова через Ростов, через всю Украину, совершив тысячекилометровый марш, Первая Конная армия своим ходом вышла в район Умани и вступила в бой с белополяками. Почти без передышки Конармия прорвала фронт белополяков, углубилась в Галицию, Западную Украину и вышла к Львову...

После разгрома белополяков мы получили от В. И. Ленина новую задачу: выступить на Врангелевский фронт. Вновь совершен почти тысячекилометровый переход в Северную Таврию. Конная армия пересекла Днепр у Каховки и с ходу прорвала фронт, вышла в глубокий тыл Врангеля. Затем совместно с частями 6-й армии отрезала все сухопутные сообщения в районах Перекопа и Чонгарского полуострова, вела

тяжелые бои в полуокружении... После разгрома врангелевщины Конармия ликвидировала многочисленные банды Махно. А затем, когда отгремели бои, помогла крестьянам-беднякам сеять. Конармейцы потрудились на славу: засеяли тридцать тысяч гектаров земли, перевезли семнадцать тысяч пудов семенного зерна. Работало на полях десять тысяч конармейцев и около двадцати тысяч лошадей. Трудящиеся Екатеринославщины (нынешняя Днепропетровская область) наградили конармейцев за трудовые подвиги Красным знаменем. С Екатеринославщины дивизии Конармии возвратились на Дон и на Кубань, замкнув громадное многотысячное кольцо боев, рейдов, сражений, походов. Но не до отдыха было на родном Дону и Кубани. Бои с бандами продолжались. Одиннадцатая кавдивизия вскоре была переброшена в Белоруссию, а потом вела бои с басмачами в Средней Азии.

Если вытянуть в одну линию путь совершенных Первой Конной боевых походов, рейдов и маршей, то получится прямая в десять тысяч километров.

Из рядов Конармии вышло немало видных деятелей нашего государства и Вооруженных Сил СССР. Два бывших конармейца — маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и С. К. Тимошенко—были народными комиссарами обороны СССР. Маршал Г. К. Жуков — министром обороны. Маршал А. А. Гречко ныне занимает этот высокий пост. Кроме них, высшего воинского звания — Маршала Советского Союза—удостоились А. И. Еременко, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко и я. Пятеро стали маршалами родов войск — П. Ф. Жигарев, С. И. Богданов, П. С. Рыбалко, Я. Н. Федоренко, А. И. Леонов.

В дни Великой Отечественной войны немало конармейцев командовали фронтами и армиями, занимали ответственные государственные посты в оборонной промышленности.

Родина высоко оценила их заслуги в боях и в мирном труде. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков четырежды удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза. Маршал К. Е. Ворошилов — дважды и, кроме того, стал Героем Социалистического Труда. Дважды Героями стали также маршал С. К. Тимошенко, маршалы родов войск С. И. Богданов, П. С. Рыбалко, генерал армии Д. Д. Лелюшенко.

Бывший конармеец Е. П. Славский стал министром СССР. А. Л. Минц — ныне академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и дважды Государственной премий, директор Радиотехнического института АН СССР. Крупнейшими учеными в области медицины стали академики И. А. Кассирский, Н. М. Шпайер, В. М. Вадимов. Здесь, разумеется, перечислена только часть моих товарищей.

А теперь, в день полувекового юбилея нашей славной героической Первой Конной армии, командирам, политработникам и рядовым, всем героям Конармии, партийным и непартийным большевикам мой горячий конармейский привет!

От имени бывшего Реввоенсовета Первой Конной армии, от себя и от неизменного моего друга Климента Ефремовича Ворошилова объявляю всем ветеранам-конармейцам благодарность за службу!

СЛАВА ГЕРОЯМ

К. Е. ВОРОШИЛОВ,

член Президиума Верховного Совета СССР, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда

В боях с врагами красная конница показала свои высокие боевые качества, и именно это послужило причиной преобразования кавалерийского корпуса, которым командовал С. М. Буденный, в Конную армию. Я разделял и поддерживал это мнение, и поэтому мне и было поручено возглавить Реввоенсовет Первой Конной армии. 19 ноября 1919 года Первая Конная получила первый приказ: взять город Старый Оскол.

Неустанная политическая работа командиров, комиссаров и рядовых коммунистов среди личного состава и их личный пример цементировали ряды конармейцев, поднимали боевую мощь Конной армии, обеспечивали наступательный порыв и массовый героизм красных кавалеристов в разгроме вражеских частей и соединений. О неуклонном усилении и расширении масштабов этой работы свидетельствовал рост числа коммунистов в рядах Первой Конной. Если до преобразования кавалерийского корпуса в Конную армию в нем была небольшая горстка коммунистов (на партийной конференции корпуса под Воронежем присутствовало всего 30 делегатов), то на 1 марта 1920 года в рядах конармейцев было уже 800 членов и 500 кандидатов партии, объединенных в 44 ячейки. А к концу этого же года — 2 500 коммунистов, объединенных в 126 ячеек.

Бойцы, командиры и политработники Первой Конной армии, беззаветно защищая молодую Советскую власть, неизменно проявляли чудеса храбрости и героизма, мужества и отваги. Поэтому трудно выделить какие-либо отдельные бои и боевые эпизоды, хотя конармейцы покрыли себя неувядаемой славой в разгроме белогвардейских полчищ генералов Деникина, Мамонтова, Шкуро, белопанской шляхты, черного барона Врангеля. Следует лишь подчеркнуть, что лавины конармейцев с их знаменитыми боевыми тачанками быстро научили врагов уважать нашу конницу!..

В суровых и ожесточенных сражениях закалялась воля и отвага конармейцев, крепли боевая выучка и умение взаимодействовать с другими родами войск, неуклонно поднималась их политическая сознательность и уверенность в нашей победе не только за освобождение Советской республики, но и за торжество мировой революции.

Любой опыт, полученный в боевой обстановке, тем более в таком огромном военном коллективе, каким являлась Первая Конная армия, не только обогащает знанием и умением вести наступательные и оборонительные бои, но и вырабатывает способность глубоко и широко мыслить, повышает полководческое искусство и политическую зрелость, умение быстро и четко анализировать действия противника и противопоставлять им всесторонне продуманные и умело организованные контрмеры. В этом смысле пребывание в рядах Первой Конной армии дало мне очень многое и, несомненно, положительно сказалось на всей моей дальнейшей военной, государственной и общественной деятельности.

Следует, пожалуй, сказать, что Первая Конная армия явилась огромной военной и политической школой не только для меня, но и для многих, таких, как я, людей, поднявшихся из самой гущи народных масс.

Пятидесятилетие Первой Конной — значительное событие в жизни наших Вооруженных Сил и всего советского народа. Этот юбилей убедительно свидетельствует о том, что советские люди свято верны своим героическим традициям, беззаветно преданы Родине, идеалам коммунизма и полны решимости дать сокрушительный отпор любому агрессору.

Великая и вечная слава всем нашим воинам и труженикам тыла, отдавшим свои жизни в борьбе за октябрьские завоевания, за дело Ленина.

Сердечные пожелания доброго здоровья, успехов в работе и счастья в жизни всем ныне здравствующим конармейцам, всем участникам героических сражений, принесшим великие победы над силами внутренней и внешней контрреволюции в начальный период Советской власти и над немецко-фашистскими захватчиками на Западе и японскими милитаристами на Востоке в смертельных схватках Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ

С. К. ТИМОШЕНКО,

Председатель Советского комитета ветеранов войны, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза

С Первой Конной армией я прошел ее тысячеверстные боевые пути и пережил многое. Я не могу вспоминать без душевного волнения, без искреннего переживания и благодарности своих боевых товарищей-ветеранов, с которыми мне пришлось делить и боевые невзгоды и радости побед, одержанных в жестоких, кровопролитных сражениях за нашу любимую Отчизну.

Передо мной они и сейчас проходят мысленно — то я вижу их в массе, сомкнутых, собранных в стальные колонны, мчащихся в атаку на врага, сметающих все на своем пути, то каждого в отдельности в бою, сблизившихся с врагом на длину сабельного клинка. Один за всех, все за одного! Таков девиз конников.

Это были легендарные герои, настоящие большевики, не претендовавшие на награды, которые они заслужили, люди, не требовавшие для себя ни благ, ни привилегий, ничего, кроме великого права победить или умереть за Отчизну, за нашу Коммунистическую партию, за власть Советов. Ведь нашим идеалом был великий Ленин и его беспредельная скромность. Я счастливец. Мне довелось видеть и беседовать на VIII Всероссийском съезде Советов в 1920 году с товарищем Лениным. Встреча эта оставила неизгладимое впечатление на всю мою жизнь...

В беспредельной уверенности в торжестве идей нашей ленинской Коммунистической партии, в вере в победу над любым врагом, в укреплении интернациональной дружбы народов — вот в чем состоят главные черты характера конармейцев.

Конармия никогда не получала легких боевых задач, не одерживала легких побед. Ей всегда доставалось наиболее трудное и ответственное, и она все с честью выполняла. Постановка таких задач и их исполнение тоже имеют прямое отношение к железному характеру их исполнителей — конармейцев.

Опыт, приобретенный ценой жизни многих тысяч героев граждан-

ской войны, приумноженный опытом Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровских полчищ,— это бесценный вклад в нашу советскую военную науку, оперативное искусство и тактику. Этот опыт, переработанный в духе последних достижений и новых веяний, безусловно, послужит и нашим преемникам в будущем.

Передаю самый горячий привет соратникам—ветеранам Первой Конной и пожелания крепкого здоровья, долгих лет жизни и счастья в семьях и делах на благо любимой Родины. Я передаю привет от себя и от Советского комитета ветеранов войны в день пятидесятилетия вам, пронесшим высоко Красные знамена Отчизны сквозь пламя и бури гражданской войны.

Честь вам и слава, герои-ветераны легендарной Первой Конной армии!

ВСПОМИНАЮ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

Г. К. ЖУКОВ,
Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза и Герой МНР

Мне довелось свыше четырех лет — с начала 1933 по 1937 год — командовать старейшей конармейской дивизией, которой еще в 1918 году командовал С. М. Буденный. 4-я кавалерийская имени К. Е. Ворошилова дивизия была ядром легендарной Первой Конной армии. В жестоких боях в годы гражданской войны она показала чудеса храбрости и массового героизма.

Когда приказ о моем назначении уже был подписан наркомом, у меня состоялась беседа с Семеном Михайловичем Буденным. Прощаясь, он с волнением сказал:

— Четвертая дивизия всегда была лучшей в рядах конницы, и она должна быть лучшей!

Рад, что пожелания маршала С. М. Буденного сбылись. В те годы в дивизии были живы не только легендарные традиции. В полках, а нередко и в эскадронах можно было встретить самих героев Царицынского, Деникинского, Белопольского, Врангелевского фронтов, громивших белогвардейцев и многочисленные банды.

Командовали полками 4-й Донской казачьей дивизии ветераны-конармейцы. 19-м краснознаменным Манычским кавполком — Ф. Я. Костенко, который в дни Великой Отечественной войны командовал 26-й армией и погиб смертью храбрых. 20-м краснознаменным Сальским полком — В. В. Крюков, будущий Герой Советского Союза, командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в Отечественной войне. 21-м краснознаменным полком — И. Н. Музыченко, впоследствии командарм 6-й армии на Украине. 23-м казачьим полком — И. Л. Сакович, впоследствии командир мехчасти. Сакович героически погиб в первые дни войны. 4-м механизированным полком — В. В. Новиков, старый конармеец, а впоследствии тоже генерал и командир механизированного корпуса.

Хорошо помню комиссара 4-го мехполка А. С. Зинченко, который сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, ведет большую партийно-политическую работу.

В 1935 году страна отмечала 15-ю годовщину Первой Конной армии. В Постановлении ЦИК СССР от 23 февраля 1935 года было записано:

«В ознаменование 15-летней годовщины 1-ой Конной армии, героически проявившей себя в гражданской войне рядом незабываемых побед на Южном и других фронтах, и за особо выдающиеся заслуги отдельных ее частей, бойцов, командиров и политработников как во время гражданской войны, так и в деле боевой, политической и технической подготовки Красной армии в период мирного строительства, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

1) Наградить Орденом Ленина:

1. 4-ю кавалерийскую Ленинградскую краснознаменную имени Ворошилова дивизию.

2. 6-ю кавалерийскую Чонгарскую краснознаменную имени Буденного дивизию...»

Награждены были этим указом и остальные соединения Первой Конной, а также многие конармейцы во главе с организаторами и руководителями С. М. Буденным, К. Е. Ворошиловым, Е. А. Щаденко. Орденом Ленина был награжден и я.

Вскоре к нам прибыл Маршал Советского Союза С. М. Буденный и в присутствии всей дивизии, построенной для парада, прикрепил к боевому Красному знамени от ВЦИК, рядом с двумя боевыми орденами Красного Знамени, полученными еще в дни гражданской войны, высший орден страны — орден Ленина. Понятно, с каким волнением мы с ассистентами поскакали перед строем дивизии, бойцы которой с воодушевлением кричали «Ура!».

23 апреля 1936 года дивизия была переименована в 4-ю Донскую казачью ордена Ленина, краснознаменную дивизию имени К. Е. Ворошилова, и ей была присвоена особая казачья форма одежды. В 1937 году я был выдвинут на должность командира 3-го кавалерийского корпуса, который спустя полгода сдал старому опытному военачальнику— комкору Я. Т. Черевиченко. А мне было приказано командовать 6-м казачьим корпусом, состоявшим, кроме других соединений, из двух коренных дивизий Первой Конной армии — 4-й Донской казачьей и 6-й Кубано-Терской Чонгарской имени С. М. Буденного дивизии.

В 1938 году в связи с назначением на должность помощника командующего войсками Белорусского военного округа по кавалерии командование 6-м казачьим корпусом я сдал комбригу Андрею Ивановичу Еременко.

С тех пор прошло более тридцати лет, но у меня по сей день сохранились самые лучшие воспоминания о командирах, политработниках и бойцах, которые были в рядах 4-й Донской казачьей дивизии.

Работа в 3-м и 6-м конных корпусах дала мне много опыта и знаний, и я навсегда сохранил признательность тем, кто помогал мне в работе, кто честно трудился во имя великого дела обороны нашей страны.

В день пятидесятилетия Первой Конной армии я шлю сердечный привет ее ветеранам — рядовым, офицерам, генералам и маршалам. Особый привет ее организаторам — маршалам С. М. Буденному и К. Е. Ворошилову, пронесшим Ленинское знамя сквозь суровые годы испытаний.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

К. С. МОСКАЛЕНКО,
заместитель Министра обороны СССР, Маршал Советского Союза

Вступил я в ряды Первой Конной армии в 1920 году семнадцатилетним юношей на Южном фронте. Участвовал в разгроме Врангеля, белогвардейских войск на Северном Кавказе, махновских банд на юге Украины.

Первая Конная армия дала мне многое. Она закалила меня, молодого комсомольца, закалила мою волю, смелость, настойчивость, мужество, привила пролетарский патриотизм, любовь к своей Советской Родине и любовь к своему роду войск — кавалерии. Шестая Чонгарская кавалерийская считалась одной из лучших дивизий Первой Конной армии. В ней я прослужил одиннадцать лет с перерывами на учебу. И она мне с первых дней стала самой родной, самой близкой. Все полки нашей дивизии награждены орденами Красного Знамени и почетными боевыми Красными знаменами ВЦИК. А шестая Чонгарская кавалерийская дивизия — тремя орденами Красного Знамени и почетным боевым Красным знаменем ВЦИК. В 1935 году, в день пятнадцатилетия Первой Конной армии, дивизия получила высшую награду — орден Ленина.

Я и сейчас горжусь тем, что мне посчастливилось служить именно в этой прекрасной дивизии. Ею в разное время командовали такие прославленные пролетарские красные полководцы, как Семен Константинович Тимошенко, Ока Иванович Городовиков и Иосиф Родионович Апанасенко. А какой замечательный коллектив, спаянный и слаженный, был в эскадронах, батареях и полках! Первая Конная армия пронесла свои боевые знамена в сражениях за пролетарскую революцию под руководством Семена Михайловича Буденного и Климента Ефремовича Ворошилова. Любили мы их и уважали, беспрекословно выполняли все их приказы по защите Родины. Да и в мирной учебе после гражданской войны наша дивизия, передислоцированная с Северного Кавказа на Западный фронт (позже Белорусский округ), стояла в ряду лучших дивизий Красной Армии. Тяжело мне было расставаться с нею, когда меня в начале 1932 года перевели в Отдельную Краснознаменную Дальневосточную армию.

Пригодился ли мне опыт, приобретенный в Первой Конной армии, в последующей боевой деятельности в Советских Вооруженных Силах?

Да, пригодился. Да еще как! И в учебе и в бою. Ведь именно там я прошел боевую школу от простого красноармейца до начальника штаба полка. И многое из того, чему научился в Первой Конной, мне очень пригодилось на полях сражений.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в 1941 году я был командиром стрелкового корпуса, кавалерийского корпуса и командующим конно-механизированной группой. Потом, с начала 1942 года и до конца войны, командовал общевойсковыми и танковыми армиями. И вот что интересно: в оборонительных сражениях мне пришлось участвовать в боях под Владимир-Волынским, под Луцком, Ровно, Коростенем, Черниговом, Харьковом и Сталинградом. А в наступательных операциях я сражался за Воронеж, Острогожск, Касторное, Белгород, Харьков, Киев, Львов и далее прошел до западных границ, иными словами, повторил путь, по которому когда-то прошла с боями наша славная, легендарная Первая Конная армия...

В заключение мне хочется поздравить моих товарищей — однополчан из шестой Чонгарской дивизии — и передать привет всем читателям «Огонька», особенно молодым, комсомольцам, тем, кто принял эстафету из рук ветеранов и достойно несет службу на боевых и трудовых рубежах.

М. Греков. 1882—1934. В ОТРЯД К БУДЕННОМУ. 1923.

М. Греков.

М. Греков. ТАЧАНКА. ПУЛЕМЕТАМ ПРОДВИНУТЬСЯ ВПЕРЕД! 1925.

М. Греков. ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934.

ЧЕРТОВ МОСТ. 1931.

ТАК НАЧИНАЛАСЬ МОЛОДОСТЬ

А. И. ЛЕОНОВ,
Маршал войск связи

Красная площадь. Идет военный парад. Вот появились шеренги конармейских тачанок, запряженных белыми четверками коней. Звенит лихая конармейская песня:

Эх, тачанка-ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!

Не могу скрыть, я смотрел и слушал, и у меня набегали невольные слезы. Вот так начиналась моя молодость на пулеметной тачанке под Царицыном, Воронежем, Касторной... Под Воронежем я был ранен. Но, выздоровев, успел к боям за Ростов, в составе вновь сформированной 14-й кавалерийской дивизии, в которую нас, старых конармейцев, направили. Теперь я командовал не одним станковым пулеметом, а взводом — четырьмя лихими тачанками.

В мою память врезались два эпизода — бои за Ростов и еще бой за Дубно на Украине.

Первая Конная еще вела бои в Сальских степях 21—22 февраля 1920 года, когда белогвардейцы ворвались в Ростов. Нашей кавбригаде, еще не закончившей формирование, была поставлена задача выбить белых. И вот мои тачанки вместе с конниками ворвались в предместье, а потом пошли в атаку на противника в Ростове. Кавалеристы мчатся с фронта, а мы строчим с флангов. Прогнали белых из Ростова и Нахичевани. 23 февраля в Ростовском театре отпраздновали вторую годовщину Красной Армии. Потом нас построили на Советской площади, и член Реввоенсовета фронта Г. К. Орджоникидзе вручил нам почетное боевое Красное знамя.

А теперь о том, что произошло в Дубне. С востока город защищают болотистые берега реки Иквы. С запада форт Тараканов. Около недели бросались конармейцы с пехотинцами в атаки и наконец захватили Дубно. В атаках рядом с нами участвовали командарм С. М. Буденный и член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов. Остался один форт Тараканов, имевший железобетонные укрепления и артиллерию. Местность гладкая, хоть шаром покати. Спешились кавалеристы, поползли, и мы, пулеметчики, тоже ползем. Прозевали нас белополяки. Открыли конармейцы шквальный пулеметный огонь. Форт был захвачен. Дорога на Львов открыта.

Окончив Академию связи, мне впоследствии довелось участвовать в боях на Халхин-Голе. В Великой Отечественной войне был начальником связи фронтов.

Я стал маршалом, и опыт, приобретенный в Первой Конной армии, мне очень пригодился.

Я теперь всегда с благодарностью вспоминаю и первые дни становления армии и своих старых боевых друзей — конармейцев.

ШКОЛА ВЕРНОСТИ

А. И. ЕРЕМЕНКО,
Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза

Мне, бывшему солдату старой, царской армии, выпала честь служить в Первой Конной армии и участвовать в формировании славной 14-й кавдивизии, которой командовал легендарный начдив А. Я. Пархоменко. В этой дивизии на разных должностях — от начальника штаба до последней должности командира дивизии — я прослужил 19 лет и участвовал почти во всех боях. Нас служило четыре брата: старший — я, Андрей Еременко, братья Гавриил, Иван. А когда подрос младший, в строй 79-го краснознаменного кавполка стал и Семен.

В Первой Конной армии я прошел настоящую боевую школу, полюбил армейскую службу. Талантливые большевики-командиры учили военному искусству, верности долгу, закаляли мою волю и характер. И тем, что я стал маршалом, я во многом обязан своим наставникам времен гражданской войны.

Великая Отечественная война против гитлеровской Германии была войной маневренной, с массовым применением подвижных родов войск. Операции проводились с решительными целями, на большую глубину, часто с окружением больших группировок. Оперативное искусство большого маневра, стремительность ударов применяла и Первая Конная армия. По примеру конармейцев, но, конечно, в условиях более массовых сосредоточений войск и технических средств действовало в Великой Отечественной войне немало наших военачальников. Опыт помогал нам побеждать врага.

Сердечно поздравляю ветеранов Первой Конной армии со славным пятидесятилетием. Желаю им и читателям «Огонька» доброго здоровья и больших успехов в труде на благо нашей любимой Родины.

ПЕВЕЦ ПЕРВОЙ КОННОЙ

Ярко горит алое знамя. Сверкают под палящими лучами солнца медные трубы. Клубится пыль под копытами горячих коней... Кажется, слышишь звуки победного кавалерийского марша, лихо исполняемого трубачами:

Мы — красная кавалерия,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ...

«Трубачи» Митрофана Борисовича Грекова — картина, известная любому школьнику. Греков прошел вместе с бойцами Первой Конной славный боевой путь, и не только прошел, но и воспавил ее в десятках своих полотен.

Батальная живопись — не только напряженные композиции сражений, атак, боев, это и спокойные сцены солдатского отдыха, это картины-обобщения, философское осмысление войны.

Митрофан Борисович Греков был первым советским баталистом. Армия была его стихией, и поэтому в его творчестве есть все направления военного жанра. Мальчишка, выросший в казачьей станице, которого посадили на лошадь, наверное, еще до того, как он научился ходить, первые свои робкие рисунки посвящал лошадям. Сначала кони его плохо двигались, но затем скорость их на рисунках увеличивалась, потом они уже мчались во весь опор, увлекая своей стремительностью зрителей...

В Академии художеств Греков учился у Ильи Ефимовича Репина. Что могло быть прекраснее для такого страстного поклонника репинского искусства! И все-таки Греков переходит в мастерскую Франца Алексеевича Рубо, известного баталиста. Интерес Рубо к военной истории — его панорамы «Бородино», «Штурм аула Ахульго», «Оборона Севастополя» — привлек Грекова. А потом война стала не историей, не живописью, а реальной жизнью. Три года студент Академии художеств провел в седле. После революции Греков решительно сделал для себя выбор. И когда в Новочеркасск пришла Красная Армия, он взял винтовку и этюдник и стал в ее ряды.

Греков писал о том времени: «Несколько месяцев я находился в полосе фронта, в непосредственной близости к боям. Это дало мне возможность наблюдать боевые движения войск, познакомиться с характерными особенностями гражданской войны и красных частей. Их внутреннее идейное содержание рисовало в особо романтическом свете наблюдаемые мною мотивы и эпизоды, которые потом стали темами моих картин».

И помчалась конница в кавалерийской атаке. Приказ: «Пулеметам продвинуться вперед!» От скорости зависит жизнь отряда, успех операции... Скорость захватывает зрителя, увлекает его. И удивительно, как плоская живописная поверхность превращается в объемную, наполненную, мчащуюся жизнь, с запахом степи и взмыленных коней, с грохотом тачанки и цокотом копыт.

Но не только в торжестве атаки утверждает художник мужество солдат. Тяжесть военных будней, дни между боями, кропотливая подготовка позиций. «Чертов мост» — тоже война, хоть и не летят там снаряды и пули. Здесь, через ущелье, по шаткому деревянному мостику должна пройти армия, нужно перевести упирающихся лошадей, перетащить пулеметы, снаряды, пушки. И эта композиция об одном дне армейского похода тоже немало рассказывает о тяжести войны и стойкости солдата.

«В отряд к Буденному» едет крестьянин, недавний солдат, который после империалистической решил, что войне конец. А теперь, хлебнув лиха, прихватил второго коня и подался к Буденному отстаивать свое право на свободную жизнь. Немолодой крестьянин, переживший войну и худой мир, налеты зеленых и белых, сделав свой выбор, не торопится. Кони идут тихо, он не гонит их, обдумывает, решает крепко. И на ходу, покачиваясь в седле, пришивает к папахе красный лоскут.

Это целая повесть о гражданской войне, о крестьянской судьбе, об отряде Буденного, который стал армией, потому что пришли в него такие крестьяне.

Память Митрофана Борисовича Грекова увековечена не только картинами. Из уважения к его творчеству в 1934 году художественной студии было присвоено его имя — студия военных художников имени М. Б. Грекова. И картины студийцев в годы Отечественной войны продолжили искусство мастера. С первых дней сражения грековцы на передовых позициях фронта. Они создали летопись грандиозной битвы за свободу и независимость Родины, продолжив в изобразительном искусстве военную историю Страны Советов, так прекрасно начатую Митрофаном Борисовичем Грековым.

Н. СВЕТЛОВА

10 ноября страна отметила
День советской милиции

КАЛЬО ВЕДЕТ БОЙ

Нина ВЕРИНА, Анатолий БОЧИНИН

Узкие улицы стремительно бегут то вверх, то вниз, вьются, петляют, будто зовут: осмотри хорошенько наш город.

Но мы приехали не для того, чтобы гулять по улицам Тарту и любоваться листопадом. Мы приехали в городскую милицию и в первый же день вместе с оперативной группой отправились в рейд по городу. Шел с нами и Кальо Ныммоя, молодой лейтенант, инспектор уголовного розыска.

Рейд протекал вяло. В этот не по-осеннему теплый вечер сотрудникам милиции нечего было делать на улицах Тарту. Их земляки, нарядные, оживленные, спешили в кино, в гости. Студенты, деловито размахивая папками, возвращались из университета. В маленьких кафе приветливо дымились чашки с кофе, вспыхивали огоньки сигарет. Словом, город жил, как обычно, спокойно и размеренно.

Кальо старался занять нас. Показал памятник Барклаю де Толли и дом, где тот жил. Рассказал неизвестные нам эпизоды славной жизни полководца, верно служившего России. Все это было интересно: лейтенант Ныммоя по-настоящему знал и любил историю.

И вот происшествие. Какой-то подвыпивший гражданин куражился у входа в кафе. Пришлось отправлять его в вытрезвитель. Пьяный — немолодой, грузный — упирался, тащить его было тяжело и противно... Вот и все, больше никто не нарушил тишину вечернего города.

Наутро мы отправились к заместителю начальника Тартуской милиции подполковнику Хендрику Вальдману.

— Вы уже познакомились с нашим Ныммоя? — спросил Вальдман.— Кальо — один из лучших у нас. Смелости ему не занимать! Но не это даже главное в его характере. С нашими сотрудниками порой происходят очень неприятные вещи: работает человек в милиции лет двадцать или тридцать, заметьте, честно работает, не щадит себя. И вдруг в один далеко не прекрасный день приходится скрепя сердце с ним расставаться. В чем дело? Плохо справляется со своими обязанностями и отстал от жизни. Я уверен, что лейтенанту Ныммоя, как и большинству наших молодых сотрудников, такая беда не грозит. В нынешнем году Ныммоя поступил в университет на юридический факультет. Жена его, Сильвия,— она тоже милицейский работник — учится уже на четвертом курсе этого факультета. А ведь им трудно приходится: работа не из легких, семейные хлопоты. Да и прежняя жизнь Кальо не очень-то располагала к учению. Судьба ему выпала сложная.

...Много было за эти дни говорено с самим Кальо, с его отцом, с Сильвией, с их сослуживцами. И, перелистав потом свои записи, мы увидели, что они сами собой складываются в рассказ о судьбе, делах и мечтах хорошего эстонского парня. Переноси этот рассказ на бумагу — и все. Так мы и поступили.

Лейтенант Кальо Ныммоя.

Кальо Ныммоя.— Идти работать в милицию мне посоветовал отец. Он, бывший батрак, жизнь при Советской власти тоже начал с работы в милиции. Это было в сентябре 1940 года. Недолго пришлось отцу работать. Грянула война, и он в первый же день ушел на фронт. А мать с четырьмя детьми — самый младший, Аво, родился как раз перед войной — эвакуировались в Татарию, в село Кукеево. В 1944 году мать умерла.

Все жители деревни нам тогда помогали. А потом определили нас в детский дом. С ним мы и приехали в Эстонию, в Таллин.

Вернулся отец с фронта. Трудно ему было управляться с нашей оравой, и я рано ушел из семьи, еще подростком. Окончил курсы киномехаников и разъезжал по селам с кинопередвижкой. Не сладко жилось. Ночевать частенько приходилось в клубе. Расстелешь на лавке пальтишко, подбитое ветром, и всю ночь зимой клацаешь зубами от холода. Утром — греться. Как? Стыдно сказать: бежишь в магазин за водкой. Как я не пропал, не пошел по дурной дорожке — не знаю... Только однажды сказал себе: «Хватит, Кальо» — и стал греться другим способом. Утром, на потеху ребятишкам, бегал по деревенской улице в трусах и майке.

Отслужил в армии. Кем я только не был после демобилизации! И продавцом, и грузчиком, и лесорубом. И тут отец посоветовал мне поступить в таллинскую специальную школу милиции.

Сильвия Ныммоя.— Когда Кальо пришел на практику в Тартускую милицию, я уже работала там. Он потом рассказывал, как стояли они с курсантами в первый день в дежурной комнате, а я прошла мимо. Товарищ толкнул его в бок и говорит: «Смотри, вон твоя невеста идет...» А познакомились мы уже во время его следующей практики. И мне он сначала не понравился. Как-то участковый инспектор должен был найти одного человека, но вовремя привести его не сумел. И я слышала, как курсант Ныммоя обрушился на участкового: «Для чего вы пошли в милицию? Как можете манкировать своими обязанностями?» Вот ты, думаю, какой! Еще и школу не окончил, а уже выговор делаешь опытному работнику. Только потом поняла, что это вовсе не от зазнайства, а оттого, что Кальо очень серьезно относится к делу.

Но это только в работе Кальо такой суровый... Знаете, как мы подружились? Кальо все

заходил к нам в отдел, вроде бы за делом. Но я понимала: это из-за меня. Наконец, осмелился, пригласил в кино. Мне в тот день действительно некогда было, я поблагодарила и отказалась. И больше он не решился. Помог нам приятель Кальо, участковый инспектор. Компанейский человек: не мог никуда один ходить. Брал три билета и предлагал почему-то Кальо и мне. Так мы и ходили втроем в кино, на концерты. А однажды взял он билеты, но сам пойти не смог. Мы и остались с Кальо вдвоем. А через несколько дней Кальо очень просто сказал: «Сильвия, будь моей женой».

Он все умеет. Даже полы моет лучше, чем я. Всегда по хозяйству поможет. И сыну говорит: «Сийм, мы с тобой настоящие мужчины, правда? А настоящие мужчины все тяжелое берут на себя».

Я, признаться, чуть-чуть ревную к нему Сийма. Кальо умеет вполне серьезно говорить с ним, на равных, что ли.

Недавно Сийм нашел во дворе пушистую

игрушечную собаку и принес ее домой. Радуется, но видит, что отец огорчен. Спрашивает: почему? Кальо говорит:

— Видишь ли, я просто подумал: ты радуешься, а один человек сейчас расстроен, очень расстроен — ему так нравилась собака, и он ее потерял. Сийм, припомни, может, ты знаешь этого человека?

Нет, Сийм его не знал. Но он тут же представил, как тот мальчишка или девчонка сейчас ревет из-за этой собаки... И сын сразу побежал во двор и положил собаку точно на то место, где нашел ее.

Хендрик Вальдман.— Я вам расскажу, при каких обстоятельствах лейтенант Ныммоя был ранен. У нас есть обычай: под Новый год в оперативной группе милиции непременно дежурит новый сотрудник. И в тот год, когда к нам пришел Кальо, тоже так было. В новогоднюю ночь сидят оперативники в дежурке. Все тихо, спокойно. Пошел уже третий час первого дня нового года, и дежурные подумали: авось обойдется без происшествий. Но не тут-то было. Вдруг раздается звонок: просят немедленно выехать в район тростевой фабрики, там какой-то человек напал с ножом на компанию, возвращавшуюся с новогодней вечеринки, и ранил четверых. Приезжают. Во дворе толпятся люди, раненых уже увезли. Свидетели говорят, что знают преступника: это психически ненормальный, живет здесь рядышком. До сих пор был тихим, а вот теперь такое... Оперативники взломали дверь маленького деревянного дома, где спрятался нападавший. Первым бросился было в комнату Ныммоя, но старшина Кильдюшкин его отстранил: "Погодите, лейтенант, сначала я..." Шагнул и тут же получил удар ножом. За Кильдюшкиным — Кальо. Он говорил потом, что увидел только, как блеснул нож, сразу голова стала горячей и тяжелой, и Ныммоя упал. Но быстро усилием воли заставил себя подняться и помог товарищам схватить и обезоружить преступника...

Кальо Ныммоя.— Вроде только вчера начал здесь работать. А сколько же за это время прошло через мои руки всяких дел! Особенно запомнилось одно, нехитрое вроде бы дело о краже. Запомнилось потому, что я чуть-чуть не допустил тогда ошибку, которая могла искалечить жизнь двум юношам. Было так. В одной из тартуских школ взломали кабинет директора и унесли нейлоновый костюм, аккордеон и стартовый пистолет. Спросили мы учителей, директора, и все в один голос твердят: кражу совершили парни, которые еще недавно здесь учились.

Вызвали ребят ко мне. Смотрят зло, затравленно. А я к ним эдаким Шерлоком Холмсом: не отпирайтесь, мол, вы украли, больше некому. Сначала они отрицали. Потом один поглядел на меня дерзко и—с вызовом: «Ну, что ж, раз вы говорите — больше некому, значит, я это сделал. Отправляйте меня в колонию. Ничего, не пропадем, там тоже люди живут». Так вот быстро и признался... Однако как раз это признание меня и смутило. Повел я их в школу. Показывайте, говорю, где были вещи. Они показали почти точно. Почти, понимаете, но не совсем. Вечером дома перечитал я протокол и думаю: что-то тут не так. Не выходило у меня из головы, как зло и незащищенно смотрели на меня ребята. Да и не сказали, куда подевали вещи... Но если не они, то почему же взяли на себя вину? А не потому ли, что я оскорбил их своим недоверием? Они признались просто назло: вот, мол, вы нам не верите, думаете, что мы пропащие, так мы и станем пропащими. Ночью я не спал. А утром уже был твердо уверен: нет, они не виноваты.

Да, но кто же преступник? Что-то подсказывало нам: здесь действовал не новичок. Не навлек подозрений, не оставил следов, и вещи исчезли бесследно. Стали мы искать. И нашли: бывший вор, отбывший срок, как раз в день кражи приезжал в Тарту со стройки в Йыгева, где он работал. Вместе с майором Нэрепом из уголовного розыска республики мы отправились в Йыгева. Строители рассказали, что подозреваемый хвастался новым спортивным костюмом, который якобы купил в Тарту. А я заранее проверил: в магазины города в то время такие костюмы не поступали. Отыскали и стартовый пистолет и аккордеон, который, оказывается, находился в Тарту, можно сказать, у нас под носом: вор продал его человеку, который жил рядом с милицией...

Ошибки, подобные той, что я тогда чуть не совершил, очень опасны в нашем деле. Причем особо тяжко недоверие ранит юные, неокрепшие души. И я и мои товарищи всегда помним, какая на нас лежит ответственность. Помним, что не человек для закона, а закон для человека, что назначение закона не только карать преступников, но прежде всего охранять невинных людей.

И, поверьте, я много об этом думал: мальчишки оступаются, как правило, тогда, когда рядом с ними не оказывается сильного и доброго человека, защитника. Подросткам так необходим защитник!

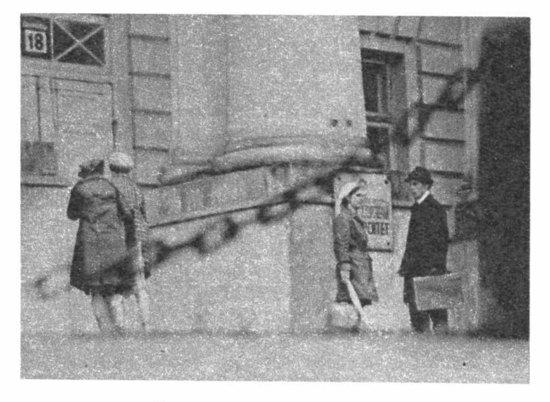
И, знаете, с понедельника я перехожу на другую работу. Буду теперь заниматься только делами несовершеннолетних. Вместе с капитаном Раймондом Вильямсоном. Это мой учитель.

Раймонд Вильямсон.— Я с удовольствием буду работать с Кальо. Почему? Он всегда старается найти добрую струнку в человеке и заставить эту струнку громче звучать. И упорен очень: своего обязательно добьется. Мне кажется, он прирожденный педагог. Именно такие люди должны работать с молодежью.

Кальо Ныммоя.— Я еще не знаю, как это делать, трудно очень, но убежден, что воспитание подростков нужно начинать с воспитания их родителей и близких. По-моему, самое главное в педагогике — это моральный пример. Какое бы внимание ни уделяли вы своим детям, все пойдет прахом, если только дадите им повод подумать, что между вашими высокими словами о нравственной чистоте, долге, честности и вашими поступками есть какое-то несоответствие.

Когда-там я жил в деревне под Тарту и наблюдал там две семьи. Глава одной—ветеринар, интеллигентный вроде бы, начитанный, воспитанный человек. Жена его, тоже тонная дама, никогда не работала, посвятила жизнь двум своим сыновьям. И другая семья: рядовые колхозники. Родители с утра до ночи в поле, а дети предоставлены самим себе. И что же вы думаете: сыновья ветеринара пошли по плохой дорожке — пьют, бездельничают. А дети, которыми никто как будто специально не занимался, выросли достойными людьми, от всех им почет и уважение. В чем же причина? Родители никогда и ни в чем не подали им дурного примера. Трудились честно, не пытались ни в чем ловчить. Ветеринар же как раз ловчил. Он был в сговоре с аптекарем. Пропишет, бывало, человеку лекарство для больной лошади или коровы. Аптекарь говорит: нет у нас такого лекарства. Человек опять к ветеринару. Тот вздохнет участливо: есть, дескать, у меня это лекарство. Достал я его в Таллине за большие деньги. Так уж и быть, уступлю вам. И уступал и драл втридорога. А дети все это замечали: они ведь очень наблюдательны. Такие поступки родителей, тех, кто должен быть опорой и примером во всем, очень скверно действуют на подростков...

Из Тарту мы уезжали вечером. Не уходил из памяти человек в милицейской форме. Хороший работник? Да. Квалифицированный специалист? Несомненно. И еще просто талантливый человек, удивительно чуткий ко всем людским радостям и бедам. Вероятно, таким и должен быть любой воспитатель — отец, учитель или работник милиции.

— Это наш университет.

Хорошо в осеннем парке! Кальо, Сийм и Сильвия.

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

Нора лихо вела машину. Лидумс внимательно разглядывал Лондон. После новогоднего запрещения выходить днем он покидал дом только по вечерам. А в этот день город ему нравился все больше и больше.

Они уже миновали центр, а Нора упрямо гнала машину. Начинался другой Лондон, малоэтажный, старый, без световых реклам, которые в центре никогда не гасли — ни в туман, ни в солнечный день. Покружившись по узким улочкам этого старого Лондона, Нора вдруг остановила машину, и Лидумс увидел неожиданную вывеску на пяти языках — ресторан «Латвия». Они устроили ему приятный сюрприз!

Зал ресторана был отделан черным деревом, под мореный дуб. В глубине помещения маленький джазик играл, как по заказу, латышские народные мелодии, транскрибированные синкопами. Перед оркестром был немного опущен подсвеченный круг для танцев. Справа, несмотря на первый ясный и довольно теплый день, пылал камин, в котором горели не угли, а настоящие дрова.

Нора прошла впереди, помахивая сумочкой, как пращой. В зале были две молодые пары; старик с молоденькой девушкой, судя по всему, с дочерью; компания моряков торгового флота, по-видимому, латыши с одного из английских лайнеров. Но самое приятное было то, что Лидумс услышал родную речь: тут все, начиная с официантов и кончая метрдотелем, говорили по-латышски, на латышском разговаривали и посетители. Увидеть такое чудо в Лондоне Лидумсу и во сне не снилось, и он опять от души поблагодарил Нору.

И меню было рижское... Копченый угорь на закуску, миноги, скабие капусти, земниеску брокастис. Затем шла уха, картофельный суп, курземес строгановс, свиное вареное мясо, свиные ножки, майзес зупа, и даже водка подавалась «Кристалл», по-видимому, хозяин имел связи с советскими торговыми фирмами...

Последнее открытие немного насторожило Лидумса, но Нора и Джон вели себя так мило, что он махнул рукой на все подозрения, тем более что не собирался повторять подобное путешествие в одиночку, и с удовольствием принялся сочинять настоящий латышский обед при помощи метрдотеля, который с не меньшим удовольствием произносил латышские названия блюд, советуя даме и господам попробовать то и это, потом нагнулся к Лидумсу, тихо спросил:

— А может быть, господа пожелают черного рижского бальзама?

— Что он сказал? — полюбопытствовал Большой Джон.

Он и Нора сами, должно быть, были тут впервые. Это можно было понять по любопытным взглядам, по улыбкам, которыми они обменивались, словно оценивали этот ресторан как находку.

— Он сказал, что покажет вам настоящее чудо, какого не добились ни в одной стране мира, — наш национальный напиток.

— Ну, ну! — скептически пробормотал Джон.

Но Нора, эта милая Нора просто преобразилась: она сразу набросилась на Джона.

— Милый Биг! — капризно воскликнула она. — Если уж мы привезли нашего Казимира на островок его родины, доверимся его выбору!

«Именно островок! — грустно подумал Лидумс. — Даже не островок, а плотик, который забросило бурным штормом во-он как далеко от родины, в самое Сохо, куда выбрасывает всю накипь этого странного мира эмигрантов, отщепенцев, изменников...» Но вслух только пошутил:

— Если вы не умрете от первой рюмки, то потом попросите меня записать название этого божественного напитка английскими буквами и станете приезжать сюда хотя бы раз в месяц. Только меня не приглашайте, тут я могу спиться, если у хозяина действительно есть запас.

Как раз к слову появился и сам метр в сопровождении лакея, подносившего на вытянутых руках деревянное, с резным орнаментом блюдо, на котором стояли три длинные рюмки, наполненные черным напитком. Отдельно, специально для англичан, стояло миниатюрное серебряное ведерко со льдом. Метр сам поставил перед каждым по бокалу, и Лидумс предостерегающе поднял руку:

— Прошу оставить лед таять, как ему положено, прямо в сосуде. В Латвии этот напиток пьют двумя способами: люди небогатые берут одну рюмку рижского черного бальзама и разводят ее бутылкой водки «Кристалл». Люди состоятельные или выдающие себя за таковых пьют чистый рижский черный бальзам. Попробуем и мы притвориться состоятельными людьми!

Он поднял свою рюмку на уровень глаз, подождал, пока подняли и Нора с Джоном, поклонился им и с удовольствием, смакуя, выпил. Джон опасливо сделал глоток, просиял и немедля допил. Нора закашлялась было, но храбро выпила до конца. Только потом, отдышавшись, она испуганно спросила:

— Что это за зелье? Яд кураре?

Джон, с побагровевшим лицом, тоже еле перевел дыхание.

— Если это и не смертельно, то выводит из строя по крайней мере на месяц! — еле выговорил он, удивленно глядя на Лидумса. — Что? Вы хотите убить нас? Я больше никогда не смогу пить!

— Вот именно! — засмеялся Лидумс. — Вам уже никогда не захочется пить ничего другого, если перед вами будет выбор: черный рижский бальзам или виски, коньяк, русская водка, вина, коктейли. Прошу повторить! — добавил он, так как лакей опять появился со своим блюдом, а хозяин уже расставлял рюмки. — И еще: этот напиток делается, как настойка, на семидесяти восьми травах! В Латвии им лечат почти все болезни. Во всяком случае, если в доме есть бутылка этого напитка, то грипп туда не вхож!

— Сколько же ему лет? — удивленно спросил Джон, разглядывая мерцающий черным цветом напиток в хрустале.

— Принесите нам бутылку! — приказал Лидумс. И когда хозяин поставил на стол глиняный полулитровый кувшинчик, пододвинул его Джону. Джон и Нора принялись изучать этикетку.

— Я бы хотела иметь такую этикетку в своей коллекции! — воскликнула Нора.

— Ловлю вас на слове! — ответил Лидумс и обратился к хозяину: — Заверните по бутылке для мисс и мистера.

Хозяин поклонился так низко, что Лидумс подумал: «А не на вес ли золота продают здесь этот напиток с родины? Пожалуй, есть смысл удивить Скуевица и Заринына!» — и добавил:

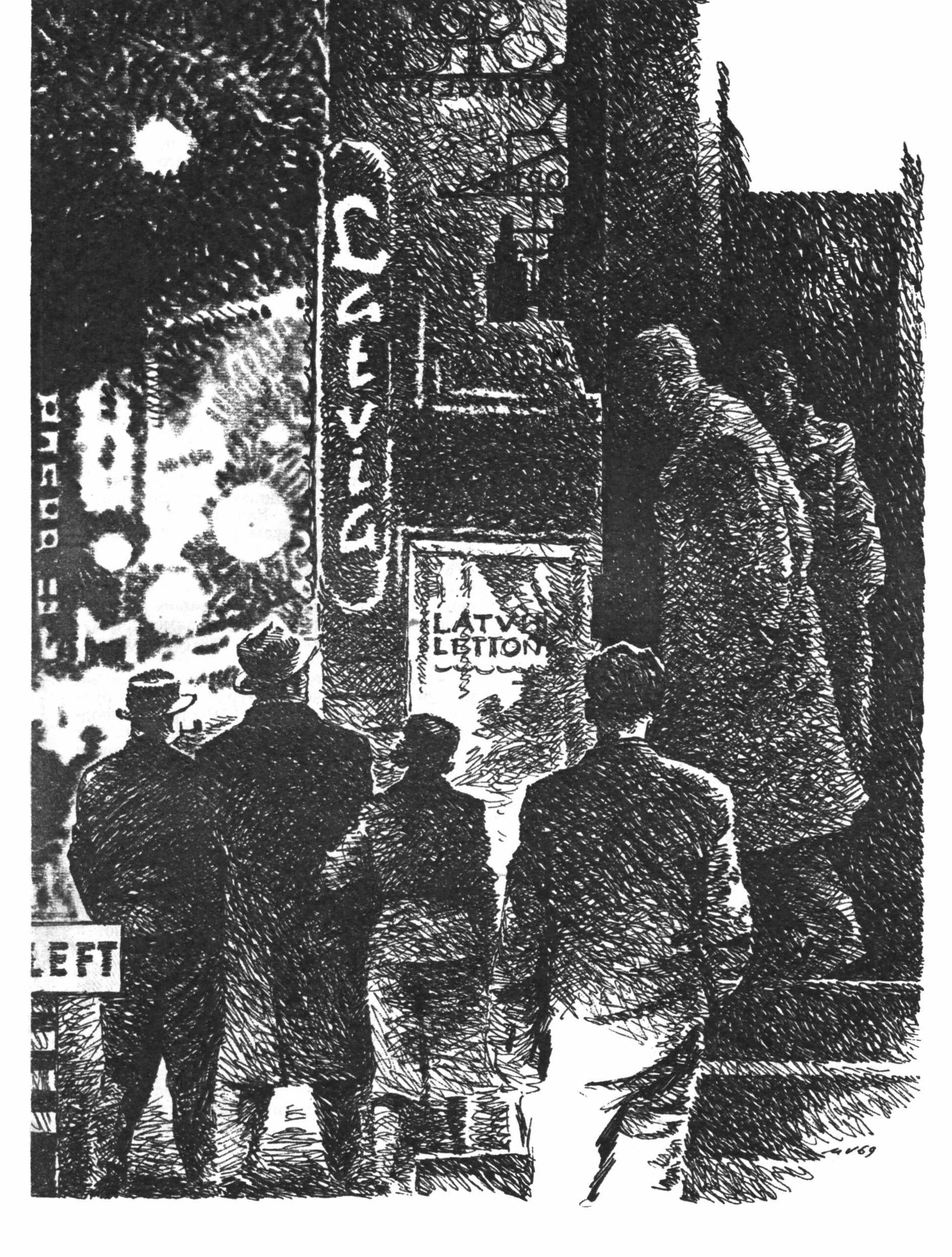
— И отдельно еще две. Нет, три!

— Вы почувствовали себя миллионером? — усмехнулся Джон, показывая мелко напечатанную в ресторанном меню цифру напротив названия напитка и рекламного восклицания: «Только у нас!»

— Ну, я так мало трачу, что вполне могу сделать подарок друзьям из моего правительства!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—45.

— А действительно, знают ли Зариньш и его окружающие о существовании этого ресторанчика? — заинтересовался Джон.

— Это мы сейчас выясним, — ответил Лидумс и спросил у хозяина: — Господин советник Скуевиц у вас бывает?

— О, обязательно! Раз в месяц! Это приличный латыш.

— А есть и «неприличные» латыши? — засмеялся Лидумс.

— Конечно! — с возмущением ответил хозяин. — В колонии устроили кооперативную столовую. Мне пришлось завести отдельную кухню для посетителей-англичан. — Он показал на стеклянную дверь в соседнее помещение. — Иначе я прогорел бы!

— Оказывается, здесь есть и английская кухня! — сообщил Лидумс гостям. — Может быть, вы пожелаете...

— Что вы, Казимир! — остановила его Нора. — Вы, оказывается, умеете быть очень любезным хозяином! Я непременно хочу отведать этот курземес. А вот здесь я вижу слово «цеппелины». Они напоминают страшные истории прошлой войны, которые мне рассказывала мама. Она, правда, тогда не предполагала, что ее дочери и сыну придется участвовать совсем в другой, непохожей войне с немцами... — Кажется, бальзам медленно делал свое дело, Нора становилась сентиментальной. Это с ней случалось, как замечал Лидумс, только после очень крупного возлияния.

— Разве вам тоже пришлось участвовать в войне? — спросил он. — Я помню, что у вас погиб на войне брат, и думал, что это чисто мужское дело!

— Я с детства говорила и по-немецки и по-французски. Как только мистер Черчилль разрешил девушкам вступать в отряды противовоздушной обороны, меня приняли переводчицей в саутгемптонский районный отдел контрразведки. А уж после войны я перешла в «Норд»...

— Неисповедимы пути господни! — с легким вздохом сказал Лидумс. — Оказывается, была нужна война, чтобы я мог смотреть влюбленными глазами на английскую леди.

— Перестаньте так шутить! — Она легонько хлопнула его по руке длинными холеными пальцами. — Мне порой кажется, что вы все время слышите шум своих лесов и совсем не слышите меня!

«А ведь она права! Сквозь шум их голосов мне все слышится голос леса. Даже то, что я пью в Лондоне рижский бальзам, не мешает мне слышать голоса Будриса, Делиньша, Графа... Но ее признание обязывает. Я не могу притворяться монахом, это слишком подозрительно для них!»

11

После долгого обеда, слегка уставшие, но все еще полные иллюзий, будто они весело проводят время, — во всяком случае, так казалось Норе и так она и говорила, — они поехали в кино. Лидумс плохо понял фильм, в котором один сумасшедший преследовал другого сумасшедшего, пытаясь его убить, так как им овладела идефикс, будто тот будет его убийцей.

После кино Нора заявила, что у нее разболелась голова, следует подышать свежим воздухом, и Лидумс пошел на риск: отправился в машине с пьяной женщиной за рулем в дачные пригороды. Но так как все приятно выглядевшие места были обнесены изгородями, кое-где кустарниковыми, а в некоторых местах — колючей проволокой, а Джон все время негодовал, как это в наше время находятся идиоты, которые без служебного поручения ищут природу, настоящий белый человек давно уже умеет извлекать все наслаждения при помощи аппарата кондиционированного воздуха и вышколенной прислуги, то прогулка оказалась утомительной. Все-таки они нашли местечко на берегу Темзы, не огороженное ни проволокой, ни кустами, прошлись по берегу, и там Нора поцеловала Лидумса. Именно она его, а не наоборот. Но тут он сообразил, что лучше покориться судьбе. Отвергнутая женщина становится мстительной, и кто знает, не станет ли она преследовать его с упорством маньяка, которого Лидумс только что видел в кино?

Джон нетерпеливо нажимал на клаксон. Лидумс сорвал несколько жалких зеленых растений, то ли уцелевших с лета, то ли нечаянно возникших на согретой подземными трубами парового отопления почве, и нежно преподнес их Норе, а потом они снова мчались по прекрасным дорогам, и Нора опять развивала непозволительную скорость, шепча сидящему рядом Лидумсу, который на всякий случай привязался ремнями к сиденью, как в самолете, — машина была приспособлена для таких сумасшедших гонок! — что она, Нора, навсегда запомнит этот день.

«Если мы его переживем!» — поправлял про себя Лидумс, но ему, викингу, ему, лесному жителю, полагалось быть мужественным и страстным. И он терпел.

Они вернулись обратно в город около одиннадцати часов вечера. Нора подъехала к своему дому, — у нее был свой дом, похожий на дом, в котором жил теперь Лидумс, унаследованный ею от отца, двухэтажный, со множеством внутренних лестниц и переходов, устроенный так же, как и дом Лидумса: спальни и рабочие комнаты размещались наверху, а внизу находились большой холл, столовая, гостиная и комнаты для прислуги. Тут Лидумс и Джон выпили по коктейлю, пока Нора переодевалась где-то наверху, но вот она спустилась к ним.

На ней было вечернее платье, но самое главное для Лидумса было то, что она вернулась к ним совершенно трезвая. Он тут же подумал: «Хватит. Теперь я буду пить только ледяную воду и кофе. Если я проглочу еще две-три рюмки, она сможет вытянуть из меня что угодно...»

Сейчас это была просто женщина, и Лидумс усмехнулся, представив, как когда-то она явилась перед Маккибиным в таком вот наряде и как тот был ошарашен...

Но на Джона ее прелести как будто не действовали, а может, он просто все время помнил о стоящем за ее спиной начальнике отдела «Норд», во всяком случае, он кричал только о том, что она их задерживает, в лучших дансингах не будет мест, в какой-то кабак, который он упоминал несколько раз, они не попадут, и прочее, на что Нора с очаровательным спокойствием ответила:

— Программа разработана заранее, места заказаны!

И отказаться от очередного коктейля Лидумс не смог.

Он пожалел, что не запасся какими-нибудь таблетками против алкоголя,— ведь отрезвела же Нора только что!— и снова пообещал себе, что будет выливать все пойло, которое ему еще подадут.

В полночь они были в самой благополучной части города. Тут тоже виднелись, конечно, жители ночи, которые подрабатывали на причудах богатых посетителей злачных мест. Тоже кто-то бросился откинуть дверку автомобиля Норы, едва она припарковалась, какие-то девушки мерзли в летних плащиках — к ночи стало холоднее,— ожидая того, небом посланного, кто пригласит их поужинать или очаруется их сомнительными прелестями, хотя, на хмельной взгляд Лидумса, все они были похожи на ангелов. Тут же стояли продавцы цветов, и Лидумс не преминул вспомнить о своей студенческой жизни, купил прелестные розы и вручил их Норе. Та встретила этот дар несколько удивленным взглядом, и Лидумс похвалил себя: ведь он же все еще на испытании — вот о чем говорил этот взгляд!

Их действительно ждали. Швейцар, принимая пальто, должно быть, нажал невидимую сигнальную кнопку, так как на пороге вырос представительный господин, который, церемонно поклонившись Норе, пригласил гостей следовать в зал, а затем к ним были приставлены сразу два лакея.

Лидумс прежде всего пригласил Нору танцевать.

Так и не справившийся с опьянением Большой Джон снова прильнул к бокалу с ледяным коктейлем. Лидумс, отходя с Норой от стола, озорно шепнул лакею:

— Этот господин должен пить как можно больше! Наградные в том случае, если он к концу ужина не сможет отличить бутылку от женщины!

Лакей понимающе осклабился, а Нора, усмехнувшись, похлопала Лидумса по руке:

— Я вижу, до ухода в лес вы не теряли времени даром!

— Даром? — сознательно не понял ее Лидумс.— Я оставил в ресторанах до того дня сорокового года большую часть отцовского наследства. Нет, меня до сих пор не любили даром...

Все время они танцевали. Должно быть, Норе импонировало, что на ее партнера, как, впрочем, и на нее, заглядывались многие. И это спасло Лидумса, Нора перестала заботиться о питье.

Но к четырем часам ночи, когда уже прошли стриптизы, певицы, певцы и на сцене упражнялись бездарные комики, она, проглотив какую-то таблетку, воскликнула:

— Боже, я совсем трезвая! Какая же это ночь пиршеств, если женщина не теряет туфли с ног, а мужчина — свой дом?

Джон еле раскрывал уста и то для того лишь, чтобы приложиться к рюмке. Официант постарался заслужить чаевые.

Сначала Нора пожелала отвезти домой Джона. Сквозь пьяную муть утреннего похмелья у Лидумса все-таки порой просыпалось любопытство: что она станет делать дальше? Настоящей английской леди неприлично идти в чужой дом. Может быть, она привезет его на одну из конспиративных квартир?

Все оказалось проще. Отделавшись от спутника, Нора погнала машину в пригород. И через десять — пятнадцать минут остановила ее возле своего дома.

Эта бешеная гонка немного освежила Лидумса. Выбравшись из машины, он даже запротестовал: неудобно! Кто-нибудь может заметить!

Нора весело воскликнула, что еще вчера отпустила прислугу. Лидумс усмехнулся и спросил: «А что скажет Маккибин?» Но спутница суховато сказала, что дом принадлежит ее отцу, а в Англии ни служебные, ни личные отношения не касаются родительского дома.

Проснувшись у себя дома около полудня, он принял ванну, побрился, позавтракал и только после этого позвонил. Нора капризно спросила: «Почему так поздно?» — но, должно быть, кто-то мешал ей, так как она сразу перешла на деловой тон. Мистер Маккибин просит Казимира прибыть для срочной консультации. Мистеру Казимиру лучше воспользоваться городским транспортом: это будет быстрее, так как утренний час «пик» еще не кончился...

На ставшем уже привычным конспиративном языке отдела «Норд» это обозначало, что совещание носит совершенно секретный характер и мистеру Казимиру следовало прибыть по возможности незаметно.

12

В приемной у Маккибина сидели Силайс и оба Джона — Большой и Малый. Большой, как видно, чувствовал себя плохо после вчерашней ночи. Подсев к маленькому столику с сифоном, он медленно цедил содовую воду. Так как сифон был почти пуст, можно было думать, что он пьет не первый стакан. Он вяло улыбнулся Лидумсу и показал на затылок. «Болит голова!» — понял Лидумс. Нора мило улыбнулась, но сейчас же прошла к шефу. Силайс и Малый Джон встретили нового «советника» вполне дружелюбно.

Пока ничто не вызывало мысли об опасности. Но где-то в груди у Лидумса посасывало. Он-то понимал, что в этом, по-английски строгом, официальном здании всегда горит огонь под котлом, в котором кипит весьма ядовитое варево. И кто знает, кому придется хлебнуть его...

Нора вышла с той же милой улыбкой, сказала: «Шеф просит всех зайти к нему!» — и снова уселась за столом — этакий милый секретарь строгого учреждения. Остальные поднялись и прошли в служебный кабинет Маккибина.

Некоторое время он молча курил, потом вдруг спросил:

— Мистер Казимир, считаете ли вы март и начало апреля удобным временем для морского десантирования в Латвию?

Лидумс вынул из пачки сигарету, размял ее сильными длинными пальцами и только тогда ответил:

— В это время солнце заходит около девяти часов вечера. Но рассвет начинается в четыре часа утра, а ночью светит полная луна. Людям придется сделать очень сильный бросок, чтобы уйти из опасной зоны. А ведь у них, вероятно, будет с собой тяжелый и громоздкий груз? Придется вызвать на берег большое количество людей из группы Будриса на роль носильщиков. И еще вопрос: иду ли я вместе с этой группой?

Про себя он подумал: не из-за него ли затеяна вся эта неожиданная операция? Возможно, Маккибин уже знает все о нем и Норе и решил немедленно избавиться от неожиданного соперника...

Маккибин досадливо сказал:

— Это группа особого назначения. Морское министерство предложило перебросить их людей, людей из морской разведки. Я ответил им примерно то же самое, что сказали и вы, но они предпочитают рискнуть сейчас, нежели ждать осени. Вы с ними не пойдете.

— Какова тогда обязанность группы Будриса?

— Принять шесть-семь человек, вынести их груз, укрыть на некоторое время людей, пока они акклиматизируются, и помочь им в продвижении на восток. Наших друзей из морского министерства, видите ли, очень интересует ряд портов Советского Союза — Мурманск, Ленинград, Баку, Игарка и города, расположенные по Волге.— Это он проговорил иронически. «Норд» всегда считал, что в морской и военной разведках работают дилетанты. Но протестовать против приказов, исходящих из этих министерств, «Норд» не мог. А сама по себе ирония — слабое оружие, особенно когда тебя не желают слушать.

Лидумс нарочито медленно курил. Он думал: размах у морской разведки очень большой. Но что может их интересовать в этих городах?

Но такие вопросы задавать не полагалось. Опасно для спрашивающего.

— Вы сообщили Будрису об этом неожиданном плане?

— Если мы решим ответить морской разведке положительно, то этим займется Силайс, и немедленно. Большой Джон будет наблюдать за подготовкой десанта. Малый Джон поедет с вами в небольшую инспекционную поездку...

— Со мной?

— Да. Наши американские коллеги весьма заинтересованы вашим опытом подпольной борьбы в условиях СССР и попросили командировать вас как советника отдела «Норд» на некоторое время в их распоряжение. Военное министерство попросило нас исполнить эту просьбу...

— Ну, ну! — Лидумс покачал головой.

В его жесте было столько иронии в адрес «Норда», что Маккибин не выдержал:

— Вы же знаете, Казимир, музыканты играют только ту музыку, за которую им платят!

Маккибин оправдывался! Всесильный шеф отдела «Норд» признавался в бессилии перед теми, кто пытался планировать будущую войну. Как видно, ему и самому показались неубедительными эти оправдания. Он грубо добавил:

— Эти дармоеды из морской разведки ухватились за какой-то дурацкий слух, будто в одном из городов СССР строятся подводные лодки нового образца. Одна из них якобы проходила на Черном море ходовые испытания...

Да, Лидумсу достаточно было узнать об одном этом «дурацком слухе», чтобы оправдать все свое пребывание в «Норде». Теперь стала понятна нервозность Маккибина и его высоких покровителей! Но как передать эту новость Будрису? Если Лидумса отправят не сегодня-завтра в Западную Германию, он едва ли успеет написать что-либо «домой»! Но заговорил он спокойно:

— Все-таки проще всего обратиться к Будрису. Он лучше знает условия в Прибалтике на сегодняшний день. И следует заняться этим немедленно. Ему потребуется время для разведки. Хотя мы следим за условиями на побережье постоянно, однако же пограничники о переменах в своей дислокации нам не сообщают. Мне помнится, что новолуние начинается в самом конце марта. Если десантники высадятся к двадцати четырем, у них останется четыре-пять часов для броска к лесным базам...

Маккибин подошел к столу, взял какую-то книгу, удивленно взглянул на Лидумса:

— Ну, мистер Казимир, вам бы быть астрономом! Новолуние действительно начинается двадцать девятого марта!

— О, на лесных людей небесные светила оказывают слишком сильное влияние, чтобы забыть их благоприятное положение! — Он улыбнулся, глядя в удивленные лица своих слушателей.— В такие темные ночи мы обычно выходили из своих берлог и навещали друзей, а иногда и врагов...

— Не хотел бы я иметь таких врагов! — пробормотал Маккибин.

— В Лондоне это никому не угрожает! — весело рассмеялся Лидумс.

— Ну что ж, господа, вы свободны! — со вздохом облегчения произнес Маккибин.— О деталях вас поставит в известность мисс Нора. Это касается и вашего возможного путешествия, мистер Казимир. У вас будет отличный проводник, Джон знает Германию как свои пять пальцев! Мистер Силайс, приготовьте радиограмму Будрису. Подпишите ее от своего имени и от имени мистера Казимира. До свидания!

13

Вечером он опустил в прорезь почтового вагона, уходящего во Францию, очередное безразличное письмо, из которого никто бы не смог ничего вычитать, кроме адресата.

Этот день был наполнен раздумьями и тревогой.

Где-то далеко-далеко, на Черном море, ему мерещилась подводная лодка, которая вдруг вышла из морских глубин и показалась во всем своем мужественном великолепии. И хотя никто не должен был видеть ее, нашелся настороженный глаз. Как бы то ни было, теперь именно Лидумсу предстояло предупредить своих товарищей, ибо англичане не отстанут до тех пор, пока им не отрубят руки, выражаясь фигурально. И это видно хотя бы из того, что они бросают сразу шесть-семь человек на одну «акцию»!

Спал он плохо.

А утром позвонила Нора. Не скрывая своей печали, она сказала, что ей приказано доставить мистеру Казимиру документы и инструкции. Он должен завтра уехать...

Она не сказала, куда, но в голосе ее ясно слышался вопрос: «Зачем? Зачем? Зачем ты оставляешь меня?»

Он спросил только, когда она приедет, и, услышав: «К вечеру!» — заторопился. Нужно было хоть что-то сделать, чтобы утешить ее...

Нора приехала в час ленча, самый священный для мелкого буржуа. В этот час можно навестить друга, но только самого близкого, можно поговорить и о делах, касающихся только их. Для других дел лучше выбрать другое время.

«Викинг» успел подготовиться к визиту: заказал цветы, вино, чай. Вспомнил и о своей старой профессии: написал акварелью портрет Норы по памяти, написал бурными мазками. Женщина оказалась томной, изысканной, какой, скорее всего, никогда не была. Это был подкуп, Лидумс понимал, но это была и благодарность за нечаянную нежность и надежда на будущую дружбу. А в друзьях он очень нуждался и не собирался скрывать этого.

Он поставил еще сырой от красок портрет на свой письменный стол — если Нора привезет, как сказала, документы и деньги, то раньше всего увидит этот подарок,— примерился, как поудобнее поставить цветы, открыл вино и только успел вернуться к письменному столу и к тому же дурацкому докладу, которого так ждет от него господин Зариньш, как вошла Нора.

Скорее всего, она ожидала от своего «медведя» чего угодно, кроме учтивости и вежливости. Она даже ахнула, разглядывая накрытый стол, медленно прошла по комнате, протягивая руки навстречу, и вдруг замерла среди комнаты, устремив взгляд и вся потянувшись навстречу портрету...

— Дорогой Казимир! — только и воскликнула она.

Он помог ей снять пальто, небрежно бросил его на кресло и поцеловал ее руку.

Потом она долго и восхищенно разглядывала портрет, и Лидумсу пришлось признать, что, несмотря на некоторую стилизацию и слащавость манеры, портрет ему удался, но своей оценки он не изложил, с него достаточно было и того, что Нора искренне обрадовалась. Каково же было его удивление, когда она вдруг вынула что-то из сумочки, взяла его руку, поцеловала ее и надела на безымянный палец большой золотой перстень с камнем!

— Это... тебе! — совсем как девочка, признающаяся в вечной любви, прошептала она. Повернула камень вверх, добавила уже другим тоном, тоном оценщика: — Это аквамарин, счастливый камень.

— Но зачем! — попытался он отказаться, но тут она показала себя неумолимой.

— Никогда не смей снимать его! — торжественно попросила она.

Ему сразу стало легче с нею — до этого он еще боялся, что не сумеет повести себя так, чтобы она хоть чуточку поверила в его чувство. Она не только верила, она уже считала себя чуть ли не женой этого чужого великана, совсем недавно появившегося на пороге скромной немецкой виллы в костюме рыбака. Нет, он и тогда был викингом и остался викингом! Нора имеет право сказать, что в жилах этого человека течет кровь старых рыцарей, захвативших когда-то Англию и создавших могучее государство. Конечно, в ней самой много примеси кельтской крови, но ведь и кельты управляли этой страной наравне с англосаксами, выбирали себе подруг с белой кожей и светлыми волосами и отдавали своих дочерей, темноволосых и смуглых, в жены этим рыцарям... Так примерно прочитал Лидумс ее восхищенное молчание.

За столом она заговорила о деле. Казимир и Малый Джон должны отправиться на несколько дней в Западную Германию. Ами — ох уж эти неотесанные ами! — вздохнула она, насовали в свои шпионские школы черт знает какой бракованный материал, из школы «Z» ушло на Восток несколько человек, и все провалились. Теперь ами хотят воспользоваться методами отдела «Норд» и проверить свои конюшни.

«Ага,— подумал Лидумс,— это Бромберг и его воспитанники. Они провалились до того, как начали действовать. Но что хотят получить от «Норда» американцы? Безопасные явки по английским адресам? Сомнительно, чтобы англичанам это понравилось!»

Нора, немного помолчав,— собиралась с мыслями, подумал Лидумс, как объяснить латышу, что между «родственниками» тоже возможны свары,— сказала:

— Дорогой Казимир! — Теперь она действовала по инструкции и говорила сухо: — Никто не желает, чтобы из-за глупости этих неотесанных ами, вдруг решивших, что им уготована роль правителей мира, провалилась наша самая верная связь с вашей родиной. Было бы лучше всего, если бы вы вспомнили какие-нибудь другие безопасные адреса. Вы, конечно, понимаете,— перебила она сама себя,— это должны быть «чистые» явки. Но вне района действия группы Будриса...— Она опять помолчала.— Мы не знаем, как это получилось, но группа Будриса в поле зрения ами. Может быть, они контролируют наши передачи? — Видно было, что она и сама не верила этому предположению. Но сказать решительно, что в «Норде» есть «двойник», который работает и на американцев, она все-таки не могла.— Что ж, о группе Будриса вам придется рассказать, а вот как вы скроете «след», это уже ваше дело. Во всяком случае, Маккибин и полковник Скотт на вас надеются...

— Может быть, показать им мой отчет о группе? — нерешительно спросил Лидумс.— Вы помните, там есть прямое указание о нежелательности распространения связей?

Когда-то Нора сама перепечатывала, и с большим удовольствием, как полагается истинной патриотке, те страницы доклада, в которых Будрис сообщал, что расстреляет всякого, кто попытается проникнуть в расположение группы, не имея пароля «Норда». Лидумс догадывался об этом: патриотизм свойствен и разведчикам, особенно если они добыли сведения с трудом. Но ответила Нора растерянно:

— Вы определите это на месте...

«Так, значит, английская разведка вынуждена делиться вытащенными из огня каштанами с американцами. Ну что ж, тут я могу действовать свободно».

Дальше беседа потекла легче. Нора сообщила, что Лидумс — господин Казимир, с улыбкой сказала она,— должен выйти завтра в шесть часов утра. Его будет ждать машина. Он назовет свое имя, и шофер доставит его на один из аэродромов. Туда же приедет и Малый Джон, но они не должны подавать вида, будто знакомы друг с другом. На одном из аэродромов Западной Германии, где они приземлятся, их тоже будут ждать машины. Казимир должен проехать в отель «Альдона», где для него снят номер. От шести до семи вечера Казимир будет сидеть в баре «Альдоны», там к нему подойдет Малый Джон и даст знак. Марки на командировочные расходы и необходимые документы будут у Джона. Английские деньги с собой брать не разрешается...

— А если мы не встретимся?

— Он остановится в том же отеле,— успокоила его Нора.— Но у тебя есть мой домашний адрес. Ты всегда можешь послать какую-нибудь весточку... Но боже мой, как мне будет скучно без тебя!..

Продолжение следует.

ИЗ ПОЧТЫ «ОГОНЬКА»

Г. Т. Степанов с женой и сыном.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

На XI съезде партии В. И. Ленин с большой похвалой отозвался о весьегонских большевиках. В январе того же 1922 года, работая над планом статьи «Заметки публициста», Владимир Ильич записал в план параграф: «чьими руками создавать коммунизм?», указав при этом: «Цитата из Тодорского, стр. 61—62». Но и еще раньше В. И. Ленин обратил внимание на книгу Александра Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», в которой было рассказано об опыте строительства Советской власти в Весьегонском уезде и, в частности, о деятельности председателя исполкома Г. Т. Степанова.

Кто этот человек? Сын бедного крестьянина из деревни Лихачево. Чернорабочий в Петрограде. Участник нелегального марксистского кружка. Когда Степанова призвали в армию, он был направлен в конвойную команду в Петрограде. Григорий установил нелегальную связь с марксистами, доставлял от политических заключенных письма на волю. 1917 год унтер-офицер Г. Степанов встретил в Одессе в составе Первого авиационного парка. Здесь почти все солдаты — вчерашние рабочие Петрограда и Москвы, а офицеры — из революционно настроенных студентов. В авиапарке образовалась первая в одесском военном округе большевистская организация. В марте 1917 года был принят в члены ленинской партии и Степанов. Затем его избрали председателем ревкома.

Демобилизовавшись из армии, Григорий Терентьевич приехал в Весьегонск. В марте 1918 года он стал председателем исполкома.

Бывший работник Весьегонского уисполкома И. Е. Мокин вспоминал: «Г. Т. Степанов был образцом поведения для всех нас, он не ставил себя выше других... не злоупотреблял своим авторитетом и властью. Он уважал весь коллектив членов уисполкома... и взаимно коллектив глубоко уважал Степанова и любил его».

О характере Григория Терентьевича дает яркое представление такой эпизод. Как-то ночью, на заседании, постоянное недоедание и усталость сломили председателя и он уснул. Членам исполкома пришлось разбудить Терентьича: вопрос обсуждался важный. Степанов живо встрепенулся и виновато попросил повторить, на чем остановилось заседание. Один из товарищей предложил: «Товарищ Степанов, ты поешь, обязательно поешь, а то вся работа с рельсов соскочит и пропадет даром. Я велю тебе принести муки со склада упродкома». Степанов гневно воскликнул: «А я вас, гражданин, велю отдать под суд за расхищение народного добра. Что скажут голодные люди, глядя, как комиссары едят их хлеб?»

Летом 1920 года Степанова избрали членом Тверского губисполкома, а в октябре он заболел сыпным тифом и умер. Гроб с телом покойного привезли в Весьегонск, и весь город пришел проститься с Григорием Терентьевичем.

Память о верном ленинце глубоко чтут земляки. Его имя носит улица в Весьегонске и один из колхозов района.

В. ХОХЛОВ,
член КПСС

Скоро исполнится десять лет со дня организации Ракетных войск стратегического назначения, а более двадцати лет назад ушла в небо наша первая боевая стратегическая ракета. Специальный корреспондент «Огонька» беседовал с участниками этого замечательного события и побывал на ракетном полигоне.

Сегодня мы публикуем его репортаж.

Г. МАКАРОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В КОЛЫШЕК!..

Центр ракетного полигона—зеленый город в цветах. Образно говоря, он ближе к космосу, чем многие другие города. Но пройдем по его улицам. Здесь не увидишь вывесок: гостиница «Орбита», кафе «Космос», кинотеатр «Спутник» или стадион «Ракета». Вас приглашают кафе «Родная хата» и столовая с добрым именем «Стряпуха». Неподалеку — магазин «Хозяйка». Вы устали? Пожалуйста, устраивайтесь в гостинице «Уют». Маленький ресторан при ней носит пока еще неофициальное название «Землянка в три наката».

День и ночь несут боевую вахту воины Ракетных войск стратегического назначения. Расположенные на подвижных и неподвижных установках, снабженные мощными ядерными зарядами, готовы к мгновенному пуску ракеты самых разных типов. И только одна из их сестер, старшая, уже не взлетит никогда. Едва оторвавшись от земли, она опустилась на постамент и памятником застыла у дороги. Отсюда стартовала первая стратегическая.

Сейчас еще не все желающие могут увидеть монумент, но, думается, придет время, когда люди, проезжая по этой дороге, с уважением будут останавливаться возле него.

...Мы на одной из пусковых площадок полигона. Сценой из романа Джонатана Свифта возникло перед нами это видение в степи: будто в стране лилипутов готовили невесту великана к торжеству бракосочетания. Миниатюрные фигурки, словно вплетая ленты в косы, мелькали на многометровой высоте. Другие что-то делали у талии невесты, устроившись на железных площадках обслуживания. Внизу, у самых ее ног, сосредоточенно и целеустремленно двигались такие же крохотные фигурки. Десятки кабелей и проводов выглядели нитками на полу.

...Последний из номеров стартового расчета уже исчезает за стальными дверями бункера. И вот нет невесты великана. Теперь на фоне выгоревшего, пыльного неба стоит солдат—гигант в остроконечном богатырском шлеме и зеленой защитной одежде. Ничего лишнего, строги и пропорциональны его очертания. Он готов к бою. Стратегическая на старте!

В бункере множество щитов и панелей с аппаратурой различного назначения. Одно из помещений похоже на центральный пост подводной лодки: два перископа, серая окраска. Приятная прохлада охватывает все тело. На небольшом столе — переносный пульт пуска. Здесь та самая кнопка, которую нужно нажать. Прикрытая серым резиновым колпачком, она выглядит весьма прозаически. Командир батареи офицер Филин прикоснулся к этой кнопке. Пуск? Да, пуск, но ракета еще не пошла. Один за другим на пульте загораются зеленые транспаранты. Вот вспыхнул первый. Гигант пока неподвижен, но биение жизни уже возникло в его груди. Заработали новые системы — засветилось окошко. Секунды — и еще зеленая вспышка, еще, еще... Я не видел лица командира в тот момент, когда засияло слово «Подъем», но могу представить, каким оно было.

...Темное облако дыма тяжким молотом ударяет о землю. И, будто рожденная пламенем, из этой плотной пены возникает ракета в ярчайшем огненном платье. Она плавно набирает скорость. И уже через несколько секунд видно, как изгибается белый шлейф инверсии: стратегическая ложится на боевой курс. Звучит громовая песня ракеты.

Генерал, вводивший в свое время эту ракету в строй, сказал коротко:

— В такие моменты я понимаю, что не зря прожил жизнь, что и я что-то значу...

Кабинет начальника полигона уставлен моделями ракет и книжными шкафами до потолка. Я задаю вопрос: что вы чувствовали в тот теперь уже далекий момент самого первого пуска? Генерал выкладывает снимки, порядком пожелтевшие: ведь им двадцать и более лет. Вот Сергей Королев (генерал так и называет его — Сергей). Длинное пальто, широкополая шляпа, знакомое лицо, освещенное доброй улыбкой. Все выглядит очень простым, земным: на руках у Королева собачки, первые комочки жизни, которых послали в космос советские люди. Был на фотографии и гвардии генерал, Герой Социалистического Труда, кавалер пяти орденов Ленина, бессменный начальник старейшего ракетного полигона Советской Армии. Вот еще групповая фотография: по одежде это не то шоферы, не то авиаторы начала века. Кожаные шлемы, очки. Первая стартовая команда. Вот он, первый операторкапитан С. И генерал называет фамилию известного теперь военачальника. Рядом с ним офицер Т., ныне он генерал.

— Вы хотите услышать о первом пуске? — продолжает свой рассказ начальник полигона.— Но об этом не расскажешь в двух словах. Здесь, где мы с вами сейчас сидим, была степь, были холод, грязь, бездорожье. Пришли сюда советские люди, коммунисты, фронтовики. Я не слышал ни одной жалобы, когда мы начали не с жилья, а с подготовки к испытанию. Мы построили дощатый ангар для ракеты, где у самодельных печей из железных бочек согревали руки конструкторы и испытатели. Для первых работ, так называемого прожига двигателей ракет, требовалось создать стенд — сложное инженерное сооружение. Не было у нас никакого опыта в этом деле. А о трудности задачи может дать представление такой эпизод: известно, что к концу второй мировой войны гитлеровцы наладили исследовательские работы и производство ракет. И вот, имея уже достаточный опыт, они потратили целых полгода на восстановление подобного стенда, разбитого американской авиацией. Наши люди, начав на пустом месте, уже провели необходимые испытания и стали готовиться к пуску ракеты. За две недели под дождем построили железнодорожную ветку более десяти километров длиной и мост.

Наконец, настал день пуска. Утро было безоблачным и тихим. Над степью поднялось солнце. Вы видели там бугорки? Это бывшие капониры — туда ушли машины управления. Невдалеке, у мелкого кустарничка — небольшая трибуна для Государственной комиссии. А мы, мы сели просто на бугорок. Мы — это представитель конструкторского бюро, офицер Т., о котором я уже говорил, капитан С. Не было тогда у нас специального оборудования, и солдат поднялся по многометровой пожарной лестнице к голове ракеты. Она дрожала, эта лестница, а он, я не помню, к сожалению, его имени, ну, словом, наш, советский солдат, снял колпак, красный такой, и поцеловал ракету в самый носик.

А дальше? Пошла, нормально пошла! Такое мы видели впервые. Мы, люди, повидавшие многое, обнимались, и я помню, кое-кто заплакал... И еще отметьте, пожалуйста, в ракете было все советское, от стола, от графитовых рулей до головки взрывателя.

Генерал улыбнулся.

— Первый пуск... Где он, первый? Может быть, это было в то утро, после тихой украинской ночи, когда наше формирование реактивной артиллерии, расположившейся в районе Диканьки, дало залп по гитлеровцам. А может быть, надо начать рассказ с событий еще более ранних... Да вы зайдите в наш музей, там много интересного... Хочу только напомнить, что ракета, первая, советская, боевая, стратегическая шла по курсу в то время, когда уже готова была у нас и ядерная бомба. Это не случайное совпадение — тяжелое бремя войны не помешало партии смотреть в будущее. Первой на земле державой, имевшей мощные средства поражения и одновременно создавшей неотвратимую технику их доставки, стал Советский Союз...

...И все же как «стрельнул» Филин? В штабе мне ответили:

— Наша машина (здесь иногда так называют ракету) надежная, как всегда, в «колышек»!

Должен пояснить: «колышек» — точка пересечения расчетных координат в районе падения боевой части ракеты.

Подъем!

Офицер Филин — командир батареи.

Наш караван покидал территорию Южного Йемена и направлялся в Дофар.

Вчерашние рабы овладевают военным искусством.

После долгого перехода мы остановились в пещере, где живут пастухи.

Это дерево «эль-кази». Аромат его цветов чувствуется за несколько километров.

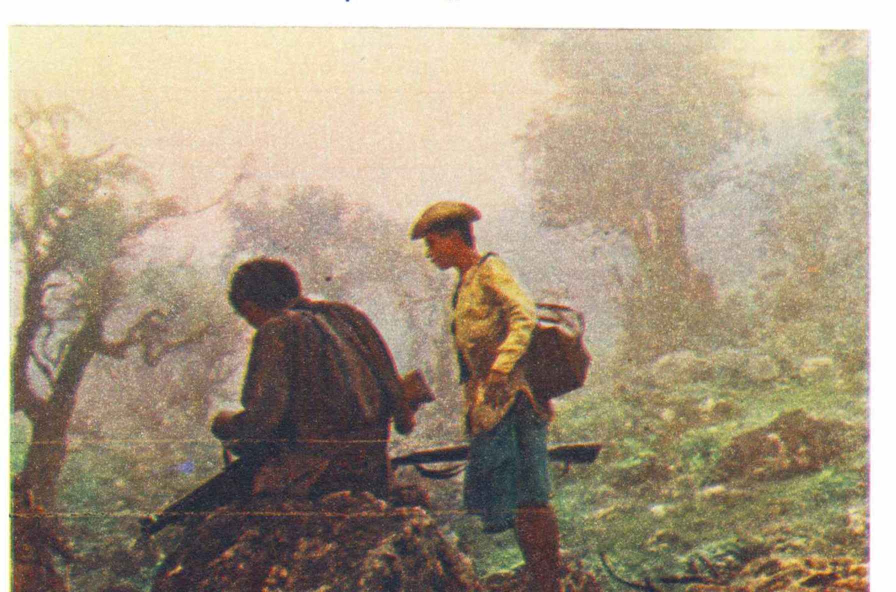

Перед выходом в разведку. Завтра на рассвете предстоит нанести удар по английскому лагерю.

На горных тропах Дофара.

Короткий отдых.

А. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

ХОЗЯЕВА ВОССТАВШИХ ГОР

Над плоскими крышами домов и узкими улочками, по тесным дворикам и угрюмым базарчикам пронеслась весть: будут казнить восставших против власти султана. Рано утром, когда город еще не разбудил призыв муэдзина, у стен крепости грянул нестройный залп, и в ров упали двое. Английские советники не разрешили хоронить убитых: пусть лежат тела бунтовщиков для устрашения непокорных.

А едва закатилось солнце, из ближайшей финиковой рощи метнулись к валу крепости три тени. Бесшумно спустились в ров. Выглянувшая луна осветила совсем еще юные лица.

Юноши похоронили убитых и склонили головы над могилами.

— Поклянемся отомстить за жизнь наших товарищей! — едва слышно сказал один.

— Клянемся!..— глухим шепотом ответили двое.

— Поклянемся хранить верность боевому товариществу, беззаветно служить делу революции, не щадить жизни до полной победы над колонизаторами, рабовладельцами, феодалами!

— Клянемся!..

— Упорно учиться, чтобы узнать, кто наш друг и кто враг!

— Клянемся!..

Это произошло несколько месяцев назад на Аравийском полуострове, в городе Салале, центре Дофара — провинции султаната Маскат, находящегося под английским протекторатом.

...Мы укрылись от непогоды в пещере. Над нами нависают закопченные глыбы камня. Впереди — зеленая, заросшая буйным кустарником долина.

Напротив меня у костра, опираясь на винтовку, сидит участник той дерзкой ночной операции — бывший раб Омар.

Всего несколько месяцев назад он был рабом в Салале, где на десять—двенадцать тысяч жителей приходится три тысячи рабов. Сейчас Омар — боец отряда, и мы вместе вот уже неделю идем по скользким, раскатанным, как лед, глинистым тропам партизанских районов Дофара.

Дофар до последнего времени считался заповедником косности, отсталости, дикого феодального деспотизма и рабства. Казалось, что никакие отзвуки внешнего мира не могут проникнуть на эту территорию, как будто укутанную средневековой паранджой.

Но это только казалось. Нервный треск винтовочных выстрелов разбудил жителей Салалы в ночь на 9 июня 1965 года. Это было началом восстания. Бойцы Фронта освобождения Дофара (переименованного впоследствии в Народный фронт освобождения оккупированного Персидского залива) атаковали английский военный лагерь. С тех пор, хотя по Салале все так же важно шествовали стражники с палками и саблями, хотя по-прежнему в огороженных двориках шла купля-продажа «живого товара», хотя так же кланялись чиновникам «его величества султана» босоногие горожане, всем было ясно: старые времена безропотного, униженного подчинения прошли навсегда. Веками освященные традиции деспотизма, подкрепленные английским «томми» с автоматом, дали трещину. В 1966 году несколько солдат-патриотов совершили покушение на султана Ибн Теймура. Истекающего кровью султана унесли. С тех пор его никто не видел.

Все чаще на английскую базу падали мины партизан. Все озлобленнее метались по базарам стражники. Город обнесли колючей проволокой в виде полумесяца. Ее концы уходили на дно моря.

Омар, тогда еще мальчишка, жадно ловил слухи о партизанах. В зависимости от сообщений о ходе боевых действий его хозяин — толстый ростовщик с жидкой бороденкой—становился то мрачно-ласковым, когда приходили вести об успехах повстанцев, то радостно-злобным, когда высаживались новые английские парашютисты. Однажды он застал Омара за азбукой, схватил плеть и визгливо закричал:

— Сын собаки! Бездельник! Нет чтобы натаскать воды, он еще хочет стать ученым! Вот тебе учение!

Он стегал подростка и свирепел, видя ненависть в горящих, как угли, глазах.

Мы с Омаром провели несколько дней, а его историю я услышал только сейчас, на этом привале. Когда он рассказал мне о столкновении с хозяином, его глаза вновь вспыхнули ненавистью.

Однажды Омар, согнувшись под тяжестью ноши, тащил с базара огромную вязанку дров, ему помог высокий, крепкий юноша, по виду горец. Они подружились. И настал день, когда новый друг привел его на собрание подпольной ячейки Народного фронта. Омар стал выполнять мелкие поручения ячейки. Но самым серьезным заданием для него было захоронение расстрелянных товарищей. Долго говорили об этом событии горожане — они понимали, что в городе по-прежнему действует подпольная организация патриотов.

Вдруг над ячейкой нависла угроза провала: стражники схватили одного товарища. Бежать из города невозможно. Выезд и въезд в Салалу разрешен только по пропускам с фотографиями. Решили бежать морем.

Омар и его друг собрали старые кокосовые орехи, связали их в плети, соединили звенья между собой — и плотик был готов. Ночью пробрались к берегу. На мгновение сжалось сердце: там, в океане, кишащем акулами, их подстерегала почти верная смерть.

Омар вспомнил визгливый голос хозяина, плеть в его руке, залпы солдат-наемников у вала крепости и решительно столкнул плотик в воду.

Восемнадцать часов провели они в море, избегая встречи с рыбаками. Наконец, обожженные солнцем, с распухшими от жажды губами, они выбрались на берег. Партизаны были недалеко в горах. Там их ждала свобода.

Командование вахды (территориального соединения Народно-освободительной армии Дофара) в Центральной зоне направило Омара и его спутника в военно-тренировочный центр.

Наш отряд, в котором служил бывший раб, шел в этот лагерь. Несколько дней мы пробирались в северном направлении — туда, где густые леса Дофара резко переходят в пустыню.

...Окрик из кустов:

— Стой, кто идет?

— Свои. С нами советские гости.

Мы вошли в лагерь. Покрытый агавами каменистый склон, обращенный к пустыне. Замаскированные палатки. Винтовки в козлах. Разобранный пулемет. Надраенные до блеска котлы. Плакаты и листовки Народного фронта. Будка часового. Все в полном порядке.

— Сми-и-ирно! Правое плечо вперед!.. Шагом марш!

Маршируют одетые в форму бойцы.

Обычные военные команды, форма, дисциплина, организованность, и хоть нет еще опыта, это уже армия, а не просто партизанские отряды. Бойцы овладевали различными видами оружия, тактикой ведения боевых действий с регулярными подразделениями противника, учились метать гранаты. И все это были вчерашние батраки, пастухи, рабы...

Бойцов тренировал подтянутый, свитый из сухожилий и мышц, высушенный до черноты под аравийским солнцем командир — бывший старшина в армии султана.

— Я научу их видеть в темноте, как кошек. Сутками сидеть не шелохнувшись в засаде. Пробираться под носом у часовых. Штурмовать дзоты под пулеметным огнем. Эти ребята еще пройдут победным маршем по улицам Салалы.

Но военная подготовка — это еще не все. Курсанты лагеря в обязательном порядке проходят курсы ликвидации неграмотности, учатся читать и писать, изучают географию и историю. Боец народно-освободительной армии Дофара должен уметь не только воевать, но и вести политическую, пропагандистскую работу среди населения. Учеба открывает невиданный прежде, бесконечно большой мир. Они впервые узнают о Советском Союзе, знакомятся с понятиями «национальная независимость», «социализм», «прогресс», «стратегия и тактика»... У комиссара лагеря лежат в тумбочке книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, «Государство и революция» Ленина и много других по научному социализму. Политическому воспитанию бойцов уделяется большое внимание.

Нашего Омара в лагере встретили, как ветерана,— у него за плечами участие в боевых действиях.

О его боевых делах мне рассказал командир отряда — бедуин Саид:

— Когда Омар пришел ко мне в отряд, это был уже подготовленный солдат. Правда, некоторое время ему пришлось привыкать к товарищам: у меня были бойцы из горцев и бедуинов и ни одного из рабов. Но молодежь быстро сходится. Омар был упорен. Он первым научился разбирать и собирать винтовку с завязанными глазами. Стали брать его на боевые задания. Сначала просто в охранение, потом на минирование дорог. Наконец, в первую засаду. Подложили мины, залегли. Часа через полтора раздался гул мотора. Вместо ожидаемого «джипа» по дороге шел бронетранспортер. А у нас заложены легкие мины. Они грохнули, бронетранспортер встал, из него выпрыгнули солдаты — все целые и невредимые. Началась перестрелка. Смотрю: Омар побежал в сторону. Думал, струсил парень. И вдруг через минуту прямо над головой засевших наемников рванула граната, затем другая. Омар! Он незаметно подобрался с фланга почти вплотную к солдатам и бросил гранаты. Уцелели только двое наемников. Трофеи нам достались хорошие.

Мы провели вместе с Омаром десять дней. Но пришло время расставаться.

На зеленом, покрытом сочной травой плато тропинка разделялась. Разделился надвое и наш маленький отряд. Омар и двое других товарищей уходили в разведку, а нас задержало сообщение об обстреле из орудий англичан деревушки, в которую мы шли.

Больше мы с Омаром не встречались.

Освобожденные районы
Дофара — Москва.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведческих наук

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И ПОРТРЕТЫ ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь — один из тех великих русских писателей, чье литературное и эпистолярное наследие наиболее тщательно выявлялось и публиковалось. И хотя разыскания продолжаются уже около ста двадцати лет, все же немало его творческих рукописей и писем до сих пор не обнаружено.

Даже в таком, казалось бы, почти безнадежном деле, как поиски фрагментов второго тома «Мертвых душ», рукописи которого писатель дважды сжигал, могут быть положительные результаты. Правда, с тех пор как С. П. Шевырев в 1852 году обнаружил подлинные рукописи пяти глав этого тома, новых находок такого рода не было. Но в печати имеются сведения, что Александр II, будучи еще наследником, хранил у себя копию одной из сожженных рукописей второго тома «Мертвых душ». Это вполне правдоподобно, так как благодаря поэту В. А. Жуковскому — воспитателю наследника — Гоголь был с ним хорошо знаком. Куда девалась эта копия? Быть может, поиски ее все же увенчаются успехом?

Вот другое любопытное сообщение, относящееся к той же области. Когда в 1902 году отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Гоголя, в одной из петербургских газет появилась заметка о том, что академик А. А. Куник (1814—1899) приобрел у С. И. Погодиной (1826—1887) спасенные ее мужем, другом Гоголя, изорванные на мелкие части страницы некоторых глав второго тома «Мертвых душ». Известно, что историк Куник на протяжении всей жизни был занят поисками документов по истории России и собрал их в огромном количестве, поэтому газетное сообщение представляется весьма основательным. Но хотя приводимые здесь сведения появились в печати давно, они не привели к розыскам того, что имелось из второго тома «Мертвых душ» у Александра II и у академика А. А. Куника.

Наконец, не было ли заготовок к «Мертвым душам» среди тех бумаг, которые Гоголь оставил на хранение Александру Иванову, когда в 1848 году покидал Италию? Вот недавно обнародованное драгоценное свидетельство художника, сохранившееся в черновике его письма к Шевыреву: «Зная Вас лично как близкого приятеля Н. В. Гоголя, я должен Вам сказать, что покойник перед последним отъездом оставил у меня два сундука и портфель с бумагами. Что в них находится, я не знаю, да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю к Вашему совету — что мне делать с этими вещами, быть может, весьма драгоценными для многих». Письмо было отправлено в 1855-м, спустя три года после смерти Гоголя, а в 1858-м скончался и Александр Иванов. Что произошло с хранившимися у него двумя сундуками и портфелем с бумагами Гоголя, неизвестно. Возможно, что отдельные из находившихся здесь автографов писателя были переданы братом художника — С. А. Ивановым — родственникам Гоголя в 1860-х годах. Но не исключено, что немалая часть этих бумаг гуляет по свету и еще не обнаружена.

Существует источник неизвестных нам работ Гоголя, к которому никогда не прикасалась рука исследователя. Я имею в виду итальянские журналы, в которых, видимо, сотрудничал писатель. Об этом есть авторитетное свидетельство В. А. Панова, родственника Аксаковых, хорошего знакомого Гоголя, вместе с которым писатель отправился в середине мая 1840 года в свою вторую заграничную поездку. Дело было так. Месяцем раньше — 6, 10 и 17 апреля — в «Московских ведомостях» трижды печаталось объявление: «Некто не имеющий собственного экипажа, ищет попутчика до Вены, имеющего собственный экипаж, на половинных издержках; на Девичьем поле в доме проф. Погодина; спросить Николая Васильева Гоголя». Отклика на это объявление не последовало, но в те же недели решил, заодно с Гоголем, ехать в «чужие края» и Панов. В письмах к Аксаковым он подробно их информировал об этом совместном путешествии. Несколько таких писем Панова опубликовал Л. Р. Ланский в своей весьма содержательной работе «Гоголь в неизданной переписке современников», помещенной в 58-м томе «Литературного наследства», выпущенном нами в 1952 году. В одном из писем Панов, сообщая о некоторых примечательных событиях, связанных с поездкой, говорит: «В Кракове вдруг пробудилась деятельность Николая Васильевича. Он вечером написал там статью по-итальянски для журнала римского о собрании эскизов кн. Долгорукого в Москве».

Речь идет об уникальной коллекции рисунков, в которой было свыше четырех тысяч листов, в том числе восемь рисунков Рафаэля, альбом рисунков Гольбейна. На протяжении многих лет собрание это составлял кн. Д. М. Голицын, а затем оно перешло к его родственнику кн. Долгорукому. В сороковых годах коллекция продавалась, но в Москве покупателей не нашлось; тогда, как пишет в своих мемуарах историк Б. Н. Чичерин, «зубной врач Жолй купил все собрание за десять тысяч рублей ассигнациями, увез его в Париж и продал за большие деньги». Строки письма Панова, в которых говорится о статье Гоголя, посвященной этой коллекции, дают некоторое основание полагать, что то была не первая статья Гоголя «для журнала римского». Но пока мы не знаем ни одной статьи, напечатанной им в Италии. Вот почему необходимо обследовать с этой точки зрения итальянскую периодическую прессу тех лет.

Выступать же в Италии в 1840 году со статьями по вопросам изобразительного искусства основания у Гоголя были: за две недели до отъезда за границу он просил Жуковского, а месяц спустя из Вены Плетнева помочь ему получить должность конференц-секретаря «основывающейся ныне в Риме нашей Академии художеств», то есть центра по руководству русскими художниками, систематически приезжавшими на практику в Италию. Эти хлопоты Гоголя не увенчались успехом. Но вполне закономерно, что, готовясь занять пост конференц-секретаря русского художнического центра в Риме, он по дороге в Италию написал о замечательной коллекции кн. Долгорукого, чтобы выступлением в итальянской прессе зарекомендовать себя знатоком искусства. Наконец, Гоголь в то время уже хорошо знал итальянский язык, которым ему случалось пользоваться даже в переписке. Это подкрепляет правдоподобность сообщения Панова.

До сих пор остаются неизвестными многие письма Гоголя, часть которых, несомненно, находится за рубежом. В последние годы все чаще стали появляться в печати сведения о такого рода письмах, хранящихся в заграничных государственных архивах и частных собраниях. Так, в 1952 году во французской прессе промелькнуло сообщение, что в одной из частных парижских коллекций хранятся автографы четырнадцати писем Гоголя. Но они до сих пор не публиковались. Три его письма нашлись в недавнее время в Англии и США, а затем их тексты были обнародованы. Два неизданных письма Гоголя продавались на аукционах в ФРГ, где их приобрел собиратель, живущий во Франции. А в Италии до недавнего времени хранилась неизданная альбомная запись Гоголя.

Наконец, есть за рубежом и несколько прижизненных изображений писателя, но не все они опубликованы.

О некоторых ранее неизвестных автографах и портретах Гоголя, находящихся за границей, я и хочу рассказать.

I. НОВОНАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА ГОГОЛЯ

После выхода в свет академического 14-томного полного собрания сочинений и писем Гоголя, завершенного в 1952 году, за рубежом были выявлены три ранее неизвестных его письма. Одно, адресованное В. О. Балабиной, хранится в библиотеке Гарвардского университета и опубликовано в сборнике «Русский литературный архив», вышедшем в 1956 году в Нью-Йорке. Другое письмо Гоголя отыскала в Лондоне профессор Кембриджского университета Елизавета Хилл. Оно адресовано поэту Н. М. Языкову и впервые появилось в 1961 году в 38-м томе издания «Revue des Etudes Slaves» (Париж). Наконец, письмо Гоголя к художнику Александру Иванову обнаружил профессор Оксфордского университета сэр Исай Берлин, подаривший этот автограф Институту русской литературы в Ленинграде; впервые его опубликовал в 1961 году А. Н. Степанов в шестом выпуске «Литературного архива».

Кроме того, за границей нашлись некоторые автографы тех писем Гоголя, которые в академическом издании перепечатывались по давнишним — порой столетней давности,— весьма неточным публикациям.

Но еще важнее то, что в недавнее время в Западной Европе обнаружились два письма Гоголя, о существовании которых в литературе до тех пор никаких сведений не было. К тому же каждое из этих писем вводит нас в круг близких Гоголю лиц. Об этих двух автографах и пойдет речь в настоящей главе.

По приезде в конце 1828 года в Петербург двадцатилетний Гоголь сильно нуждался. Большое участие в литературной судьбе и материальном устройстве начинающего писателя принял П. А. Плетнев, тот самый Плетнев, который был для Пушкина «всем: и родственником, и другом, и издателем, и кассиром». Именно Плетневу великий поэт посвятил «Евгения Онегина» — по одному этому можно судить о том, как он ценил своего друга. В доме Плетнева Гоголь и познакомился с Пушкиным.

Благодаря протекции Плетнева — позднее он называл его «бесценным» — молодой Гоголь получил место домашнего учителя в трех высококультурных и состоятельных семьях, в том числе у генерал-лейтенанта Петра Ивановича Балабина, чей дом посещали многие литераторы, жившие в столице. Сам глава дома и жена его Варвара Осиповна полюбили молодого писателя и ему пришлись по душе. С тех пор старших Балабиных и дочь их Марию Петровну, ученицу Гоголя, связывали самые добрые отношения. Перечисляя в 1844 году в письме к Гоголю лиц, которых он считал искренними друзьями писателя, Плетнев называл и Балабиных. Вот эти строки: «Твои же друзья двоякие: одни искренно любят тебя за талант... Таков Жуковский, таковы Балабины, Смирнова, и таков был Пушкин. Другие твои друзья — московская братия. Это раскольники, обрадовавшиеся, что удалось им гениального человека, напоив его до-пьяна в великой своей харчевне настоем лести, приобщить к своему скиту». Сам Гоголь называл семью Балабиных «единственной в мире по доброте».

Варваре Осиповне Балабиной и адресовано первое из новонайденных писем. По происхождению француженка (ее девичья фамилия Парй), она до конца жизни не овладела в полной мере русским языком. Это видно из письма Гоголя к ее дочери, в котором сказано: «Обнимите за меня всех ваших и попросите вашу маменьку, ради нашей старой дружбы, приписывать иногда от себя хоть несколько строчек ко мне, хоть даже на французском языке». Варвара Осиповна навсегда осталась в памяти Гоголя человеком «прекрасной души». В его письме, отправленном ей из Баден-Бадена 16 июля 1837 года, говорится: «Я вам много-много благодарен. Воспоминание о вас принадлежать будет навсегда к числу самых прекрасных воспоминаний моей жизни». Письмо это было впервые опубликовано в 1860 году в журнале «Русское слово», но автограф его ныне неизвестен — можно с полным основанием предполагать, что если он уцелел, то находится за рубежом, так же как два других известных в печати письма Гоголя к В. О. Балабиной. Одно, датированное январем 1840 года, хранится в Берлинской государственной библиотеке, а другое, от 12 апреля 1844 года,— в Гарвардском университете. Архив Варвары Осиповны, по-видимому, попал за границу и там разошелся по рукам. Новонайденное письмо Гоголя к ней долгие годы входило в коллекцию доктора Роберта Амманна, жившего в Швейцарии, в Аарау — главном городе кантона Ааргау.

В 1962 году его драгоценная коллекция была распродана в Марбурге (ФРГ) на трех аукционах, организованных фирмой Штаргардт. Тогда же эта фирма выпустила три каталога, и в последнем наряду с автографами Тургенева и Горького фигурировало письмо Гоголя, адресованное В. О. Балабиной, с пометкой: «Очень большая редкость» (оно воспроизведено в каталоге, но без имеющейся на обороте авторской надписи — имени адресата).

Вот текст этого письма:

Очень жалею, что не могу никаким образом исполнить вашего желанья. Я уже вам говорил, что ни в понедельник, и во вторник не могу быть. Поблагодарите и графа и графиню Местр за их участие. Скажите им, что я умею дорожить участьем. А что касается до статьи méprisable[1] какого-то журнала, то я не читал ее, но доволен ею заранее и твердо уверен, что она в своем роде очень недурна и мне очень пригодится.— Пожимаю от всей души ваши руки, то есть вашу и Марьи Петровны.

Гоголь.

На обороте:

Ее превосходительству
Варваре Осиповне
Балабиной

Письмо не датировано. Весьма предположительно его можно отнести ко второй половине 1842 года, когда в печати стали появляться отзывы о первой части «Мертвых душ». Наряду с восторженными оценками, в том числе и Белинского, напечатавшего на протяжении полугода четыре статьи об этом произведении в «Отечественных записках», были и отрицательные отзывы, граничившие порой с глумлением над автором. Булгарин, Греч, Полевой, Сенковский встретили «Мертвые души» в штыки. Но Гоголь стойко переносил все нападки. Более того: он тщательно собирал отзывы такого рода, как вообще собирал все печатные отклики на свои произведения. Весьма любопытное свидетельство об этом содержится в работе П. А. Кулиша, первого биографа великого сатирика, выпустившего в 1856 году двухтомный труд «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя». Там сказано:

«Живя за границею, Гоголь не мог читать всех русских газет и журналов; но он просил своих корреспондентов вырезывать из книг и газетных листов все, что о нем печатается, и высылать ему. Он не пренебрегал критикою и самого ничтожного газетного щелкопера, особенно если она была направлена против него. Он говорил, что злость заставляет человека напрягать весь свой ум, чтоб отыскать в сочинении какой-нибудь недостаток, и что поэтому критика озлобленного человека бывает иногда для автора полезнее похвал. В чемодане Гоголя, оставшемся за границей в квартире Жуковского, найдена целая кипа рецензий, вырезанных из разных периодических изданий. Он не только находил время читать их, но некоторые даже списывал собственною рукою очень тщательно».

Недаром пространное предисловие ко второму изданию «Мертвых душ» содержало обращение Гоголя к читателям с просьбой сообщать ему их мнения о книге — в этом предисловии указано даже, куда такие отзывы посылать! Кстати, в той части бумаг Гоголя, которая хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, находятся вырезки двадцати двух статей о его произведениях, уцелевшие в бумагах писателя.

Друзья Гоголя знали о его интересе к любым печатным отзывам, да и сам писатель просил их сообщать о появлении статей и рецензий на его сочинения и присылать ему вырезки. Приглашая Гоголя к себе запиской, В. О. Балабина заодно сообщила ему о появлении резкой статьи о нем. Очень типичен ответ Гоголя. Хотя, по отзыву Балабиной, статья «достойна презрения», он тем не менее пишет: «...я не читал ее, но доволен ею заранее и твердо уверен, что она в своем роде очень недурна и мне очень пригодится».

О какой именно статье шла речь, сказать трудно. Во всяком случае, это вряд ли развязный фельетон О. И. Сенковского о «Мертвых душах», появившийся в августовской книжке журнала «Библиотека для чтения» 1842 года. Когда эта книжка вышла в свет, Гоголь был в Риме, а Балабины — в Петербурге. Характерно, что в письме к Марии Петровне Балабиной из Рима 2 ноября 1842 года Гоголь просит: «...известите меня обо мне. Записывайте все, что когда-либо вам случится услышать обо мне, все мнения и толки обо мне и об моих сочинениях, и особенно когда бранят и осуждают меня. Последнее мне слишком нужно знать. Хула и осуждения для меня слишком полезны. После них мне всегда открывался яснее какой-нибудь мой недостаток, дотоле мною не замеченный. А увидеть свой недостаток это уже много значит. Это значит почти исправить его. Итак, не позабудьте записывать все».

Приведенное выше письмо к В. О. Балабиной интересно не только новым подтверждением того внимания, с каким Гоголь относился к любой критике, но и упоминанием о Ксавье де Местре, писателе и художнике французского происхождения, прожившем большую часть своей жизни в России. В переписке Гоголя и в мемуарной литературе о нем имя Местра ни разу не упоминалось.

Перу Ксавье де Местра принадлежит, в частности, повесть «Параша-Сибирячка», получившая в 1840 году широкую известность. Это рассказ о дочери ссыльного, пришедшей пешком из далекой Сибири в столицу, чтобы добиться прощения своему отцу. Белинский дважды высоко оценивал в печати эту повесть. В одной из рецензий он писал: «Мы рекомендуем эту книжку всякому, потому что всякий прочтет ее с величайшим участием. Советуем давать ее в руки детям, а кто может, грамотным простолюдинам: это прекрасная повесть для простого народа». По словам исследователя, «популярность Ксавье де Местра в русском обществе была очень велика». Гоголь знал произведения Местра, но его мнение о них неизвестно.

Случилось так, что судьба свела Ксавье де Местра с семьей Пушкина. Племянник великого поэта, Л. Н. Павлищев, говоря о С. Л. Пушкине, пишет: «...обычными посетителями деда моего были французские эмигранты. Из них назовем графа Бурдибура, Камара, виконта Сент-Обена, а главное графа Ксавье де Местра, автора «Voyage autour de ma chambre»[2]. Будучи превосходным миниатюристом, Ксавье де Местр выполнил, в частности, в начале прошлого века портрет Надежды Осиповны Пушкиной — матери поэта, это единственное ее изображение, оригинал которого сохранился до нашего времени. Женился Местр на Софии Ивановне Загряжской, родной тетке Наталии Николаевны Гончаровой.

Как уже сказано, точные основания для датировки письма Гоголя к Варваре Осиповне Балабиной отсутствуют. Е. И. Прохоров, напечатавший сообщение об этом письме, судил о нем лишь по частичному воспроизведению автографа, появившемуся в каталоге распродажи. Поэтому высказал догадку, оказавшуюся основательной, что письмо было направлено В. О. Балабиной. На автографе это имя написано самим Гоголем. Что же касается датировки, то Е. И. Прохоров склонен отнести письмо к 1837 году, считая, что «участие» Местров — это их соболезнование, выраженное Гоголю в связи с гибелью Пушкина. Но оснований для такого предположения нет.

Теперь перейду ко второму письму Гоголя, обнаруженному за границей.

Прежде всего весьма интересен адресат этого письма — Матвей Юрьевич Виельгорский. Вместе со своим старшим братом Михаилом он играл значительную роль в литературной, музыкальной и артистической жизни столицы в 1830—1850-х годах. Гектор Берлиоз называл их дом на Михайловской площади «универсальной академией искусств», а Роберт Шуман — «настоящим храмом искусства». Но, проявляя большой интерес ко всему талантливому в культуре зарубежной, Михаил Виельгорский оставался подлинным патриотом. «Я русский,— писал он дочери Анне,— кровь и сердце у меня русские, а потому стою за все русское; худо оно или хорошо, но оно народное». Так же относился к отечественному искусству и Матвей Виельгорский. Писатель В. А. Соллогуб, зять старшего Виельгорского, называл его «личностью необыкновенной» и далее писал о нем: «философ, критик, лингвист, медик, теолог..., душа всех обществ, семьянин, эпикуреец, царедворец, сановник, артист, музыкант, товарищ, судья, он был живой энциклопедией самых глубоких познаний, образцом самых нежных чувств и самого игривого ума». Имеется свидетельство о том, что Пушкину, с которым Михаил Виельгорский часто встречался в 1830-х годах, сюжет «Медного Всадника» дал именно он. На его дочери Анне хотел жениться Гоголь — считалось; что это единственная женщина, в которую он был влюблен,— но сватовство кончилось неудачей.

Матвей Виельгорский слыл человеком не только широкого круга интересов, но и редкой доброжелательности. Мемуарист имел все основания утверждать, что младший из братьев Виельгорских был «благосклонным ко всем». Именно Матвей Юрьевич наряду с В. А. Жуковским и Карлом Брюлловым сыграл основную роль в освобождении Т. Г. Шевченко в 1838 году от крепостного рабства. Будучи управляющим двором дочери царя — Марии Николаевны, Матвей Виельгорский широко пользовался своим влиянием для добрых дел.

Слава человека отзывчивого и душевного так прочно утвердилась за Матвеем Виельгорским, что к нему часто обращались с просьбами писатели и музыканты, художники и скульпторы, для которых его помощь имела порой жизненное значение. И понятно, почему именно ему адресовал Гоголь свое «открытое» письмо, озаглавленное «Исторический живописец Иванов» и напечатанное автором в качестве XXIII главы в его книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (вышла в свет в начале 1847 года). Гоголь не отправил Матвею Виельгорскому такого личного письма, решив, что опубликование в книге будет воспринято как призыв к власть имущим обратить внимание на Александра Иванова и незамедлительно поможет улучшить его тяжелое материальное положение. Но это осуществилось лишь в некоторой степени: отец, живописец Андрей Иванов, стал посылать сыну деньги, а Академия художеств «устыдилась и изумилась», «выслала ему за полгода содержание». Но так как Гоголь счел эту помощь недостаточной для Иванова, он и отправил следующее письмо Матвею Виельгорскому:

Я к вам написал письмо об Иванове, но рассудивши как трудно толковать о деле мало понятном и зная то, что у нас по тех пор никакие хлопоты не возымеют надлежащего действия, пока общий крик и общий голос не станут за то[го] человека, о котором хлопочут — я рассудил мое письмо напечатать просто в книге, которую вы теперь имеете в руках. Потом я услышал, что Иванову вышло некоторое вспоможение. Нет нужды. Вы все-таки сделайте к тому прибавление, а напечатанное письмо предложите на прочет как моей прекрасной благодетельнице Марье Николаевне, так и герцогу Лейхтенбергскому. Все-таки недурно, если по поводу этого дела узнают, что бывают такие положения людей, на которые следует иногда обращать внимание, хотя они сами и не издают во всеуслышание воплей и криков.

Напишите мне словечка два ваших собственных о моей книге, не скрывая ничего что в ней вам понравилось и что не понравилось.

Обнимаю вас,

весь ваш Г.

На обороте:

Его сиятельству
Графу Матвею Юрьевичу
Вьельгорскому.

Автограф письма Гоголя к Матв. Ю. Виельгорскому. Находится в частном собрании в Париже.

А несколько дней спустя после отправки этого письма Гоголь счел нужным ускорить радикальное решение вопроса о помощи Александру Иванову. 26 июля 1847 года он написал из Остенде племяннице Матвея Виельгорского, С. М. Соллогуб: «...Попросите ее [Анну Михайловну Виельгорскую], чтобы она попросила Матвея Юрьевича (сами также попросите его) об Иванове. Этого несчастного человека просто вгонят в гроб. Он находится в величайшем нервическом расстройстве и не в состоянии держать кисти в руках, а его смущают какими то, бог весть откуда приходящими, приказаниями оканчивать картину как можно скорее. Попросите, чтобы было устроено так, чтобы пришла от Лейхтенбергского бумага, в которой было бы ему предписано, чтобы он прежде позаботился об излечении себя, а потом уже об окончании картины, что торопиться его никто не просит; что, напротив, уверены, что он, как человек благородный, употребит все усилия исполнить ее наилучшим образом и без понуканий, тем более, что его картина не нужна ни для какого строящегося здания. Она не заказ, а для нее нужно еще придумывать место, где поместить ее, когда она будет кончена. Похлопочите об этом».

Нет сомнений, что Матвей Виельгорский выполнил просьбу Гоголя и показал его письмо президенту Академии художеств герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Возможно, благодаря этому Александр Иванов получил возможность завершить труд своей жизни — картину «Явление Христа народу».

Неизвестно, как отнесся Матвей Виельгорский к книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», полученной им в подарок от автора, и сообщил ли ему свое мнение о ней. Среди изданных писем к Гоголю такого письма нет. Но наши читатели, конечно, хорошо знают, что эта мистико-моралистическая книга, созданная в годы идейного кризиса Гоголя, вызвала беспощадное осуждение со стороны прогрессивных людей России того времени. С наибольшей силой оно было выражено в знаменитом письме Белинского к Гоголю, отправленном 15 июля 1847 года из Зальцбрунна, том самом письме, о котором В. И. Ленин в 1914 году говорил, что оно было «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».

Автограф письма Гоголя к Матвею Виельгорскому появился на распродаже другой швейцарской коллекции, состоявшейся в 1961 году в Марбурге, в той же фирме Штаргардт. Принадлежала коллекция Карлу Гейги Хагенбаху из Базеля. В выпущенном каталоге описание этого письма завершается словами: «Очень большая редкость»; там же приведена репродукция автографа (но без имени адресата, написанного рукой Гоголя на обороте). Таким образом, в двух швейцарских коллекциях хранились два письма Гоголя, о которых никаких сведений в литературе не было.

И сколько еще таких автографов великого русского писателя разбросано по другим частным коллекциям, исчисляющимся за рубежом многими сотнями, если не тысячами! А о богатствах этих коллекций мы узнаем лишь тогда, когда они поступают на вечное хранение в государственные архивы. Но чаще такие кол-

[1] достойной презрения (франц.).

[2] Путешествие вокруг моей комнаты (франц.).

лекции распродаются на аукционах, устраиваемых фирмами, специальность которых — автографы. Такие фирмы существуют почти во всех государствах Западной Европы, а также в США. И одна из наиболее знаменитых среди них — фирма Штаргардт, которая была основана в 1830 году в Берлине, а ныне находится в Марбурге. Аукционы этой фирмы бывают несколько раз в году и весьма примечательны тем, что на каждом из них продаются автографы выдающихся политических деятелей, писателей, музыкантов, художников, причем в последние десятилетия не случалось почти ни одной распродажи, где не появлялись бы автографы русских великих людей. Поэтому вкратце расскажу об аукционах фирмы Штаргардт.

Существует печатный краткий очерк истории этой фирмы, в котором приведены некоторые факты, свидетельствующие о том, какие драгоценные коллекции рукописей, а также превосходные отдельные экземпляры автографов были проданы этой фирмой. Так, в очерке воспроизведена первая страница каталога № 191, выпущенного в марте 1893 года, на которой сообщалось о продаже 1 748 подлинников писем Гёте к Шарлотте фон Штейн. Это сообщение занимает лишь полстраницы, а в каталоге целых двести страниц! Вот передо мной объемистый каталог № 577 — этот аукцион состоялся 29 и 30 ноября 1966 года. Тут дано описание 1 304 автографов, в том числе многих русских: записка В. И. Ленина на бланке Председателя Совета народных комиссаров к Г. М. Кржижановскому от 12 июля 1921 года (ее текст включен в Полное собрание сочинений В. И. Ленина по фотографии, хранящейся в ИМЭЛ), рукописи произведений и писем Тургенева, Горького, Глинки, Бородина, Рубинштейна, Чайковского, Римского-Корсакова, Аренского, Глазунова, Айвазовского, Верещагина. Кроме того, в этом каталоге указаны автографы Маркса, Энгельса, Бебеля, Элеоноры Маркс, Клары Цеткин. Что же касается выдающихся зарубежных писателей и композиторов, то здесь приведены сведения о продававшихся автографах Вольтера, Шиллера, Гёте, Байрона, Бальзака, Гейне, Жорж Санд, Гюго, Флобера, Золя, Бернарда Шоу. Богато были представлены на этой распродаже манускрипты музыкантов — Глюка, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Вебера, Беллини, Шумана, Россини, Берлиоза, Бизе, Вагнера, Листа, Гуно, Сен-Санса, Верди, Брамса, Грига, Дебюсси. А все перечисленное занимает лишь небольшую часть одного 577-го каталога! В других же имеющихся у меня каталогах поименованы творческие рукописи и письма Пушкина, Лермонтова, Кутузова, Достоевского, Тургенева, Льва Толстого, Шаляпина, Рахманинова, Прокофьева, а также многих других деятелей культурной и политической жизни России.

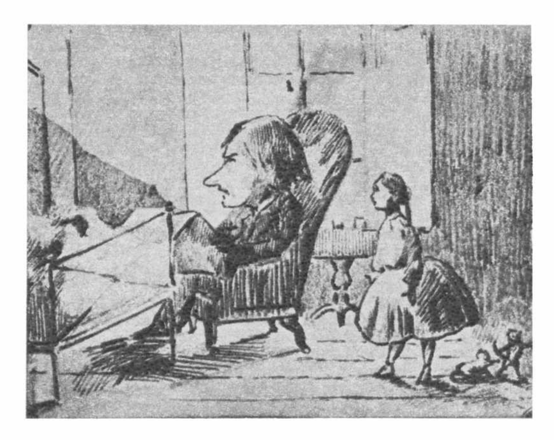
Хочется, наконец, ответить на вопрос, который может возникнуть у читателя: если понятно, в силу каких обстоятельств автограф вышеприведенного письма Гоголя к В. О. Балабиной, француженке по происхождению, так же как и других его писем к ней, находится за рубежом, то каким образом мог там оказаться автограф письма Гоголя к Матвею Виельгорскому? Ответить на этот вопрос можно вполне точно. Еще в давние годы архив братьев Виельгорских разошелся в нашей стране по ряду хранилищ,— ныне отдельные связки документов из этого некогда единого фонда хранятся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, в Институте русской литературы Академии наук СССР, в Ленинградской государственной консерватории, в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Но какая-то часть архива Виельгорских, как теперь выясняется, очутилась за границей. Это становится очевидным при ознакомлении с каталогами распродаж фирмы Штаргардт. Кроме письма Гоголя к Матвею Виельгорскому, там было продано еще несколько писем, адресованных братьям Виельгорским, в том числе письмо Россини к старшему из них, отправленное из Флоренции 29 августа 1851 года (оно указано в каталоге № 588,— этот аукцион состоялся 18 и 19 февраля 1969 года в Марбурге). А вот еще одно подтверждение того, что за рубежом обретается часть бумаг Виельгорских: в недавние годы на одной из распродаж автографов в парижском Отеле Друо было приобретено письмо М. И. Глинки к Михаилу Виельгорскому, датированное 21 ноября 1840 года.

Ныне два письма Гоголя, которые появились на аукционах Штаргардта в 1961 и 1962 годах, находятся в частной коллекции в Париже.

II. ГОГОЛЬ НА ВИЛЛЕ ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ В РИМЕ

Из всех западноевропейских стран, в которых он побывал, Гоголь больше всего любил Италию. Писатель приезжал туда шесть раз в 1837—1848 годах, объездил всю страну и прожил здесь в общей сложности почти пять лет. В Италии Гоголь написал ряд своих произведений, именно там работал он над «Мертвыми душами». Со многими русскими, приезжавшими или подолгу жившими в Италии, Гоголь поддерживал дружеские отношения. Но более всего ему был приятен дом Зинаиды Александровны Волконской в Риме. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие строки из письма к матери, отправленного Гоголем из Рима 16 мая 1838 года: «Кн. Зинаида Волконская, к которой я всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала мое время пребывания в Риме, уехала, и у меня теперь в городе немного таких знакомых, с которыми любила беседовать моя душа».

Восторженное отношение писателя к Зинаиде Волконской вполне понятно,— она была едва ли не самой примечательной женщиной в интеллектуальных кругах России той поры и занимала видное место в культурной жизни родины и Западной Европы в 1820-х — 50-х годах.

Шарж Ф. А. Бруни на Гоголя. Находился в архиве Зинаиды Волконской в Риме.

Отец ее, князь А. М. Белосельский-Белозерский, с успехом подвизался на литературном поприще, а Вольтер, Делиль и Лагарп обращались к нему со стихотворными посланиями. По стопам отца пошла и З. А. Волконская,— она была дружна со многими выдающимися писателями, художниками, музыкантами и политическими деятелями. Пушкин, Мицкевич, Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, П. А. Вяземский, Н. Д. Иванчин-Писарев, И. В. Киреевский, И. И. Козлов, Н. Ф. Павлов, А. А. Писарев, П. И. Шаликов посвящали ей стихи, а композиторы — свои произведения. Ее портреты писали К. П. Брюллов, Ф. А. Бруни, Изабе, Лагрене, Филипп Берже, Бенвенути, Эмилио Росси.

Зинаида Волконская была не только «царица муз и красоты» (по слову Пушкина в посвященном ей стихотворении «Среди рассеянной Москвы», посланном вместе с изданием поэмы «Цыганы»),— она поражала своей многогранной одаренностью и разносторонним образованием. Известность и признание Зинаида Волконская получила как поэтесса и прозаик, как певица и композитор, как рисовальщик и искусствовед, как автор исторических разысканий и инициатор ценных культурных начинаний. Указывая в одной из своих статей, что в пушкинский период русской литературы выдвинулись всего четыре женщины, Белинский ставит на первое место З. А. Волконскую. Она уже писала стихи и рассказы до того, как в восемнадцатилетнем возрасте вышла замуж за Н. Г. Волконского, брата будущего декабриста. Вскоре ее стали печатать в журналах и альманахах, а в 1819 году вышли в свет отдельным изданием ее четыре повести, которые были высоко оценены строгими критиками.

Воцарившегося на престоле Николая I Зинаида Волконская ненавидела прежде всего за жестокую расправу с декабристами. Она демонстративно оказывала всяческое внимание своей невестке — М. Н. Волконской. Когда Мария Николаевна, направляясь к мужу-декабристу в Сибирь, остановилась на несколько дней в Москве, Пушкин встретился с ней 26 декабря 1826 года именно в доме Зинаиды Александровны. В этом доме М. Н. Волконская провела последний вечер перед своим отъездом в добровольную ссылку в Сибирь. А за четыре с половиной месяца до этого начальник канцелярии III Отделения фон Фок в донесении шефу жандармов Бенкендорфу писал о З. А. Волконской: «Между дамами две самые непримиримые и всегда готовые разрывать на части правительство,— княгиня Волконская и генеральша Коновницына [мать двух декабристов]. Их частные кружки служат средоточием для всех недовольных и нет брани злее той, какую они изрыгают на правительство и его слуг».

В мае 1829 года З. А. Волконская покинула Россию и поселилась в Риме. С того времени Италия стала ее второй родиной, так как в Петербург и в Москву она наезжала в дальнейшем изредка и ненадолго. В Риме Зинаида Александровна приобрела виллу Palazzo Poli — усадьбу с вместительным трехэтажным домом и с огромным парком, откуда открывался великолепный вид на римскую Кампанью. Здесь она провела треть века, до конца своих дней. И на новом месте Зинаида Александровна долгие годы продолжала жить прежней жизнью,— у нее собирались многие из лучших людей литературы и искусства России и Западной Европы. На римской вилле З. А. Волконской писатели читали новые стихи, рассказы, пьесы, композиторы знакомили с новыми музыкальными произведениями, артисты устраивали концерты и ставили оперы.

Не раз читал здесь свои произведения и Гоголь. Так, 14 февраля 1841 года прочел он «Ревизора» в присутствии Зинаиды Александровны и многих русских, оказавшихся тогда в Риме. Это чтение было организовано для материальной помощи художнику И. С. Шаповалову.

Все, что требовалось Гоголю для творческих занятий и для отдыха, он имел в доме Волконской. Вот несколько свидетельств, по которым можно судить об условиях его жизни там. 13 мая 1838 года Гоголь обращается к другу: «Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у кн. З. Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный, проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и радость розам и всему пестреющему около меня прозябению» (кстати сказать, стены этого грота были выложены фрагментами античных скульптур, найденных при раскопках в самой усадьбе). А побывав в начале следующего года у Зинаиды Волконской, В. А. Жуковский дважды зарисовал Гоголя.

В позднейшие годы П. В. Анненков записал в своих воспоминаниях о Гоголе: «На даче княгини З. Волконской, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой, он ложился спиной на аркаду богатых, как называл древних римлян, и по полсуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанью».

Лишь недавно стало известно, что в доме Волконской художник Федор Антонович Бруни сделал шарж на Гоголя. Этот карандашный рисунок, проработанный пером, отыскался в альбоме Марии Александровны Власовой, родной сестры Зинаиды Александровны. С 1825 года они жили вместе, поэтому их бумаги, альбомы и переписка с друзьями оказались в едином хранении на римской вилле Волконской. Здесь этот драгоценный архив, вместе с собранием картин и портретов, а также с библиотекой, находился в неприкосновенности до 1921 года. Затем началось раздробление этого огромного документального, художественного и книжного фонда. В настоящее время архив Зинаиды Волконской и Марии Власовой разошелся по всему свету — отдельные его части находятся во Франции, Англии, Бельгии, Германии, США, и лишь немногое остается в Италии. Благодаря парижским друзьям мне удалось получить фотографии некоторых автографов и произведений изобразительного искусства из этого некогда единого фонда. И среди них оказалась фотография карикатуры Бруни на Гоголя.

У камина, заслоненного экраном, в кресле сидит писатель. В руках у него газета, а сзади подходит девочка в кринолине. Лицо Гоголя шаржировано. Художник, очевидно, вложил в этот рисунок какой-то смысл, который сейчас установить невозможно.

В своей художнической карьере Бруни был многим обязан Волконской. Описывая посещение ее дома в Москве и восторгаясь исполнением Зинаидой Александровной заглавной партии в опере Россини «Танкред», мемуарист вспоминает: «...я видел у нее великолепный портрет ее во весь рост в рыцарском костюме Танкреда, писанный нынешним профессором академии г. Бруни, который начал в 20-х годах свое поприще под щедрым ее покровительством». После окончания в 1818 году Петербургской Академии художеств Бруни был отправлен отцом в Италию для усовершенствования. Здесь, в основном в Риме, он прожил долгое время. В начале 1830-х годов Бруни принялся за создание монументальной картины «Медный змий». Весной 1834 года Александр Иванов писал из Рима своему приятелю художнику Г. И. Лапченко, имея в виду покровительство княгини Волконской: «Бруни в самом лучшем своем положении, т. е. все князь». Насколько восторженно высказывался Гоголь о картине Александра Иванова «Явление Христа народу», настолько холодно относился к капитальному полотну Бруни. Вот что он писал 30 мая 1839 года из Рима М. П. Балабиной о «Медном змие»: «Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоит на том же, на чем стояла... Бруни как будто-бы прихватил мороз; по крайней мере кисть его скользит лениво и не работает». Картина была закончена летом 1841 года и экспонировалась в Зимнем дворце в Петербурге. А в декабре Бруни снова вернулся в Рим, откуда окончательно уехал лишь в 1845 году. Таким образом, в общей сложности он прожил в Италии около двадцати пяти лет. А с того времени, когда там в 1829 году поселилась Зинаида Волконская, он стал самым рьяным завсегдатаем ее римской виллы, где часто встречался с Гоголем.

Еще в 1930-х годах в Италии находились четырнадцать альбомов, принадлежавших Зинаиде Волконской и Марии Власовой. Многие выдающиеся литераторы и композиторы внесли в них свои записи; сюда хозяйки вклеивали также некоторые автографы стихотворных посланий и писем. Но не меньше в них было рисунков и акварелей русских художников, посещавших дом Волконской в Риме. Чаще других рисовал в эти альбомы Бруни. Кроме того, он выполнил акварелью десять больших иллюстраций к задуманному Зинаидой Александровной изданию очерка русской истории для иностранцев. Было ли написано ею это сочинение — неизвестно. Но иллюстрации Бруни уцелели, и они были экспонированы в июне — июле 1935 года на «Выставке русского искусства» в Лондоне и поименованы в каталоге. В один из альбомов Власовой тот же Бруни записал музыкальную шутку, под которой стоит: «Duettino composto dal Signor Federo Bruni e dedicato alla Signora Vlassoff. Le 10 Guigno 1830» [3].

В числе тех, кто вносил свои записи в эти альбомы, был и Гоголь. Одна его запись, дошедшая до нашего времени, сделана в альбом Власовой. Это иронические строки, начинающиеся словами: «Как ни глуп индейский петух...». Гоголь, которого Мария Александровна просила написать что-нибудь в ее альбом, шутливо откликнулся на эту просьбу, заявив при этом, что ни одного слова написать не может и что в данном случае он глупее индейского петуха и даже русского помещика, приезжающего за

[3] Дуэт, сочиненный Федором Бруни и посвященный г-же Власовой. 10 июня 1830 года (итал.).

границу и недовольного тем, что не находит там отечественных порядков. В моем распоряжении имеется лишь фотография последних строк этой записи. Вот они: «...лакеев.— Вот что должен сказать вам, хотевший бы сказать что-нибудь хорошее, и весьма благодарный вам за ваше расположение Гоголь».

Первым человеком, получившим доступ к архиву Волконской и Власовой и опубликовавшим о нем статью, был С. М. Волконский, внук декабриста. Увидев этот автограф Гоголя, он писал в мае 1936 года в парижской газете: «Когда-нибудь этот отрывок великого прозаика дождется своего напечатания, и тогда же станет всеобще известным имя Марии Александровны Власовой». К сожалению, автограф Гоголя из ее альбома до сих пор не опубликован.

Чтобы завершить наше краткое сообщение о хорошо знавшей Гоголя малоизвестной сестре прославленной Зинаиды Волконской, необходимо сказать несколько слов о ее муже, камергере Александре Сергеевиче Власове. Женившись в 1805 году на княжне Марии Александровне Белосельской-Белозерской, Власов получил в приданое за женой «большие богатства», в том числе 4 000 крепостных и до 165 000 рублей деньгами — сумма для того времени огромная. Более азартного коллекционера, чем Власов, в ту пору не существовало. Произведения изобразительного искусства он собирал с такой страстью, что перекупал за границей и в России даже такие, которые предназначались для особ царской фамилии. К Власову перешли частные коллекции, получившие известность в конце XVIII — начале XIX столетия, графа А. Г. Головкина, князя Д. М. Голицына, Маслова, Хитрово и других. В 1824 году в галерее Власова находились, если верить современникам, картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рубенса. Но Власов не ограничивался собиранием предметов искусств — с таким же рвением он отыскивал рукописи и редкие книги. Часть его коллекций была описана в двух изданных им в Москве каталогах. А когда 28 января 1825 года Власов скончался, у него оказалось наличными всего лишь 113 рублей 40 копеек, а долгов — на 1 181 000 рублей! Для погашения этих долгов была создана особая комиссия, деятельность которой растянулась на целых десять лет.

Пушкин писал жене 10 декабря 1831 года из Москвы: «Вчера... поутру был на аукционе Власова». Поэту запомнились картины голландского живописца Миериса, а спустя немного дней — 4 января 1832 года — об этом мастере Пушкин говорил в письме к И. В. Киреевскому.

Что же касается Марии Александровны Власовой, то после смерти мужа она поселилась у сестры, вместе с которой и переехала в 1829 году в Италию, и здесь до конца своей жизни была домоправительницей Palazzo Poli.

Конечно, весьма огорчительно, что хранившийся там богатейший архив не был тщательно изучен исследователями и ныне распылился по белу свету. Лишь немногие из имевшихся в этом архиве автографов стихотворных посланий, адресованных Волконской и ее сестре, появились в печати еще в те далекие времена, когда были созданы. Так, пушкинское «Среди рассеянной Москвы...» поэт сам напечатал в 1827 году в «Московском вестнике»; стихотворение, написанное Баратынским на отъезд Волконской в Италию — «Из царства виста и зимы...»,— увидело свет в альманахе «Подснежник» на 1829 год; стихотворение «Русский соловей в Риме. (В альбом М. А. В[ласов]ой»), принадлежавшее перу С. П. Шевырева, воспитателя сына Зинаиды Волконской, было опубликовано в альманахе «Альциона» на 1832 год. Можно назвать и некоторые другие стихотворные послания подобного рода, которые были тогда напечатаны. Но это только крупицы из архива Palazzo Poli. Правда, кое-какие из находившихся там автографов, в том числе самой Зинаиды Волконской, обнародованы в недавние годы. Но все же много интересного из этого архива остается по сей день неведомым.

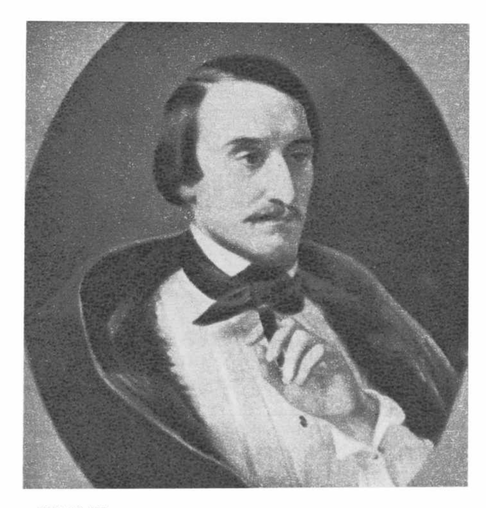
III. ПОРТРЕТ ГОГОЛЯ, ПОХИЩЕННЫЙ ГИТЛЕРОВЦАМИ В КИЕВЕ

Существует прижизненный портрет Гоголя, которому еще предстоит оказаться «находкой». И хотя искать его придется не во Франции — на этот раз диапазон поисков будет очень широк, так как местонахождение портрета неизвестно,— я все же решил рассказать о нем в данной статье, посвященной автографам и портретам Гоголя, находящимся за рубежом.

Портрет, о котором идет речь, долгие десятилетия находился сначала в частном, а затем в государственном владении в Киеве. Он был даже экспонирован на одной выставке, но в силу каких-то неизвестных обстоятельств никто ни разу не удосужился его воспроизвести. А в годы Великой Отечественной войны портрет постигла печальная участь многих находившихся на Украине произведений изобразительного искусства, которые не успели эвакуировать: хотя такого рода национальные ценности обычно тщательно прятали, но оккупанты часто их обнаруживали и вывозили в Германию. История же этого портрета такова.

В 1920-х годах киевский коллекционер С. К. Глеваский в обмен на акварели В. Е. Маковского и К. Е. Маковского передал Всеукраинскому историческому музею имени Т. Г. Шевченко овальный мужской портрет, исполненный маслом и подписанный «Zona. Venezia 1847». Устроив в 1929 году выставку «Українське малярство XVII—XX сторіч.», музей показал на ней и этот портрет, хотя к украинской живописи он явно не имел отношения. А в каталоге-путеводителе выставки (Киев, 1929, стр. 59, № 394) это полотно значилось так: «Зона Ант. Портрет М. В. Гоголя (?). Овал. Холст, масло. 64 × 51 сант. Подпись: Zona. Venezia 1847». То было первое упоминание в печати об этом портрете.

Многие коллекции Всеукраинского исторического музея имени Т. Г. Шевченко вошли в организованный в Киеве в 1936 году Музей украинского искусства. Оттуда портрет был вскоре передан в Киевский музей русского искусства. А когда, подготовляя 58-й том «Литературного наследства», посвященный публикации дотоле неизвестных материалов о Пушкине, Лермонтове и Гоголе, в сентябре 1951 года я работал в Киевском музее русского искусства и пытался получить снимок с портрета, выяснилось, что подлинник в числе многих других экспонатов похищен гитлеровцами. Ни к чему не привели и поиски в том же сентябре 1951 года фотографии портрета. И только в прошлом году, когда я вновь обратился в этот музей, удалось обнаружить в его фототеке негатив, на котором портрет был запечатлен еще в 1930-х годах. Благодаря отпечатку с этого — почти чудом уцелевшего! — негатива, являющегося к тому же единственным документом, свидетельствующим об украденном подлиннике, стало наконец возможным получить о нем наглядное представление. Здесь этот портрет воспроизводится впервые.

ГОГОЛЬ.
Портрет кисти Антонио Дзона, Венеция, 1847 г.
Нынешнее местонахождение неизвестно.

Внимательно изучив снимок, приходишь к выводу: на портрете, несомненно, изображен Гоголь. Нет ни малейших данных, которые противоречили бы такому выводу. Прежде всего черты лица весьма схожи с чертами лица Гоголя на тех его портретах, которые относятся к сороковым годам. Далее. Внешность писателя на этом холсте во многом совпадает с описанием, принадлежащим перу П. В. Анненкова, который встретил Гоголя в Париже в 1846 году (то есть за год до создания венецианского портрета). Анненков пишет: «Гоголь постарел, но приобрел особенного рода красоту, которую нельзя иначе определить, как назвав красотой мыслящего человека. Лицо его побледнело, осунулось; глубокая, томительная работа мысли наложила на нем ясную печать истощения и усталости, но общее выражение его показалось мне как-то светлее и спокойнее прежнего. Это было лицо философа. Оно оттенялось, по-старому, длинными, густыми волосами до плеч, в раме которых глаза Гоголя не только что не потеряли своего блеска, но, казалось мне, еще более исполнились огня и выражения».

Характерна на этом полотне и одежда: меховой жилет, вернее, безрукавка из овчины, столь обычная для россиянина, вероятно, вывезенная писателем из родных краев. Напомню, что он был человеком весьма зябким. За год с небольшим до создания венецианского портрета Гоголь 3 января 1846 года писал из Рима С. М. Соллогубу: «О себе, то есть о здоровье моем, скажу вам только то, что я зябну до такой степени, что не нахожу уже никаких средств согреваться». А ведь средняя январская температура в Риме — шесть градусов тепла!

Наконец, существует бесспорное доказательство того, что это портрет Гоголя: такой вывод несомненен, когда сравниваешь его с самым близким по времени и предельно точным изображением писателя. Я имею в виду дагерротип, исполненный Перро в конце 1845 года в Риме, где Гоголь был снят в кругу шестнадцати молодых русских художников, находившихся там для «вящего усовершенствования». На обоих портретах полностью совпадают не только черты лица, даже поворот корпуса и задумчивый взгляд те же. Видимо, все это было так присуще в ту пору Гоголю, что невольно он позировал в том же положении и когда его снимали в Риме и когда год спустя художник создавал его портрет в Венеции.

Живя в течение всего 1847 года за границей, Гоголь, судя по его письмам, провел в Италии свыше шести месяцев и мог побывать в Венеции. Он приезжал сюда и раньше. Вот что писал об этом городе Гоголь 10 августа 1840 года Е. В. Погодиной (первой жене М. П. Погодина): «...а вам кланяется... Венеция со своим упавшим величием и сумрачным великолепием, еще мелькающими гондолами, долговечным Риальтом[4] и мною, довольно хилого здоровья, но искренно и душевно любящим вас».

В 1847 году имя Гоголя было уже хорошо известно в Италии. Поэтому вполне естественно, что венецианский художник Антонио Дзона возымел желание исполнить его портрет. Не будучи большим мастером, Антонио Дзона вполне грамотно писал картины на исторические и бытовые темы, нередко исполнял портреты,— весьма положительно отметила печать его автопортрет, написанный в 1866 году.

Произведения Антонио Дзона экспонировались на многих выставках и ныне находятся в музеях Флоренции, Милана, Турина. Возможно, что в бумагах художника, если они сохранились, или в его письмах найдутся какие-либо сведения о том, как создавался портрет Гоголя. Но такого рода поиски — дело будущего. Пока неизвестно даже, кто нашел этот портрет в Италии и привез его в Россию. Не исключено, что он был приобретен кем-то из русских у самого художника, который родился в 1813 году, а скончался в Риме в 1892-м. Возможно, что в дальнейшем можно будет точно ответить и на вопрос о том, как портрет попал в Киев.

А пока следовало бы в первую очередь заняться главным: отыскать этот портрет, грабительски увезенный во время оккупации Украины. Хочется надеяться, что публикация портрета в настоящем номере «Огонька» поможет обнаружить и вернуть на родину изображение великого русского писателя. Это будет находка, которая обрадует всех ценителей отечественной культуры и прежде всего тех, для кого Гоголь — одна из ее немеркнущих, чудесных вершин.

В заключение хочу сообщить, что недавно профессор Кембриджского университета Елизавета Хилл обнаружила в Италии акварельный портрет Гоголя, исполненный художником Сапоретти в 1838 году. Приехав в Италию в октябре 1837 года, Гоголь прожил там весь 1838 год (с перерывом в две недели). Там и был написан итальянским мастером его портрет, который до сих пор остается неопубликованным.

Не найдены, а потому неизвестны в печати еще три прижизненных изображения Гоголя. Это прежде всего исполненный художником В. И. Штернбергом (другом Т. Г. Шевченко) шарж на Гоголя, беседующего с художником Ф. А. Мюллером и скульпторами Н. А. Рамазановым и П. А. Ставассером. Лист этот находился в превосходной коллекции многолетнего сотрудника петербургской Академии художеств архивариуса Н. Д. Быкова. После его смерти в 1884 году коллекция перестала существовать, так как разошлась по различным собирателям. Но многие ценные рисунки из коллекции Быкова до сих пор не обнаружены. К числу их относится и карикатура Штернберга.

Но самая большая утрата в иконографии писателя — это два никогда не воспроизводившихся в печати дагерротипа. Один из них был сделан одновременно с упомянутым выше, опубликованным впервые еще в 1879 году. По имеющимся в литературе данным, на утраченном дагерротипе Гоголь снят вместе с теми же русскими художниками, что и на известном в печати, но на том, что ныне неизвестен, все смотрят, как Рамазанов и скульптор Монигетти отплясывают с натурщицей Мариуччей.

На третьем дагерротипе с Гоголем снялась другая группа художников, в числе которых был Александр Иванов. В его записной книжке, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, имеется помета, точно указывающая время, когда был сделан дагерротип,— 17 февраля 1846 года, и имена участников группы, а также то, что дагерротип был подарен вице-президенту Академии художеств Ф. П. Толстому, когда тот приезжал в Италию.

* * *

Читатели моих очерков «Парижские находки», вероятно, помнят воспроизведенный в красках в № 47 «Огонька» за 1966 год акварельный портрет М. Н. Волконской с сыном, исполненный художником П. Ф. Соколовым в 1826 году. Там я рассказал и историю этого портрета, который был увезен Марией Николаевной в Сибирь, когда она решила разделить судьбу мужа-декабриста, сообщил и о том, что в настоящее время после скитаний на протяжении ста сорока лет по всему свету эта замечательная реликвия пушкинской эпохи находится в Париже у В. Н. Звегинцова. Прочитав мой очерк, Владимир Николаевич согласился с тем, что портрету М. Н. Волконской следует совершить последнее и уже окончательное путешествие — на родину (об этом решении В. Н. Звегинцова сказано в № 5 «Огонька» за 1967 год в послесловии к очерку «Альбом декабристки»). В прошлом году в Париже был Начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Г. А. Белов, и благодаря его любезному содействию эта реликвия совершила свое последнее путешествие. Одновременно до меня дошло письмо В. Н. Звегинцова, в котором были такие строки: «Дорогой Илья Самойлович. Когда Вы получите это письмо, акварель Соколова, изображающая М. Н. Волконскую-Раевскую, будет уже у Вас, закончив свои многолетние и многоверстные передвижения. Надеюсь, что вернется она домой в сохранности и что благодаря Вам найдет подобающее ей место вечного упокоения в Пушкинском музее в Москве. С моей души спадет большой камень...»

Рад сообщить, что портрет М. Н. Волконской передан мною в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве и уже занял почетное место в его экспозиции.

---

[4] Риальто — мост в Венеции, переброшенный через Большой канал.

ДОБРЫЙ СКАЗОЧНИК

Он стоит наверху, держась за перила деревянной крашеной лестницы, и голос ласковый-ласковый, добрый: «Приезжайте еще! Посмотрите библиотеку. Покажу вам Чукоккалу». Глаза приветливые, ласковые. И ладонь мягкая, ласковая. Весь излучает доброту, тепло. Молодой, искрящийся радостью. Блистательная, полная юмора и живости речь.

С фотокорреспондентом Галиной Санько мы приехали к Корнею Ивановичу накануне его восьмидесятипятилетия. С утра одолевали его посетители. И мы были не первыми. Через дом тянулись провода — во дворе стояла машина из радиостудии,— готовилась передача о Корнее Ивановиче. Перед нами ушли корреспонденты ТАСС, АПН. Наконец и мы.

Секретарь успела предупредить, чтобы мы не переутомляли Корнея Ивановича, он с пяти утра за столом: писал, переводил. Да и после нас ему предстоит несколько деловых встреч.

Сначала смеялись, Корней Иванович шутил, показывал говорящего по-английски льва и веселился непосредственно и искренне, как ребенок. А потом глаза его внезапно стали строгими, серьезными и голос твердым: «Ну, что?» И я ощутила вдруг: разрядка кончилась. Юбилей юбилеем, а писателю — страшно некогда. Громадный стол завален рукописями, гранками, стопками новых книг, свежей почтой. Корней Иванович спешил. Спешил закончить работу о Чехове, вновь — в который раз! — редактировал труд всей жизни — исследование о творчестве Некрасова, писал воспоминания о современниках, дополнял к очередному изданию «От двух до пяти», следил за версткой Чукоккалы, книги, родившейся в его приветливом и гостеприимном доме, переводил.

Энергия его и интерес к жизни были безграничны. Казалось, он неутомим в редакторской, литературоведческой, переводческой деятельности. А дом Чуковского, несмотря на неимоверную занятость хозяина, как и дом любимого им Чехова, всегда был полон гостей со всего света. В нем чувствовали себя радостно и легко.

И вот не стало доброго сказочника, выдумщика. Но книги, написанные Чуковским, будут всегда приносить только радость.

Г. СМЕТАНИНА

Иван САВЕЛЬЕВ

СЕМЕНА И ВС

Иван Савельев родился и вырос на Смоленщине, в деревне Руданово. Работал в колхозе. Учился в кинотехникуме, а отслужив в армии, поступил в Московский университет. Стихи поэта — дань родному краю, сыновняя благодарность земле, на которой до сих пор трудятся его родители — колхозники.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Не все еще перемололось
И обозначилось, как свет.
Но знаю, есть у цвета голос,
И есть у голоса свой цвет.

Когда (равнению учись)
На праздник шествуют колонны,
Я слышу, как кричат знамена:
«Да здравствует социализм!»

Когда народ бурлит рекою
И дышат будущим глаза,—
Взмывают флаги цвета крови
И цвета крови голоса.

И сила их неодолима,
Поскольку силы равной нет.
И Время, что необратимо,
Работает на красный цвет.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Из забитых крестьян,
Из забытых,
из «прочих»,
Что, сменяя друг друга,
Тянули лишений ярмо,
Поднимало меня
Государство рабочих,
К высоте беспредельной
Поднимаясь само.
Я теперь на ногах.
Я, как видите, выжил.
Я — работник земли —
Ныне твердо стою на земле.
И, прозрев навсегда,
Я грядущее явственно вижу.
И уже не букварь —
«Капитал» у меня на столе.
Это книга моя.
В ней мое превосходство
Пред ученостью тех,
Кто учился по книгам другим.
И со мною с таким
Очень трудно сегодня бороться,
Бесполезно бороться со мною,
с таким.
Как бы ни было трудно,
Какие б враги ни открылись,
Мне Советская власть
Ни за что не позволит пропасть,
Потому что мы с ней
Под одною звездой появились,
Потому что я сам
В государстве —
Советская власть!

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

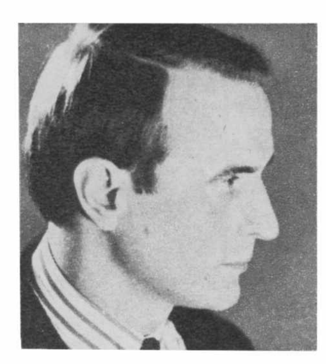
Ты опять не приехал. Кончается срок.
И ползут по деревне тревожные слухи.
Докатились до нас ваши споры, сынок,
Но в деревне теперь понимаем мы суть их.
Нам порой говорят:
«Ваше дело — паши,
Сей исправно овес и ходи за коровой...»
Это — дело для рук, нужно нам для души
Настоящих стихов задушевное слово.
Помни, сын, что поэт — это тоже стратег,
Значит, думай о том, забывая про славу,
Чтобы труд наш прошел по упругой строке,
Как весенние ветры проходят по травам.
Знаем, дело не наше — стихотворству учить.
Только больно читать, как иные поэты
Сочиняют о нас не стихи, а наветы,
Мужика поучая, как за плугом ходить.
Поместят, не спрося его, в те времена,
Когда жил он межой, одинок и запуган.
Нам земля — на века, и навеки — страна!
Ты напомни об этом, ходивший за плугом.
Мы своей не изменим высокой судьбе.
И тебе говорим: выше наше оружье!
Спорь, сынок, до конца!
Мы поможем тебе
Делом рук мужика —
нашим хлебом насущным.

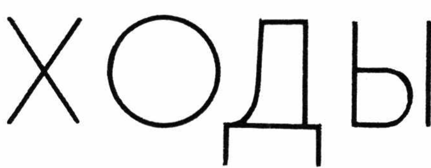
* * *

Эта белая правда берез,
Правда русского, доброго солнца,
Очень близко, напротив оконца,
Объясниться с тобой довелось.
Ты светилась сквозь шелест листвы,
Невесомая в сумерках рыжих.
Столько было кругом синевы,
Что казалось: проломятся крыши.
Что казалось, живи и дыши,
Если в небо березою поднят
Этот праздничный полдень души,
Этот твой нескончаемый полдень.
Не уйти мне от песни твоей,
От негромких застенчивых стежек,
Правда русских раздольных полей,
Что весома овсами и рожью.
Потому никому не дано
Равнодушьем тебя обезличить.
Слышу: песнь возвращается птичья,
Вижу: в землю ложится зерно.

ЛЕТО

Вот надвигается, движется поле
Белых березок, бегущих толпою.
Луны кувшинок раздвинули плесы,
Вязко врезаются в землю колеса.
Всею артелью, целым колхозом
Сочное лето с луга увозим.
Воз, на который травы ложатся,
Тянет выносливая лошадка.
Под облаками напропалую
Губы девчонки ждут поцелуя.
Рыжее солнце в косах струится,
С голых коленок летит медуница.
Я на лугу собираю куплеты.
Я ей кричу:
— Полюби меня, Лето!
Знаю, хорош я, но, видно, не очень.
Слышу, смеется:
— Простите, я — Осень.
Я не про вас...— А сама уезжает.
Рыжее солнце с воза бросает.
Я догоняю ее — не догонишь...
Катится солнце мимо ладоней.

* * *

Живу, ни на мгновенье не устав
На празднике природы веселиться.
Чей понял слух многоязычье трав,
Тому дано судьбой с землею слиться.

Я исходил и вдоль и поперек
Родную землю и душою понял,
Что я и сам — таинственный цветок,
Узнавший солнце на земной ладони.

Я ею в поднебесье вознесен.
И с той поры, когда я в мир явился,
В моих глазах не отцветает лен
И в душу сок березовый пролился.
Все у меня у сердца: леса синь,
Хлебов разлив и тонкий лепет речки...
И если кто-то спросит:
— Чей ты сын?
— Я сын Днепра,
Я Волги сын! — отвечу.
И поклонюсь по-русски до земли.
Быть сыном их—нет в мире выше чести.
И, надо мной поднявшись, журавли
По небу след любви моей прочертят.

* * *

Незамутненно воду пью.
Дождинки в радужном свеченье...
Смоленщина, тебя пою,—
Я твой должник со дня рожденья.
Здесь мой отец поставил сруб
И суп сварил в солдатской каске.
Я на цветное слово скуп,
Как ты на праздничные краски.

И ты, как мать, во всем права.
Я это понял через годы.
Бывает мода на слова,
А на любовь не будет моды.

Все истинно в моей любви.
И потому так сердце ранят
Поля недлинные твои,
Лесов нехоженые страны.
Здесь заливные берега
Несут в ладонях реку братства.
И на уме у мужика
Слова, готовые сказаться.

Мой верен слух. Я слышал речь
Седого жителя деревни.
Учил он помнить и беречь
Твоих просторов голос древний.

Здесь времени хранит печать
Старинный храм и звонкий колос.
Но научиться отличать
Не каждому дано твой голос.

Ты — шелест льна и шум хлебов...
У тех, кто эту землю любит,
Одна и песня и любовь.
Но о любви по песне судят.

* * *

Наверное, надо родиться
В щемящей тиши деревень,
Чтоб мог нескончаемо длиться
Хватающий за душу день.

Здесь лошадь любуется бегом
Раскованных летом копыт,
И след обнаженный телега
Поглубже вести норовит.

И я, хлебороб от рожденья,
Почуяв, что поле — судьба,
Гляжу, как идут в наступленье,
Качая колосья, хлеба.

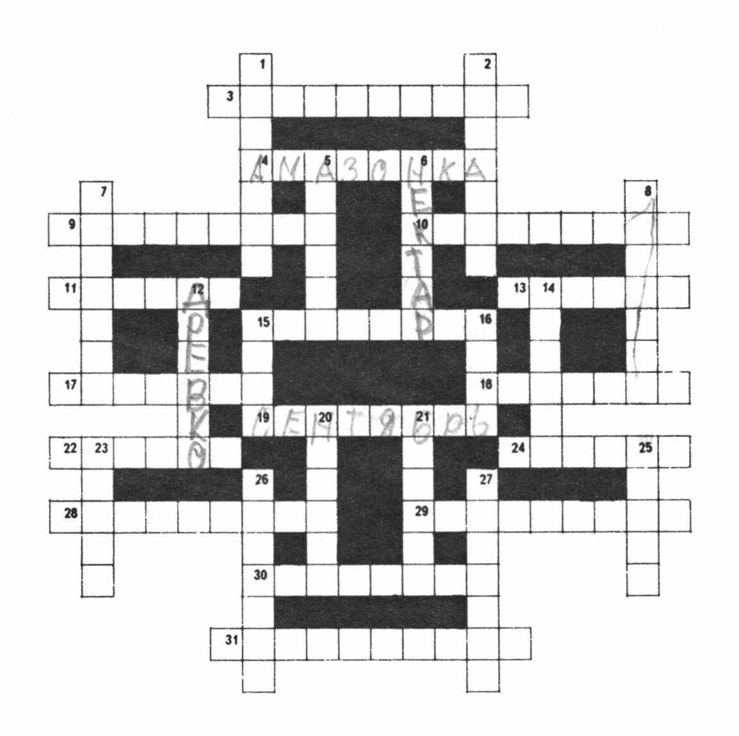
В них силища буйная дремлет,
Я ею доверчиво жил,—
Я сам семена в эту землю
Хозяйской рукой положил.

Мне август награду пророчит,
И чувствую я не впервой:
Щедра под колосьями почва,
Крепка — под моею ногой.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Советский поэт. 4. Река в Южной Америке. 9. Курорт в Карелии. 10. Лесная ягода. 11. Древнегреческая эпическая поэма. 13. Хлопчатобумажная ткань. 15. Инструмент каменщика. 17. Однородная смесь различных веществ. 18. Нарицательная стоимость. 19. Месяц года. 22. Советский скрипач. 24. Скульптурное изображение. 28. Созвездие северного полушария неба. 29. Опера М. П. Мусоргского. 30. Костюм космонавта. 31. Остров в Индийском океане.

По вертикали: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Французский художник. 5. Рыба, способная передвигаться по суше. 6. Сахаристый сок медоноса. 7. Птица отряда голубей. 8. Струнный инструмент. 12. Деревянный шест, к которому прикрепляется знамя, флаг. 14. Угол между направлениями на север и заданным движением. 15. Прохладительный напиток. 16. Шахматная фигура. 20. Штат в США. 21. Песчаный холм. 23. Оптическое стекло. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 26. Аппарат для регулирования напряжения в электрической цепи. 27. Часть города.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали: 5. Консерватория. 6. Карасор. 8. Колизей. 9. Авдотка. 10. Альт. 12. Адан. 14. Североморск. 16. Асфальт. 18. Центнер. 19. Радикал. 20. Автобус. 22. Азербайджан. 23. Агат. 25. Бени. 26. Конотоп. 28. Грамота. 29. Остужев. 30. Аккомпанемент.

По вертикали: 1. Октант. 2. Астра. 3. Бочка. 4. Рябина. 7. Молома. 11. Люксембург. 13. Аттракцион. 14. Сосновка. 15. Кардиган. 16. Арка. 17. Трос. 21 «Очаков». 24. Тамтам. 25. Брутто. 26. Каноэ. 27. Поэма.

На первой странице обложки:

Участница танцевального самодеятельного коллектива Хариет Ужбанокова. Аул Октябрьский Теучежского района в Адыгее.

Фото К. Каспиева.

На последней странице обложки:

Отсюда ушла первая... (См. в номере репортаж «В колышек!..»).

Фото Г. Макарова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00441. Сдано в набор 28/X-69 г. Подп. к печ. 11/XI-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 2309. Заказ № 2911.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТЫСЯЧЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото Б. Кузьмина и Дм. Бальтерманца.

Стрелка на кремлевских часах приблизилась к десяти. Советская земля приготовилась слушать Красную площадь, традиционный Октябрьский парад. Вот из Спасских ворот показалась машина Министра обороны Союза ССР, и в ту же секунду грянул оркестр. «Юбилейный» марш Чернецкого, подхваченный ретрансляторами, понесся над всей страной.

Мы привыкли к торжественным и бодрым мелодиям военных маршей, к четкому, строевому ритму и безукоризненной слаженности военных музыкантов. Без всего этого праздник, кажется, был бы не праздник. Сверкают на солнце кларнеты и саксофоны, валторны и тромбоны, отливают червонным золотом медь тарелок и широкие раструбы туб, мелодично постукивают, будто выписывают узоры на кружеве, молоточки изящных лир. Молчат только приподнятые над рядами, как штандарты, бунчуки, дразняще-пышные, с пурпурными кистями, все в звездах и колокольчиках — непременная деталь воинского оркестрового ритуала. Все остальное, повинуясь малейшему жесту главного дирижера, поет и звенит. Даже не верится, что может слиться воедино звучание тысячи труб.

Впрочем, достаточно побывать на репетициях сводного оркестрового полка Главного парада, чтобы понять, как достигается та стройность, сыгранность и легкость, которые отличают истинно высокую культуру исполнения. Репетиции начинаются задолго до ноября, когда на московских улицах еще зéлены тополя. Происходят они сначала в разных местах, в двадцати четырех оркестрах военных академий, училищ и войсковых частей Московского гарнизона. Самый многочисленный из них — Отдельный показательный оркестр Министерства обороны СССР. В нем сто музыкантов.

...Комсомольский проспект, 18. Бывшие Хамовнические казармы. Здесь штаб-квартира оркестра. Золотистоколонный, наполненный разноголосым гулом дом напоминает музыкальную шкатулку. В залах, комнатах и даже в холлах играют все сразу и каждый свое. На нас обрушивается грохочущая лавина звуков, но музыканты будто вовсе и не замечают друг друга, каждый слышит одного только себя. Многие из них — воспитанники консерваторий. Кларнетист Валентин Львович Хомицкий, например, тоже. Он не только солист, но и концертмейстер и сам пишет музыку. Оркестр этот, кстати, часто выступает с концертами, выезжает и на гастроли. «Сердечно благодарю за великолепное исполнение моей Девятой симфонии»,— такую высокую оценку дал ему Дмитрий Шостакович.

Трубач Николай Филиппович Артемов проигрывает в который — сотый или тысячный! — раз свою партию из «Парижского марша» — он будет исполняться на параде. С этим маршем русские полки триумфально входили в 1815 году

Главный военный дирижер Советской Армии генерал-майор Н. М. Назаров (в центре) доволен: марш прозвучал хорошо.

В Лужниках на репетиции.

Звучит Гимн Советского Союза...

ТРУБНЫЙ...

в столицу Франции. Старшина сверхсрочной службы Артемов — ветеран оркестра: оркестру — тридцать шесть, а он в оркестре тридцать два года. Участвовал в шестидесяти парадах на Красной площади.

Для барабанщика Лени Орлова нынешний парад первый в его жизни. Мы познакомились с Леней в тихом сосновом бору на окраине Москвы, где находится единственная в своем роде военно-музыкальная школа. Восемьдесят мальчишек в черных шинелях с лирой на красных погонах маршировали на своем плацу. Это им выпала честь открывать парад. Их четкая барабанная дробь сообщила ритм всему движению, задала темп пехоте. Стройной колонной в восемь шеренг двинулись барабанщики от Исторического музея к Мавзолею, а за ними войска, войска...

А когда высоко в поднебесье взлетело звонкое «Слушайте все...», то пусть каждый знает — сигнал исполнили юные фанфаристы из этой же школы. Услышал призывный клич фанфар и старый человек, и тревожно-радостно забилось у него сердце. Сидел он у своего приемника на окраине Воскресенска, что в Подмосковье, и ловил биение пульса великой площади.

Людомир Антонович Петкевич был дирижером того самого оркестра, который играл частям молодой Красной Армии 1 Мая 1918 года на Ходынском поле.

— Это был первый советский Первомай, первый военный парад,— вспоминает Петкевич.— Оркестром и всем музыкальным оформлением было поручено руководить мне. Вдоль Петроградского шоссе выстроились войска. В шестнадцать часов тридцать минут пополудни, после того как на Красной площади закончилась манифестация, в открытой машине прибыли В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова. Владимир Ильич сошел с машины, под звуки марша обошел строй войск, поздравил с праздником, поднялся на трибуну, мимо которой двинулись пехота, кавалеристы, пулеметчики на тачанках. Мы играли «Марсельезу», «Суворовский марш», «Марш Богдана Хмельницкого». У меня до сих пор сохранились их партитуры. Музыканты начали складывать ноты, но тут Ленин попросил сыграть еще и для колонн трудящихся, которые пошли мимо трибуны.

Дирижер оркестра первого военного парада был капельмейстером 11-го Фанагорийского генералиссимуса князя Суворова полка, в 1917 году полностью перешедшего на сторону революции. Дирижер сводного оркестра военного парада 1969 года — главный военный дирижер Советской Армии, заслуженный деятель искусств РСФСР, генерал-майор Николай Михайлович Назаров. В первом оркестре было 45 музыкантов, в нынешнем — до тысячи. За полвека возникла своеобразная школа исполнения военно-маршевой и военно-церемониальной музыки. Основы ее заложил замечательный композитор, профессор и генерал Семен Александрович Чернецкий. Раньше от военного оркестра требовалось, чтобы музыка звучала «громко и весело». Чернецкий, непревзойденный интерпретатор военной музыки, обогатил ее эмоционально-художественными средствами. На военно-дирижерском факультете Московской консерватории, где он преподавал, выросла плеяда талантливых дирижеров и музыкантов. Генерал Назаров — ученик и достойный последователь Чернецкого, продолжающий развивать структуру и организацию оркестра.

В 1939 году Николай Михайлович окончил военно-дирижерский факультет при Московской консерватории. Началась война, и дирижер надолго расстался с оркестром. Воздушнодесантный полк, который он возглавил, сражался с фашистами на Курской дуге и в знаменитом бою под Прохоровкой. Позже Назаров командовал 26-м гвардейским стрелковым полком. Закончил войну в Прибалтике, участвуя в ликвидации Курляндской группировки.

Когда 7 ноября Назаров поднялся на дирижерскую площадку перед Мавзолеем, отдал честь членам правительства на трибунах и рукой, затянутой в белую перчатку, взмахнул оркестру, на парадном мундире генерала сверкнули боевые ордена. Многие музыканты сводного оркестра тоже были с орденами, потому что они не только музыканты, но и воины.

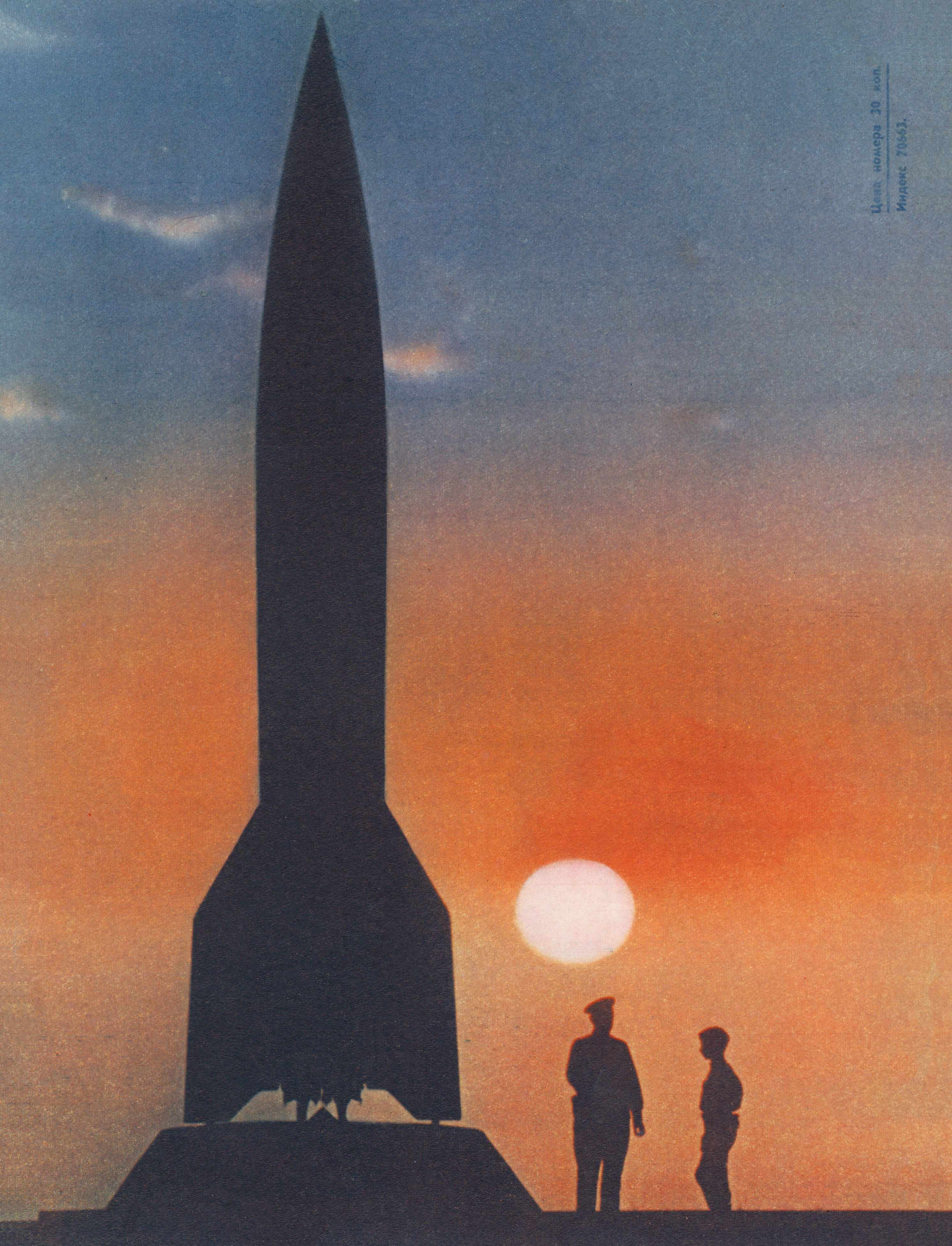
Не скажешь, что Николай Филиппович Артемов — ветеран оркестра.

Людомир Антонович Петкевич рассказывает воспитанникам военно-музыкальной школы о первом параде.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.